

ფრად
შრატუანელებ

ჯუჭუაყე
ეროყეცაყომ

Фрай Шрифтштеллер

Живущие протестом

2013

Фрай Шриффтшеллер.

Живущие протестом. НПП «Lixoy-Star», Планета Земля, 2013 — 284 стр.

Ⓐ Фрай Шриффтшеллер

Ⓐ НПП «Lixoy-Star»

От автора.

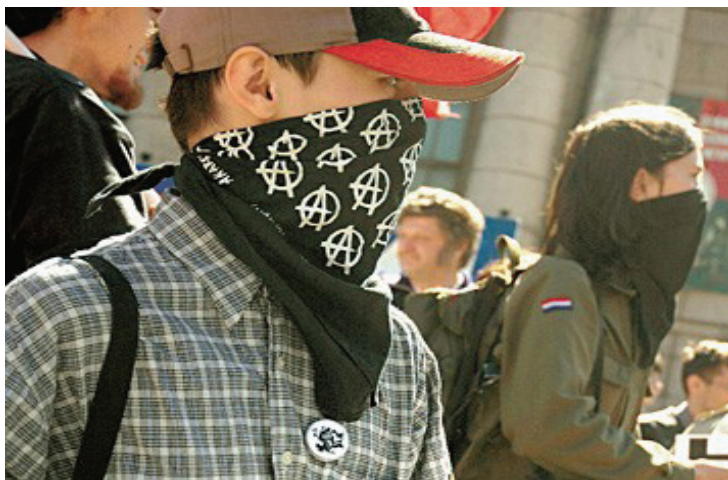
Первые главы этой книги я начал писать шариковой ручкой в общей тетради, когда отбывал наказание в колонии общего режима в Свердловской области. Ещё до отправления в эту колонию, когда я сидел в Питере в СИЗО «Лебедёвка» (за то, что 4 ноября 2008 г. в центре Питера я пару раз ударил ножом какого-то малолетнего нациста после их акции «Русский марш»), мне сокамерники предлагали написать книгу. Я сначала отнекивался, но потом постепенно стал свыкаться с мыслью, что всё-таки напишу книгу, в которой поделюсь своим опытом с окружающими. И когда меня этапировали из Питера в Свердловскую область досиживать свой двухлетний срок, у меня в голове уже была масса мыслей об этой книге. Я постоянно думал, как и что написать, и постепенно просто уже не мог думать больше ни о чём, кроме книги. Но писать нужно было так, чтобы в случае проведения в бараке обыска (а обыски там регулярно проводились), даже если бы мою писанину и нашли бы, придаться было не к чему. Да ещё и при освобождении мне, скорее всего, не дали бы вынести с собой эту тетрадь, поэтому я собирался отправить её домой письмом, а это означает, что её сначала будет читать цензура... Поэтому я писал с сокращениями, только то, что «без палева». Ну и, конечно же, все имена в книге изменены, и любые совпадения с именами реальных людей случайны.

Книга ориентирована на широкий круг читателей: как тем, кто уже давно в антифа и знаком со мной, и с кем я вместе участвовал в различных акциях, так и тем, кто что-то где-то слышал про то, что есть такие антифа, но кто это такие — даже не представляет. Поэтому если вы, например, знаете, кто такие RASH, знаете историю возникновения Первой и знакомы с экспериментом Стэнли Милгрэма, можете просто пропустить соответствующие главы, где об этом рассказывается, и читать всё остальное. Или вы можете читать все главы подряд, если хотите узнать больше о тех, кто

противостоит фашизму, дискриминациям и борется за наше светлое будущее. Конечно, я не мог описать всех акций, которые проводились с 2006 по 2012 год, но я попытался выбрать те из них, которые, по моему мнению, могут хорошо проиллюстрировать общее настроение людей этого периода.

Надеюсь, вы найдёте в этой книге полезную для себя информацию...

Приятного чтения.

Глава 1. Начало.

То, что я буду вести борьбу против нацистов, я понимал, ещё учась в школе. Это был конец 90-х. Шла Вторая чеченская кампания, и населению России постоянно демонстрировались «зверства чеченских боевиков». Власть усиленно создавала образ врага в лице чеченцев. Одновременно с этим на улицах разных городов, в основном крупных, начинают ходить строем бритые наци в бомберах и высоких ботинках, а СМИ ошибочно называют их «скинхэдами». Многие их нападения на «не русских» сразу же провоцируют шумиху в газетах и на телевидении. Мол: «...в стране, победившей фашизм, нападают на иностранцев...». Это было начало...

Я жил в небольшом городке Лабытнанги и про все эти проблемы узнавал только из различных СМИ. Но усидеть на месте я всё равно не мог и ещё в старших классах школы писал подобные статьи в местную подростковую газету. После окончания школы я поехал учиться в Санкт-Петербург — город, который непонятно с чьей подачи по телевизору уже окрестили «столицей русских скинхэдов». Я знал, что есть такие люди, которые устраивают силовые акции против ультраправых, но так как они были хорошо законспирированы, у меня не было возможности к ним присоединиться, хотя я всюду замечал их следы в виде зачёркнутых свастика и наклеек «АНТИФА!». Кроме однокурсников я почти ни с кем не общался, поэтому я начинал с того, что по пути на учёбу заходил во все парадные и проходил по лестнице все этажи в поисках свастика и различных нацистских надписей. Все их я стирал или закрашивал так, чтобы не оставалось даже намёка на то, что там было что-то подобное. Каждый день я ставил перед собой задачи типа «уничтожить за день 100 свастика» и нередко я перевыполнял намеченный на день план. Каждая такая прогулка обещала приключения, связанные с интересными встречами с милицией, охранниками и нацистскими

патрулями, которые больше искали людей «неславянской внешности», но и встрече с одиноким антифашистом были рады. А я представляю собой смесь того и другого. Все такие встречи заканчивались по-разному, и если описывать все, то хватило бы на отдельную книгу... Так продолжалось несколько лет, пока в один тёплый весенний вечер я во время одного из своих рейдов не увидел на заборе стикер, приглашающий на «Международный антифашистский марш». Я сразу понял, что это мой шанс найти настоящих единомышленников. Этот марш должен был состояться на следующий день...

Глава 2. Мой первый марш.

Я специально не пошёл на последнюю пару на учёбе, чтобы успеть на марш. Была облачная погода, слегка поддувал слабый ветерок, и пение птиц поднимало настроение. Приехав в назначенное время к ДС «Юбилейный», я среди множества людей с флагами и плакатами сразу заметил группу с закрытыми лицами. Моментально стало понятно, что это как раз те, кого я и искал. В этот день я всё-таки не решился поговорить с ними, а просто взял у них листовку «Антифашистской ассоциации» с номером телефона. Я был одет абсолютно неприметно в самую обычную одежду, и только лицо закрыл шарфом, так, на всякий случай. Но всё равно я сразу почувствовал, что эта группа смотрела на меня настороженно. «Наверное, приняли меня за переодетого мента», — подумал я и решил отложить знакомство.

— Товарищи, нужен ещё один человек, чтобы нести главный баннер, — крикнул здоровый дядька, одетый во всё красное, скорее всего один из организаторов марша.

Я тут же вызвался добровольцем. Взял одну из стоек переднего баннера с надписью «Международный антифашистский марш», другую стойку держал этот здоровяк в красном. За этим баннером сразу стали выстраиваться

колоннами различные участники этой акции. Здесь были все: иностранные студенты, левые, либералы, анархисты и обычные люди — всего около 1 500 человек. Помню, какая у меня была гордость оттого, что я впервые участвую в подобной акции и уже несу передний баннер. Среди толпы антифашистов, пришедших на акцию, оказались несколько человек, которые сильно отличались от всех остальных.

Лица у них были закрыты, но не шарфами или банданами, а одинаковыми медицинскими марлевыми повязками. Они ходили среди толпы и фотографировали участников марша. Я стал наблюдать за антифашистами, которые заранее пришли на акцию с закрытыми лицами. Фотографы в марлевых повязках тоже заинтересовались этой группой. Антифашисты были явно не обрадованы таким вниманием, но было понятно, что не могут их прогнать из-за большого скопления ОМОНовцев. Зато эти странные фотографы не стеснялись ни самих антифашистов, ни мусоров. У меня не оставалось никаких сомнений в том, что это были нацистские скауты. Наконец все собравшиеся начали движение к Кунсткамере и к СПбГУ через Биржевой мост. Во время движения все скандировали разные антифашистские кричалки и лозунги. Людей было так много, что последние ряды не слышали первых, и поэтому получалось, что они выкрикивали различные лозунги. Закончив свой путь у памятника академику Сахарову возле СПбГУ, мы пришли на митинг.

Перед памятником Сахарову стояла сцена, на которой был установлен микрофон и колонки. По очереди на сцену выходили разные участники митинга и толкали речи. Среди толпы продолжали ходить нацистские скауты, и за всем происходящим следили менты. Ещё не закончив митинговать, все узнали, что во дворах по пути к метро «Василеостровская» уже начались нападения нацистов на антифашистов, которые ушли с акции пораньше. По своему обыкновению наци нападали сзади и толпой. На закрытых марлевыми повязками лицах скаутов я заметил удовлетворение от такой новости. Один из выступавших призвал уходить с митинга только большими группами, так как нацисты нападали только на тех, кого они превосходили количеством. Учитывая реальность нападения, я пошёл до метро вместе с большой группой других антифашистов. Придя домой, я повесил подаренную мне антифашистскую листовку на стену. Моя первая антифашистская листовка... Настоящая!!! Долгое время я не решался позвонить по телефону, указанному в листовке. Что я им скажу? Что они мне скажут? Что это за «Антифашистская ассоциация»? В конце концов, после долгих раздумий я решил позвонить.

— Алло. Антифашистская ассоциация.

— Здравствуйте, а как к вам можно присоединиться? — первая фраза, что пришла мне в голову.

— Приходите в воскресенье в 14:00 на Малую Конюшенную. Там, возле памятника Гоголю у нас еженедельная акция проходит.

— Хорошо. Приду.

По голосу в трубке я узнал бородатого мужика в одежде милитари и с большим чёрным флагом на плече — таким я его видел на марше. Он был одним из выступающих на митинге, говорил про единство власти и фашистов. Это был 50-летний учитель истории, старый питерский анархист Пётр.

После того, как я сходил на антифа-марш, я стал носить красные шнурки. В 2006-м году такие шнурки считались отличительной чертой антифа и движения RASH.

Глава 3. История RASH.

RASH — Red & Anarchist Skinheads (красные и анархо-скинхэды) это международная сеть скинхэдов с антирасистскими и леворадикальными взглядами. RASH был официально основан 1 января 1993 года участниками «Мэйдэй Крю» (Mayday Crew), левым крылом скинхэдской группировки, расположенной в Нью-Йорке, с поддержкой скинхэдов из Оттавы, Миннеаполиса, Чикаго, Цинциннати и Монреаля. Символом RASH является круг с тремя красными или белыми стрелами внутри, которые обозначают Свободу, Равенство и Солидарность. Данное лого было использовано первыми уличными антифашистами — Красными Бригадами Немецкой Коммунистической партии. Иногда вокруг круга используется лавровый венок (один из символов скинхэдов) и скрещенные топоры (символ независимости Басков). Одним из основных лозунгов был лозунг о неразрывности скинов и рабочего класса. Левые скины верят в его силу и правоту.

Ещё одной целью этого движения является опровержение мифа о том, что скинхэды являются расистами. На самом деле первые упоминания о скинхэдах в прессе и музыке встречаются в Англии в конце 60-х годов XX-го столетия. Изначально эта субкультура являлась абсолютно аполитичной, ни правые, ни левые взгляды в ней не преобладали.

Первые скины были гопниками, выброшенные на улицы дети бедных рабочих семей. Они просто жили в свое удовольствие, ходили на футбол, пили пиво, и слушали ска, — музыкальный стиль, который наряду с пивом и девками считается одним из трех китов скин-движения.

Первые скинхэды слушали музыку, которую привезли в Англию иммигранты с Ямайки. От этих же иммигрантов они заимствовали стиль одежды и даже бритьё головы. Всё

произошло потому, что те ямайцы, которые, скажем так, вели хулиганский образ жизни, стали сбривать свои дреды, чтобы за них не хватались в драках. Эти молодые иммигранты называли себя «Rudy» или «Rude Boys» (что-то типа «отморозки»). Любимыми певцами первой волны скинов были черные — Дезмонд Деккер, Лаурил Эткин. Говорят, что именно из среды скинхэдов начал раскручиваться легендарный теперь Боб Марли. Скины вообще дружили с мулатами и цветными — выходцами из Вест-Индии и Ямайки. Особо делить им было нечего. Вместе они тусили, играли и слушали музыку, вместе били богатых модников и рокеров. Таким образом, культуру скинхэдов можно считать результатом смешивания культур из низов рабочего класса Англии и культурой рудбоев.

В 70-х годах начался экономический кризис, росла безработица, уменьшались пособия. Этим сразу воспользовались нацисты в лице партии «Национальный фронт». Они стали объяснять обзлѐнной молодѐжи, что во всех их бедах виноваты приезжие иностранные рабочие. Некоторые скинхэды оказались восприимчивы к их мнению и присоединились к расистским силам. Однако, традиционно ориентированные не хотели быть вовлечѐнными во всё это. Уже тогда наци-скинов стали называть «boneheads» — сами нацики понимают его как «костяные головы», ну а все остальные скинхэды — как «тупоголовые».

В 80-х в Америке стали серьезно раскручиваться нацики. В 1986 году бонхэды из «Белого арийского сопротивления» съездили в ФРГ (Федеративная Республика Германия, это была капиталистическая часть Германии, а социалистической частью была Германская Демократическая Республика [ГДР]), поднабраться опыта у тамошних нацистов.

Тут-то (в 1987-м) наконец серьезно забеспокоились настоящие скины, традиционалы. И в конце восьмидесятых в Нью-Йорке во главе с культовым скином Marcus SHARP было создано новое скин-объединение «Skinheads Against Racial Prejudice» (Скинхэды против расовых предрассудков), или

попросту «Скины-Антирасисты», короче — «ШАРПы». Основными своими задачами ШАРПы понимали разъяснение людям настоящую сущность скинхэдства, борьбу с бонхэдами и пропаганду истинных скинхэдских ценностей.

Остервенение, с которым «настоящие» взялись за дело, участие в теле- и радиопередачах, выпуск своих газет и листовок, массивная пропаганда и,

конечно, акции прямого действия с разгоном ультраправых демонстраций, погромов бонхэдских штаб-квартир и концертов их групп принесли свои плоды. К 1989 году движения «White Power» и «Nazi» в NYC фактически были разгромлены, и первое легендарное отделение SHARP в Нью-Йорке фактически прекратило свою деятельность, распавшись на несколько менее крупных тусовок.

Ну а в 1993 году в Нью-Йорке было основано движение RASH. Они посчитали, что невозможно бороться с нацистами и при этом не бороться с причиной их появления — властью и капитализмом...

На данный момент существуют и ШАРПы, и РАШи — и те, и другие устраивают силовые акции против нацистов...

Глава 4. Знакомство с антифа.

Одев свои красные шнурки в ботинки, я отправился на Малую Конюшенную (помнил, как мой цивилизованный вид насторожил антифа на марше). Ещё подходя к памятнику Гоголю, я увидел нескольких человек с антивоенными транспарантами. Это были те самые антифа, которые закрывали лица на том марше. Они стояли в пикете, который, как оказалось, был организован для выражения протеста против войны в Чечне и вообще против милитаристской

политики на Кавказе. Я сразу подошёл к тому самому бородачу с чёрным флагом и спросил можно ли мне поучаствовать в акции, на что он ответил, что здесь нет главных и, если у меня есть желание присоединиться, никто запрещать не будет. Постепенно к акции присоединялись и другие антифа, и сразу же обращали внимание на меня и на мои шнурки. Наконец ко мне подбежала ярко одетая девушка с зелёными шнурками в ботинках.

— Привет. А ты что — RASH?

— Ну да, — сразу ответил я, хотя тогда я ещё только в общих чертах знал, что это такое...

Тут же меня окружили несколько человек, у каждого из которых в ботинках были зелёные шнурки. Это были ПВшники, те, кто, можно сказать, зарождал антифа движение Питера.

«Панк-Возрождение», как они себя называли — это группировка, которая ставила своей целью возрождение традиционной Панк-культуры, борьбу со всеми проявлениями фашизма (а также смыкающимися с ним понятиями) и авторитаризма. Изначально они объединились для того, чтобы безопасно ходить на концерты и, в случае нападения бонхэдов (бонов), обороняться. Постепенно люди, которые стояли у истоков ПВ, из различных источников стали узнавать, что панк — это нечто большее, чем шум, что это не музыкальный стиль и не внешний вид, а способ мышления и образ жизни. Но хоть ПВ и было всегда тесно связано с анархическим движением, анархистами себя тогда никто не считал. Основная деятельность ПВ тогда сводилась к нападениям на нацистов, к изготовлению нашивок, наклеек и пропаганде ШАРПовской темы. Потом с ПВ стали

контактировать люди с анархическими убеждениями, имеющие доступ к контркультурной литературе, периодике, музыке. Информация, которую панки там почерпнули, ещё раз перевернула их представления о панке и о налипших на него стереотипах. Многие тогда стали понимать, что бороться с предрассудками, не борясь с системой, которая их порождает, — это выпускание пара. Всех больше стали интересоваться альтернативные государству, власти и существующим товарно-денежным отношениям пути развития. Они стали проводить анархистские акции против власти и капитализма... Почему они выбрали своей отличительной чертой зелёные шнурки, похоже, не знали даже они сами...

На меня посыпались вопросы, откуда я, чем занимался, в каком районе живу и тому подобное. Я им рассказывал про свой город, и всех очень сильно удивило, что там нет бонов. Пока мы знакомились, я не заметил, как к пикету подошли двое подвыпивших людей, которые явно недружелюбно отнеслись к одному транспаранту. И когда они стали явно угрожать, я подошёл поближе, чтобы если что начать отбиваться. Но с этими двумя стал разговаривать Пётр, и меня опять позвали ПВшники, чтобы познакомить меня с девушкой, у которой тоже были шнурки красного цвета в кроссовках. Марго на 5 лет младше меня тогда училась в 10-м классе школы и уже была яркой антифашисткой. Ростом примерно с меня, может, даже чуть пониже — как раз такие мне и нравятся. Распущенные волосы до плеч каштанового цвета и ни грамма косметики, но ей она и не нужна была. И хоть она и была одета абсолютно по-обычному — бомбер с засученными рукавами, джинсы и кроссовки, — но было в ней что-то такое, что мешало мне отвести от неё взгляд. Никакие раны не страшны в драках с фашистами, если в антифа есть такие милые создания. Теперь меня засыпала вопросами Марго. Оказалось, что они тоже видели на стенах мои старания по уменьшению количества свастик и нацистских надписей и увеличению количества надписей «антифа» и тому

подобное, но не знали, кто это всё делает. Марго была первой, кто стала меня знакомить с культурой антифа, подарила мне зин (самопальный журнал — от слова magazine) «Контркультура», который она делала сама. Когда я всё-таки отвлёкся от лекции Марго, те двое нетрезвых людей уже пожимали руку Петру и говорили как они его «уважают», потом они куда-то ушли и вернулись с целым пакетом банок пива и стали предлагать его всем участникам пикета. Многие отказывались, отвечая, что они не пьют. Я решил не отказываться и взял себе баночку. Впервые я видел такого человека, который так легко мог убедить в своей правоте даже пьяных агрессоров. Оказалось, что они просто договорились и пришли к единому мнению, что «во всём виноват Путин и мусора». Эта акция как раз подошла к концу, и все стали сворачивать плакаты.

— Ты уходишь или с нами пойдёшь? — я даже забыл, что говорила Марго до этого, столько впечатлений у меня было за последний час.

— А вы сейчас куда?

— Мы на FNB. Вот увидишь, тебе понравится, — не дав мне ни опомниться, ни спросить, что такое FNB сказала Марго.

Мы пошли по Невскому проспекту в сторону реки Фонтанки, по пути я открыл подаренную банку пива.

— А зачем ты пьёшь? — от Марго это прозвучало, как будто она спросила «Ты что, дурак что ли?»

— Ну а почему бы мне не пить?

— Не знаю. Я вообще думаю, что это не нужно, — так начался её рассказ про sXe.

От неё я узнал, что это те, кто ведёт здоровый образ жизни, борется против различных форм дискриминации и хранит верность одному партнёру. Аббревиатура sXe расшифровывается как straight edge (чёткая грань). Символом движения является крест в виде буквы «X», это потому, что в 80-м году в Сан-Франциско выступала одна хардкор-группа, и менеджеры клуба, чтобы несовершеннолетним музыкантам не

продавали алкоголь, нарисовали на тыльных сторонах кистей их рук большие кресты. Именно эти кресты на руках и стали самым популярным символом движения, потому что они позволяли подросткам посещать клубы, не употребляя алкоголь.

— Я тоже не курю, — я попытался хоть как-то компенсировать недостаток того, что я пью пиво.

— Ну и правильно. И не начинай.

«Такая вся правильная. Не пьёт, не курит, антифашист, меня ещё жизни учит», — думал я, не переставая пить подаренное пиво. Хотя если бы я каждый день слышал этот сладкий голос, я готов был слушать любые нравоучения.

Дойдя до метро Владимирская, мы остановились у памятника Достоевскому, здесь и проходила акция под названием FNB (Food Not Bombs — Еда вместо бомб). Это акция против войны и бедности, на которой всем желающим раздавалась веганская (без использования продуктов животного происхождения) еда. Среди этих желающих основную массу составляли БОМЖи и старенькие бабушки. Сами участники акции тоже ели то, что раздавали. В итоге получилось что-то вроде пикника без костра в самом центре города. Я слышал об этой акции и раньше, когда по телевизору и в газетах сообщали об убийстве в центре Питера антифашиста Тимура Качаравы 13 ноября 2005 года, который тоже был участником этой акции, после которой его и убили, напав впятером на одного. Здесь были в основном молодые антифашисты, и опять я среди них узнал тех самых участников марша, которые сейчас уже не прятали лица, потому что не от кого было их прятать. Я стал уже более свободно общаться со всеми. Эта акция тоже была еженедельной и проходила в одном и том же месте. И каждое воскресенье многие сначала шли на антивоенный пикет на Малой Конюшенной, а потом на FNB на Владимирской в 16:00. Через несколько лет после этого Марго расскажет мне, как она, постоянно учась в школе, с нетерпением ждала воскресенья, чтобы встретиться со всеми подряд. Тогда, в

2006-м это была абсолютно мирная акция, которую организовывали сами молодые sXe-хардкорщики. И тогда ещё не могло быть и речи ни о сопротивлении ментам, ни, тем более, о захвате крейсера «Аврора» с вывешиванием на мачте пиратского флага. Всё это предстояло увидеть в будущем, а пока это было больше похоже на благотворительную акцию, чем на протест...

Ко мне подбежала Марго и, схватив меня за руку, повела вместе со всеми. На мой вопрос, куда мы идём, она ответила, что в «Мемориал». Я уже не стал интересоваться, что это такое, я решил просто поддаться ходу событий, потому что просто уже получал удовольствие от наблюдения за происходящим вокруг меня. Те более, что раз все туда пошли, значит, скорее всего, это того стоит. Все вошли в какой-то двор с железными воротами и в конце двора стали заходить в парадную. Здесь на первом этаже расположился офис «Мемориала».

«Мемориал» — правозащитная организация, которая занимается в основном изучением всяких политических репрессий и параллельно с этим проблемами ксенофобии и расизма. Все вошли в самую большую комнату, и у меня сразу же возникли ассоциации с антифашистским подпольем 30-х годов в гитлеровской Германии. Голые кирпичные стены без обоев, только с развешанными чёрно-белыми фотографиями, окна прикрыты металлическими книжными стеллажами, приглушённый свет от единственной лампочки, которая абсолютно не справлялась с освещением всей комнаты. Большой импровизированный стол, сделанный из строительных стоек, на которые просто положили большое толстое стекло. В углу стояли флаги, свёрнутые транспаранты и пустые баки из-под еды с FNB.

Все расселись в разных частях этой большой комнаты маленькими группками. Кто-то принёс чай и несколько кружек, а кто-то достал сушки к чаю. Все стали общаться на разные темы, например, какие методы борьбы эффективные, а какие нет, про победы и поражения в разных драках с

фашистами, про то, кто как к кому относится и тому подобное. Одним словом, стандартные темы разговоров обычных антифашистов. Погревшись и попив чай с сушками, кто-то предложил пойти гулять к заброшенному театру, что был в пяти минутах ходьбы от «Мемориала». Пошли человек 15 антифа, в том числе я и Марго. Заброшенный театр находился напротив университета кино и телевидения недалеко от метро «Владимирская». Его, вроде бы, собирались сносить, но успели разобрать только частично. Мы пролезли на территорию театра через большую щель в заборе. Я сразу же обратил внимание, что на стенах этого театра различные надписи и символы, оставленные там, скорее всего, моими новыми друзьями. У здания уже не было ни окон, ни дверей, только голые стены с дверными и оконными проёмами. Лестницы частично разрушены и наполовину разобранный крыша. Забравшись на эту крышу, мы стали фотографироваться и просто отдыхать, наблюдая за крышами соседних домов. Вообще, если кто-то был в Питере, но не видел разведённые мосты и не поднимался ни на одну крышу, может считать, что Питер он не видел. Недаром существуют целые фотовыставки крыш Петербурга, в Интернете можно поискать адреса открытых крыш.

Я посмотрел на чистую ровную стену соседнего здания прямо под его крышей и показал её Марго.

— Неплохое ведь место для граффити?

— Шаришь! Баллоны есть? — было видно, как загорелись её зелёные глаза в предвкушении творчества.

— Конечно, есть, — я достал из сумки два баллончика чёрной краски — один матовый, другой глянецовый, — и мы с Марго начали рисовать.

Она рисовала контур, а я закрашивал, в результате у нас получилась большая объёмная надпись «ANTiFA!». Надпись была на высоте четвёртого этажа и хорошо была видна с тротуара. Обычно подобные граффити либо портились свастиками, либо закрашивались коммунальными службами, особенно здесь, почти в центре города. Но этому граффити

суждено было просуществовать несколько лет. Возможно, оно и до сих пор там есть. Оно всегда служило мне напоминанием о моём первом дне в движении антифа и о моём знакомстве с Марго. Мы нарисовали его вдвоём...

В этом театре мы были до вечера и потом пошли гулять по центру Питера, и постепенно все разошлись по домам. Так прошёл мой первый день в движении. Теперь я не один, теперь у

меня целая толпа знакомых единомышленников. Это было начало нового витка моей жизни, потому что этот день изменил всю мою жизнь...

Я готовился ехать в свой город Лабытнанги, чтобы там пройти производственную практику, и решил взять с собой какой-нибудь агитационный материал, чтобы распространять его в своём городе. Из этих материалов я и сам узнал очень многое, в том числе и про эксперимент Стэнли Милгрэма, который меня больше всего впечатлил и очень сильно повлиял на формирование моих взглядов...

Глава 5. Эксперимент Стэнли Милгрэма.

Впервые эксперимент был описан в 1963 году. Фактически Милгрэм начал свои изыскания, чтобы прояснить вопрос, как немецкие граждане в годы нацистского господства могли участвовать в уничтожении миллионов невинных людей в концентрационных лагерях. Одних только пламенных речей Гитлера было недостаточно, чтобы люди пошли убивать и пытаться себе подобных.

Участникам этот эксперимент был представлен как исследование влияния боли на память. В опыте участвовали экспериментатор, испытуемый и актёр, игравший роль другого испытуемого. Заявлялось, что один из участников («ученик») должен заучивать пары слов из длинного списка, пока не запомнит каждую пару, а другой («учитель») — проверять память первого и наказывать его за каждую ошибку всё более сильным электрическим разрядом (на самом деле актёр, игравший «ученика», только делал вид, что получает удары). Начав с 45 В, «учитель» с каждой новой ошибкой должен был увеличивать напряжение на 15 В вплоть до 450 В.

При достижении 450 В экспериментатор требовал, чтобы «учитель» продолжал использовать последний выключатель (450 В). После трёхкратного использования последнего переключателя эксперимент прекращался.

В одной серии опытов основного варианта эксперимента 26 испытуемых из 40, вместо того чтобы сжалиться над жертвой, продолжали увеличивать напряжение (до 450 В) до тех пор, пока исследователь не отдавал распоряжение закончить эксперимент. Лишь пятеро испытуемых (12,5 %) остановились на напряжении в 300 В, когда от жертвы появились первые признаки недовольства (стук в стену) и ответы перестали поступать. Ещё четверо (10 %) остановились на напряжении 315 В, когда жертва второй раз стучала в стену, не давая ответа. Двое (5 %) отказались продолжать на уровне 330 В, когда от жертвы перестали поступать как ответы, так и стуки. По одному человеку — на трёх следующих уровнях (345, 360 и 375 В). Оставшиеся 26 из 40 дошли до конца шкалы.

После нескольких повторений эксперимента были

сделаны выводы, что пол испытуемого не влиял на результаты, испытуемые были обыкновенными людьми и не были садистами. При этом испытуемый отказывался подчиняться человеку своего ранга, и если у «учителей» возникал конфликт, он так же пользовался этим и отказывался подчиняться. Но если всё шло по обычному сценарию, то большинство продолжали пытаться «ученика» электрическим током просто потому, что им говорили это делать авторитеты в виде профессоров в белых халатах.

По мнению Милгрэма, полученные данные свидетельствуют о наличии интересного феномена: «Это исследование показало чрезвычайно сильно выраженную готовность нормальных взрослых людей идти неизвестно как далеко, следуя указаниям авторитета». Теперь становится понятной способность правительства или других лидеров добиваться послушания от обычных граждан. Авторитеты оказывают на нас очень сильное давление и контролируют наше поведение.

Также совершенно справедливо можно сделать вывод, что безропотное подчинение всегда вызывало больше человеческих жертв, чем сопротивление и бунт... Это также очень хорошо иллюстрирует фильм «Куб Зеро».

Впоследствии эксперимент Милгрэма всё-таки был повторен в Голландии, Германии, Испании, Италии, Австрии, а также в Иордании, и результаты оказались такими же, как и в Америке.

Глава 6. Возвращение в Питер.

Не найдя в своём городе никого, кому можно было рассказать об идеях антифашизма и анархизма, я просто расклеил листовки на стенах и столбах на улицах города Лабытнанги. Вернувшись в Питер в начале мая, я сразу же позвонил знакомым антифа и спросил, будет ли что-нибудь интересное в ближайшее время, и меня пригласили на антифашистский митинг 8 мая напротив театра «Балтийский

дом». В назначенный день я приехал на митинг и встретил там нескольких своих друзей антифашистов. Кроме них на этом митинге было множество различных левых антифа. Все собравшиеся ругали власти за то, что они раздували историю о том, что в Эстонии собирались сносить памятник Советскому солдату и при этом никто и слова не говорил, что в России ситуация с памятниками не менее плачевная. В ситуации в Эстонии власти видели оскорбление чувств ветеранов и попрание истории, а как только взгляд устремлялся в Россию, про ветеранов и историю забывали и отдавали предпочтение зарабатыванию денег. Далее перечислялись памятники, уже снесённые и которые ещё собирались сносить, чтобы строить на их месте платные автостоянки, магистрали или торговые комплексы, короче говоря, различные прелести капитализма. И вдруг в самый разгар митинга рядом с антифашистами показались красные флаги с белым крестом. Это было движение «Наши», которое хоть и называло себя антифашистским, на деле ничего против фашистов не делало, более того, по сути являлось пропутинским, так как было создано из остатков движения «Идущие вместе». Кроме того, они в эти дни активнее других организовывали акции против эстонских товаров и вообще всего эстонского. Именно поэтому их появление на митинге вызвало волну возмущения у митингующих. Нашистов заставили убрать свои тряпки. Хотя сначала они их убирать не хотели. Тогда один из участников митинга попытался вырвать из их рук флаг, завязалась мелкая потасовка, которую остановили менты, но задерживать никого не стали. Но нашим разрешили постоять и послушать. Всех просто

призвали не обращать на них внимания и не поддаваться на провокации. Зато появившемуся фотографу с наглым видом и с медицинской марлевой повязкой на лице повезло меньше. Его заставили удалить все фотографии и прогнали с места проведения митинга. А когда этот спалившийся скаут стал уходить, за ним пошли трое антифа-скаутов и дальнейшая судьба этого горе-фотографа неизвестна...

Перед самым окончанием митинга нам позвонили и сказали, что в другом районе города идёт митинг движения «STOP призыв», на котором непонятно зачем появились нацисты. Мы сразу же собрали нескольких человек и отправились в метро. Когда мы

приехали на нужную станцию, нас там уже ждали трое наших и мы вместе пошли к месту. Не доходя до места проведения митинга метров 50, мы увидели нескольких подозрительных человек, идущих нам навстречу. Те, кто нас встречал, показали на них:

— Вот это те самые боны с митинга.

Когда мы подошли к ним поближе, пара человек из нашей группы начали наносить им удары руками и ногами. По испуганным лицам бонов было понятно, что они не были готовы к такому повороту событий. Они стали убегать на другую сторону улицы и вслед за собой они услышали крик «Антифа!» Мы не стали их догонять и пошли дальше в сторону митинга, чтобы найти остальных «клиентов». Митинг проходил у памятника Грибоедову напротив ТЮЗа. А рядом с митингом тусовалась небольшая кучка нацистов. Мы стали наблюдать друг за другом. Это сразу же заметили присутствовавшие на митинге сотрудники милиции. Один из

них подошёл к нам.

— Так, молодые люди, пока вы находитесь в этом районе, я буду за вами следить и если вы попытаетесь что-то сделать, я сразу вызову подкрепление, которое незамедлительно приедет.

Примечательно то, что к нацистам он не подходил, видимо не видел в них угрозу или просто признал в них своих... Постояв там ещё немного, мы решили не испытывать судьбу и ушли в метро.

Глава 7. Подготовка к контрсаммиту G8.

Моё обучение в Питере подходило к окончанию, и я уже думал, как бы остаться жить в Питере, чтобы не возвращаться в Лабытнанги — город, жизнь в котором обещала быть скучной и однообразной. На тот момент я уже не снимал комнату и стал спрашивать у своих знакомых, где бы мне остановиться на какое-то время. А всё потому, что приближался саммит Большой Восьмёрки (G8) в Питере, и я не хотел пропустить протесты против этого саммита. На саммите решаются очень важные для каждого человека вопросы экономики, экологии, медицины и образования. Но решения «клуб G8» принимает сам, никого не спрашивая. Последствия этих решений зачастую серьёзно вредят людям, обеспечивая сверхдоходы лидерам Восьмёрки. Кроме того, в этом году они собирались обсуждать развитие атомной энергетики, вместо того, чтобы развивать энергосберегающие технологии и переход на альтернативные источники энергии, а новые АЭС — это новые Чернобыли.

У «восьмёрки» нет вообще никакого юридического статуса, то есть она существует вне каких-либо демократических рамок. Но она всё равно стала важным зрелищем и платформой, где самые могущественные лидеры мира могут искать консенсус между собой, прежде чем навязать свои решения населению. Решения, принимаемые горсткой политиков, навязывались миллиардам обычных

людей.

Поскольку внимание всего мира будет направлено на спектакли «восьмёрки», мы должны доказать, что их встречают сопротивлением в любой точке мира, куда они только ни приедут.

Мне предложили остановиться в квартире, которую все называли «Чёрная коммуна»...

«Чёрная коммуна» оказалась двухкомнатной благоустроенной квартирой с евроремонтом. Расположилась она на 9-м этаже новостройки на севере Питера. Здесь был проведён Интернет, подключён принтер и сканер. В большой комнате стоял тренажёр. Решения, касающиеся всех жителей коммуны, принимались только общим консенсусом, главного здесь не было, как и во всём движении. Если должен был поселиться ещё один человек, ни у кого из жителей коммуны не должно было быть возражений против этого. Если хотя бы у одного были возражения, нового жильца не пускали. Одним словом, здесь были все удобства, и была настоящая коммуна. Здесь также велась подготовка к контрсаммиту, печатались листовки, хранились плакаты, наклейки и прочее. До саммита оставалась неделя, и с разных городов и из европейских стран в Питер стали съезжаться те, кто собирался участвовать в протестах против саммита G8. Многих из них прямо с поезда снимали менты и сажали на несколько суток по сфабрикованным обвинениям в нарушении общественного порядка. Протоколы о нарушениях писались ментами под копирку с множеством нарушений. В самом Питере тоже начались репрессии, слежка за общественными активистами, вызовы на «беседы» к участковому, прослушивание телефонных разговоров. На Невском проспекте и многих других улицах начались установки камер видеонаблюдения, на открытые крыши и чердаки вешались замки и даже в заброшенном театре на Владимирской поставили сторожа, а вернее посадили на табуретку посередине дворика театра. Город Стрельна, в котором и должны были собираться президенты, был почти в осадном положении — был введён

комендантский час, в сам город пускали только по предъявлению паспорта с пропиской в Стрельне. Каждый раз, выходя на улицу порасклеивать листовки, мы чувствовали себя как будто в 1937 году в Германии, когда там были массовые аресты коммунистов, и вся оппозиция была в подполье. Мы клеили свои листовки прямо на листовки Смольного, где были «рекомендации» носить с собой паспорт, не закрывать окна шторами и сообщать в милицию обо всём подозрительном. Вернувшись в «Чёрную коммуну» после одной из своих ночных прогулок, я лёг спать и проспал до обеда. Проснулся я от телефонного звонка, мне позвонил один из жителей коммуны и сообщил, что всех, кто выходит из этого дома, задерживают мусора, и чтобы я всё палево сжёг или смыл в унитаз. Возле дома, в котором находилась «Чёрная коммуна», дежурили менты в штатском. Они как раз и задерживали всех, кто выходил отсюда, только как они определяли, что выходящий из дома человек вышел именно из коммуны, так и осталось загадкой. Я знал, что уже задержали двоих немецких экологов и одного тюменского товарища, который выбежал на улицу в тапочках, когда увидел в окно, что к немцам подошли менты. Дома оставались только я и какой-то активист из Швейцарии Адриан, который не умел говорить по-русски. Оказавшись с ним вдвоём заблокированными в квартире, мы стали общаться жестами.

Мне ещё раз позвонили и попросили, чтобы я смыл селитру в унитаз. А я даже не представлял что такое селитра, как она выглядит и для чего используется. Но всё равно стал искать хоть что-нибудь, какое-нибудь палево, но его оказалось слишком много, и я в первую очередь уничтожил только самое жёсткое палево... Селитру я так и не нашёл...

Глава 8. Конец «Чёрной коммуны».

В дверь кто-то позвонил. Я подошёл к двери и посмотрел в глазок. За дверью стояли те самые двое немцев, которых вчера задержали менты, — раньше я их видел только на

фотографиях с их велопробега из Германии в Россию. Я сначала позвонил другим знакомым и спросил, знают ли они, что немцев отпустили, на что мне ответили, что ничего не знают и мне пришлось действовать самому по ситуации в полном информационном вакууме...

Я стал размышлять: «Почему они здесь? Их же задержали. Их что уже отпустили? Хотя это уже было бы известно. Они могли привести ментов с собой?» — немцы всё сильнее звонили и уже стучали в дверь. «Ну, вроде там, в Германии, в плане сопротивления все опытные и, значит, вряд ли они будут вести на такую квартиру мусоров», — я открыл дверь...

На меня сразу был направлен пистолет, и в квартиру ворвались менты, все они были в штатском. Меня, Адриана и двоих немцев быстро завели в большую комнату, и несколько ментов стали бегать по разным комнатам квартиры. Когда оказалось, что кроме нас в квартире никого нет, все зашли в большую комнату. Все семь мусоров стали общаться со мной, потому что я был единственным, кто говорил по-русски. Меня попросили переводить иностранцам, что они от них хотят. После того как я сказал, что кроме русского никаких языков не знаю, я получил удар ногой в плечо — странная реакция на незнание языков, это разве преступление?

На все вопросы я отвечал односложно, что я ничего и никого не знаю, приехал в гости.

— А того, к кому ты приехал, как зовут? — спросил самый здоровый мусор, который меня и ударил.

— Не знаю. Знаю только кличку. — Когда он спросил кличку, я сказал первое, что пришло в голову — Пушкин.

— Ты что, смеёшься надо мной? Тебя здесь, в квартире хозяева оставили одного, и ты даже не знаешь, кто они и как их зовут? — мусор взял меня за шкурку и потащил к ванной комнате. — Сейчас ты мне всё расскажешь, где у вас тут оружие и наркотики.

Он затащил меня в ванную, в которой была душевая кабинка. Положил меня рядом с кабинкой и засунул в кабинку только мою голову, а сам всей своей тушей сел на меня

сверху.

— Где здесь оружие? — сразу после вопроса он включил душ и направил струю мне в лицо, чтобы дышать было труднее, опустил моё лицо в воду, которая не успевала уйти в канализацию...

Когда он вытащил меня из воды, я стал жалобно кричать: «Я же сказал, что не знаю! Если бы знал, то обязательно сказал бы, честное слово. Вы же понимаете, что мне нет смысла отвечать за других...» — на что он просто сказал, что и сам читал нашу «инструкцию по общению с ментами», и что я видимо хорошо её выучил, раз так всё по схеме говорю. Он хотел меня ещё раз опустить в воду, когда к нему подошёл другой мусор и дал ему большой нож.

— Смотри что тут у нас.

Мой мучитель взял этот нож, показал мне и со словами: «А говоришь ничего нет», — стал меня бить рукояткой ножа по голове. Ударив несколько раз, он взял меня опять за шкуру и, не дав мне встать, перетащил по полу обратно в большую комнату.

— Не хочешь говорить, тебе же хуже, — с такими словами он от меня отстал и стал вместе с остальными вести обыск...

Пока я стоял и наблюдал за ними, мне стало ясно, что у них не просто нет разрешения на обыск, потому что они прямо сюда позвали следователя, который здесь же это разрешение и выписал, они даже не понимали, что им стоит искать. Во время обыска они постоянно находили листовки и наклейки в основном зоозащитной темы (их я не стал уничтожать, потому что в них ничего такого грозного нет), причём в протокол обыска количество писали «несколько», лень им было считать листовки, не привыкли они, видимо, считать... Наконец из туалета принесли какой-то пакет с белым порошком. Это и оказалась селитра, которую приняли за наркотики и отправили на экспертизу, хотя сама по себе селитра — это просто удобрение, но использование её не по прямому назначению является уголовно наказуемым

преступлением (могут даже повесить «подготовку к теракту»). Похоже, она и заинтересовала мусоров больше, как и многочисленные палки, трубы, ножи, топоры, мачете, которые собирались использовать в драках с фашистами. Ближе к утру, когда я уже еле стоял на ногах, нас четверых (меня и иностранцев) решили отвезти в ментовку, а сами мусора собирались остаться в квартире, чтобы сделать там засаду.

Глава 9. Беспредел июля 2006 (саммит G8).

Когда меня и Адриана привезли в отделение милиции, я увидел то самое отделение, вокруг которого мы с товарищем недавно расклеивали листовки против ментовского беспредела. Кто бы мог подумать, что именно здесь я вскоре и столкнусь с этим самым беспределом...

Куда отвезли немцев, я не знал. В отделении меня несколько раз то сажали в обезьянник, то звали давать одну и ту же объяснительную, в которой я должен был писать автобиографию, как я приехал в Питер, как учился и так далее. Постоянно задавали разные вопросы по поводу движения, я отвечал смутно, объясняя это тем, что я устал, на что мне говорили: «Ничего. Скоро отдохнёшь», — потом обратно в обезьянник, а через несколько минут опять вызывают по тому же поводу...

Так длилось до утра, пока нас из отделения не повезли в суд, в котором оказалось, что на нас уже составили протоколы задержания. В них было сказано, что мы с Адрианом задержаны на улице из-за того, что ругались матом на сотрудников милиции и нарушали общественный порядок. На вопрос в суде: «На каком языке нецензурно выражался Адриан?» — сотрудник 58 отдела милиции ответил: «На швейцарском».

В результате мне и ему дали по 10 суток ареста и отвезли в изолятор временного содержания на улице Захарьевской. Никогда раньше я в таких местах не был и очень нервничал из-за этого. Как там будет все эти 10 суток, было абсолютно

непонятно... В мыслях представлялись небольшие камеры, переполненные зеками, но потом мне объяснили, что это другое. Когда отбываешь административный арест, везут не в такую тюрьму, а в другой изолятор. Но всё равно я знал, что одного в камеру сажать нельзя, поэтому было очень

интересно, кто же окажется моим сокамерником.

Меня и Адриана привезли в этот ИВС по отдельности. Когда меня завели внутрь, я увидел многочисленные металлические лестницы, которые, казалось, переплетаются между собой, потому что полы на этажах были в виде решёток, и по бокам лестниц тоже были решётки, везде было много решёток... На каждом этаже вдоль стены прохода было множество закрытых железных дверей с глазками и кормушками. Корпусной (сотрудник тюрьмы) проводил меня до одной из таких дверей на самом верхнем этаже и сказал встать лицом к стене, пока он будет открывать камеру. Когда он её открыл, я увидел, что в камере три шконки, слева старая раковина, отделённая от параши-скалы кирпичной кладкой чуть ниже человеческого роста... На одной из шконок лежал

какой-то человек, при виде меня он сел на шконку и сказал: «О, привет».

Я хоть и не узнал его, потому что в глаза мне светил свет из крохотной щели прямо под потолком (видимо вместо окна,

через которое на волю не помотришь), но всё равно поздоровался. А когда пригляделся, то узнал того самого анархиста из Тюмени, которого задержали вместе с немцами. Я рассказал ему, что творилось в Чёрной коммуне, когда меня задерживали.

В том месте сильнее всего грузят две вещи: незнание того, что происходит на воле и путаница во времени, из-за которой иногда даже не понятно день сейчас или ночь. Впереди у меня было ещё 10 суток жизни в этой комнатухе с деревянными шконками и бетонными стенами. Хорошо, что хоть матрац выдали и подушку. Сотрудники этого изолятора очень гордились тем, что здесь сидел САМ ЛЕНИН, хотя и не понятно, какая их в этом заслуга, психологи, например, утверждают, что те, кому нечем гордиться в этой жизни, обычно и гордятся тем, в чём нет их заслуги. И я, и мой сокамерник время от времени представляли, как тут когда-то сидел Ленин, в какой камере он был, как время коротал...

Чтобы скоротать своё время, мы сделали из хлеба, которого давали очень много — по целой булке в день на человека, шашки. На одной из шконок была нацарапана шахматная доска. Чтобы легче было определять белые клетки и шашки при тусклом свете, мы намазали на них зубную пасту, которую на следующий день после ареста получили в передаче от товарищей. Вообще, если бы не эти передачи, сидеть было бы намного сложнее, потому что, во-первых, в них витамины, во-вторых, передача в тюрьме — это знак того, что на воле тебя помнят и готовы помочь. В одной из таких передач я получил книгу Олдоса Хаксли. Вообще я читать не очень люблю, но за решеткой делать особо больше нечего, и всё время думаешь, как бы сделать так, чтобы время побыстрее прошло. Еду здесь давали три раза в день через кормушку в алюминиевых кружках и мисках. После еды посуду нужно было помыть холодной водой и сдать обратно баландёру (раздатчик пищи в тюрьме). Целыми днями мы то общались на разные темы, то играли в шашки, то спали. Раз в день нас водили на прогулку. Гуляли мы внутри какой-то

клетки, сбоку которой была установлена скамейка. А по вечерам, когда корпусным было лень подниматься на верхний этаж, мы перекрикивались то с мужиком из соседней камеры, которого посадили за то, что он вышел из машины недалеко от Стрельны и справил нужду возле какого-то здания. А когда застегнул ширинку и обернулся, то увидел, что его ОМОНовцы снимают на видеокамеру... Ну, или он просто так рассказывал... Либо ещё в другой соседней камере сидели две девушки, участницы движения «Авангард красной молодёжи», причём, как оказалось, они были из двух разных частей этого движения, которые ещё и между собой борются, в связи с чем они постоянно ругались, орали друг на друга, и когда мы уставали смеяться над темами их споров, мы начинали с ними перекрикиваться и мирить их между собой... Так и жили...

В Питере начался саммит, а мы всё продолжали сидеть на верхнем этаже изолятора и надеялись узнать, что все протесты против этого саммита удались, несмотря на то, что ещё до его начала было арестовано более двухсот активистов из разных городов и стран. И уже через день после начала саммита мы услышали, как по продолу ведут новеньких, и многих из них закрывали на этом же этаже. Мы стали ждать вечера, чтобы поперекрикиваться с этими новенькими, скорее всего их задержали во время каких-нибудь протестов. И когда долгожданный вечер настал, мы перекриками узнали у них, что в Питере сначала всех задерживали за то, что во время Российского Социального Форума 15 июля люди пытались

выбраться из заблокированного мусорами стадиона им. Кирова, чтобы принять участие в санкционированном митинг-концерте. Возле самого проведения митинга тоже было очень много задержанных. Потом, 16

июля, была попытка анархистов перекрыть Невский проспект напротив входа гостиницы «Рэдисон», где проживали гости и участники российского саммита, но из-за того, что очень многие анархисты уже находились в отделениях и в этом изоляторе, у них это получилось сделать только на несколько секунд. И ещё во время несанкционированного шествия анархистов на Васильевском острове тоже было несколько задержанных, которых избивали в отделении. Таким образом, власть жёстко пресекла все попытки выразить свой мирный протест и применила силу абсолютно ко всем, кто попытался сказать что-то против саммита... Всего перед саммитом и во время его проведения было арестовано чуть меньше 600 активистов из разных городов России и разных европейских стран. Причём тем, кого задержали перед саммитом, давали 10-15 суток ареста, а тем, кого задерживали во время саммита, давали 4-6 суток. Было видно, что власть просто хочет отгородиться от оппозиционно настроенного своего же народа. Что ещё раз подтверждает, что никакого «единства» власти и народа нет и быть не может.

После такого тотального ментовского беспредела было ещё множество заявлений различных правозащитных организаций, которые «выражали беспокойство» по поводу такой ситуации в июле 2006 года.

Когда мои 10 суток закончились, я наконец дождался того момента, когда я выйду из этого учреждения. Выходя, я сразу же увидел встречающих меня друзей. Вместе мы пошли в кафе отмечать освобождение, там мне в подробностях рассказывали, как шли протесты и как всех вязали мусора. Контрсаммит был сорван, я в нём принять участие не смог и теперь уже решил уехать к семье в город Лабытнанги, сохраняя намерение вернуться в Питер, чтобы продолжить

борьбу.

Маленький город от большого отличается очень сильно. Жители маленьких городов намного меньше настроены на уличный активизм. Поэтому здесь нет смысла устраивать митинги, шествия, здесь нужно действовать по-другому. Я время от времени распространял листовки по городу и вёл агитацию в Интернете. Я решил основной упор сделать на распространении информации среди старшеклассников, тем более, что большинство из них после школы из этого города уезжают учиться в более крупные города. За всё это время я нашёл там только одну девушку, которая заинтересовалась подобным стилем жизни. Она после 11 класса собиралась уезжать в Киев. Я создал антифашистский сайт в Интернете и стал просто освещать события в жизни антифашистов, в основном, питерских, потому что связь я поддерживал только с питерскими.

Осень 2006 года стала очень важным периодом для всего протестного движения Питера в целом и для антифа в частности. Я в них участие не принимал, только описывал их на своём сайте. Но, рассказывая об антифа Питера, не рассказать об осени 2006 года было бы очень серьёзным упущением.

Глава 10.1. Осень 2006: беспорядки в Кондопоге и их последствия.

В ночь с 29 на 30 августа 2006 года в ресторане «Чайка» города Кондопога (республика Карелия) произошла драка между местными жителями и выходцами с Кавказа, в процессе которой два человека погибли и ещё шесть получили травмы. В результате это спровоцировало волну массовых беспорядков со случаями мародёрства, которые начались без помощи «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Беспорядки начались сразу после стихийного митинга, участники которого потребовали от властей

освободить от кавказцев местный рынок. Во время беспорядков в этом маленьком карельском городке милиция задержала более 100 человек. Ночью ресторан «Чайка» подожгли неизвестные...

ДПНИ решили воспользоваться такой ситуацией, чтобы извлечь политическую выгоду из криминальной разборки, освещая её исключительно как межнациональный конфликт чеченцев и русских. Они начали масштабную пиар-акцию, одной из частей которой был так называемый «день солидарности с Кондопогой», который должен был состояться 17 сентября 2006 года в разных городах, в том числе в Питере, где наикам власти разрешили собраться возле памятника Грибоедову напротив ТЮЗа. Также была получена информация, что наци готовят нападение на участников инициативы «Еда вместо бомб», которая как раз проводилась примерно в то же время и в 15 минутах ходьбы от ТЮЗа. С целью предупредить подобное развитие событий антифашисты Питера решили собраться на «Фрунзенской» и оттуда двинуть в сторону «Владимирской». В районе ТЮЗа была замечена группа бонхэдов, направляющаяся в сторону Загородного проспекта и митинга ДПНИ, некоторых участников которого и ожидалось увидеть на «Владимирской». Антифа приняли решение пойти прямо в сторону митинга, чтобы разогнать его. Итак, 33 антифашиста взяли пустые бутылки, фаера, закрыли лица респираторами и банданами и с криком «Антифа!» бросились на 50 митингующих бонов. Как и следовало ожидать, наци попытались убежать, но у них это не получилось. Завязалась потасовка. В ходе драки был захвачен трофей — флаг ДПНИ, флагоносец получил выстрел из пневматического устройства «Удар» в лицо. Один из нацистов в панике стал махать ножом — любимым оружием нацистов на тот момент, в результате ранил одного антифа и одного «своего». Большинство нападавших были задержаны милицией вместе с участниками митинга и обычными прохожими. Но нападавшим удалось сорвать митинг нацистов. Через полчаса после его начала

бонам пришлось митинг закончить, хотя стоять они собирались два часа.

После этой акции ДПНИ перешли в словесное наступление. В Интернете стали появляться самые разные комментарии об этом событии, и возникало ощущение, что наци соревнуются между собой в написании самых бредовых комментариев. Боны обвиняли антифа, что они напали с ножами на безоружных, хотя в драке нож был только у одного и тот у участника митинга. Также писали про мифический чёрный «Lexus», из которого нападающим, которые якобы не были антифа, а просто были обыкновенными «неграми и кавказцами», выдавалась арматура. Естественно в такой бред может поверить только психически больной человек, поэтому на это даже не отвечали. Вообще ДПНИ часто пользуются тем, что не всю информацию можно легко проверить, и постоянно перевирают описание разных событий. Так они зарабатывают себе очки... На провокациях и вранье.

Глава 10.2. Осень 2006: «Русский марш» в Питере.

4 ноября в Питере ультраправые во главе с ДПНИ хотели организовать так называемый «Русский марш». Администрация города не хотела давать им разрешения проводить акцию, но наци всё равно решили собраться на площади Восстания под развернутыми знаменами с нацистской атрибутикой, чтобы пройти по Невскому проспекту. Губернатор Петербурга Валя Матвиенко неоднократно заявляла на камеру, что она «не допустит в городе русских маршей». Но милиция, как и ожидалось, не препятствовала сбору наци-отбросов у гостиницы «Октябрьская». Все, что было сделано многотысячными милицейскими формированиями, согнанными «против» трехсот нацистов, — это задержание у БКЗ «Октябрьский» около десятка наиболее вызывающе выглядящих персонажей и вытеснение фашистской колонны с проезжей части на тротуар. Руководил группой нацистов верховный жрец нацистов-язычников Владимир Голяков, в 2004 году условно осужденный на пять лет за разбойное нападение на офис Санкт-Петербургского общества «Мемориал». Предполагая, что ситуация сложится именно так, группа участников Антифашистской ассоциации заранее приняла решение встать на пути движения нацистской колонны. 4 ноября это решение было выполнено. Около пятидесяти товарищей из различных правозащитных, анархических, марксистских и либеральных организаций, а также антифашисты, не состоящие ни в каких политических объединениях, перекрыли путь фашистской колонне у здания Дома журналистов на пересечении Невского и Литейного проспекта. Милицейское оцепление колонны открыло коридор для фашистского нападения, фашисты воспользовались этой возможностью и атаковали заслон. Антифа оказали им сопротивление, результатом чего стало продолжавшееся несколько минут силовое столкновение.

Несмотря на существенное численное преимущество, нацисты не смогли опрокинуть заслон и даже начали отступать. Тогда, через несколько минут после начала столкновения, антифашистский заслон был атакован ОМОНОм со стороны проезжей части. При атаке были применены дубинки. Пятеро наших товарищей были задержаны, антифашистский заслон был сбит, мы вынуждены были отступить, и путь для движения «Русского марша» был открыт. Сбитые милицией ряды антифашистов стали удобной мишенью для возобновления фашистской атаки. В результате несколько наших товарищей получили легкие ранения. Часть антифашистов получили травмы в результате действий сотрудников милиции. Во время милицейской атаки был серьезно травмирован и фотокорреспондент, который в акции не участвовал, а находился там в качестве журналиста. Разобравшись с антифашистами, ОМОН приостановил движение фашистской колонны и задержал около сотни фашистов. Оставшаяся часть колонны беспрепятственно добралась до планировавшейся ими конечной точки маршрута — Казанского собора.

Большинство задержанных привлечены к административной ответственности за участие в несанкционированном митинге. Часть из них осуждена, в нескольких случаях были вынесены оправдательные постановления.

Эта акция показала, что открытое силовое противодействие фашизму может быть достаточно эффективным даже при численном перевесе противника. Три сотни фашистов, очевидно, не являются выразителями общественного мнения. Они чувствуют себя хозяевами положения только при отсутствии сопротивления. Для того, чтобы быть по-настоящему успешным, это сопротивление должно быть массовым!

Глава 11. День рождения Гитлера 2007.

Прожив в городе Лабытнанги несколько месяцев и накопив достаточно денег для освоения в Питере, я купил билеты на поезд и весной 2007 г., незадолго до дня рождения Гитлера, я был уже в Санкт-Петербурге. За несколько дней до этого наци-праздника, в воскресенье на «Владимирской» проходило FNB, после которого, по традиции, его участники собрались в «Мемориале». Вдруг общий гул разных разговоров прервал голос одной ПВшницы.

— Народ, все знают какой в четверг день?

— День рождения фюрера, — хором ответила толпа.

— Отлично. Я рада, что вы все такие информированные. Тогда, я думаю, надо испортить бонам этот праздник...

Все стали обсуждать, когда и где будут собираться, кто будет скаутом, договорились одеваться, по возможности, без палева и брать с собой аргументы (оружие и всё, что можно использовать как оружие).

В комнату ко всем вбежал какой-то здоровый неформал с двумя ирокезами.

— До вас вообще не дозвониться... — он постоял, чтобы отдышаться и продолжил: — Короче, на «Спортивной» идёт

концерт у говнарей (грязные панки, слушающие «коммерческий панк»), и там боны. Есть желающие туда поехать?

Сразу очень многие откликнулись на такое заманчивое предложение. Два десятка человек поехали на метро на станцию Спортивная. Приехав туда, мы отправили одного скаута проверить обстановку возле клуба, где проходил концерт, и в близлежащих дворах. И уже скоро выяснилось, что никаких бонов возле концерта давно нет. Только несколько так называемых наци-панков бухают на самом концерте. На самом деле эти так называемые наци-панки уже потому, что они делают вид, что они ультраправые, просто не могут себя называть панками, потому что это две несовместимые вещи. А если приглядеться, то становится понятно, что многие из них стали себя называть нацистами только из-за животного страха быть избитыми бонами за свои ирокезы. Зато если они назовут себя нацистами, они смогут сказать нападавшим, что они «свои», и надеяться, что те их не тронут. Конечно личности, посчитавшие для себя приемлемым такую риторику, не могут заслуживать ни уважения, ни понимания. Мы направились прямо к клубу, чтобы подождать, когда кто-нибудь из этих говнюков выйдет из клуба. Долго нам ждать не пришлось, и из клуба вышел какой-то фриик с кривым ирокезом и в косухе, на рукаве которой была нашивка с кельтским крестом — тоже один из символов, которые наци решили сделать «своим».

Один не очень трезвый RASH из нашей компании подошёл к нему и стал с ним о чём-то разговаривать. Со стороны было видно, что говнарёк принял его за бона и стал с ним общаться как со «своим». Вдруг этот RASH стал на него орать, схватил его за косуху и закричал в нашу сторону: «Дайте перо!» Этот его хриплый крик услышал охранник клуба, но вмешиваться не собирался, мы же не в клубе, тем более нас 20, а охранник один... К этим двоим подошли я и ещё один панк, мы взяли раскладной нож и стали пытаться отрезать у говнарёка с рукава нашивку. Нож оказался тупым, и

это ещё сильнее злило нашего скина. В конце концов, говнарь вырвался и бегом скрылся в клубе. Мы сначала хотели ещё подождать, но потом стало понятно, что если кто и выйдет, то только такой же фрик маргинал, и смысла его ждать не было. Все разошлись по домам готовиться ко дню рождения Гитлера...

В день икс все стали собираться в назначенном месте. Причём для многих из тех, кто сюда пришёл в этот день, участие в подобной акции было впервые, это было заметно даже по внешнему виду и по тому, что некоторые пришли не совсем трезвые, что также грозило срывом самой акции. Более опытные бойцы акционировали отдельно в другом районе, чтобы не мешать друг другу. В общей сложности собралось около 60-70 человек. Вся эта толпа должна была стоять в одном месте и ждать, когда позвонят скауты, которые ходили в разных районах города в местах предположительного сбора оппонентов. Постепенно к нам присоединялись всё новые и новые опоздавшие. И, в конце концов, мы получили звонок от одного из таких опоздавших, который сообщил, что буквально в ста метрах от нас уже собираются боны. Все тут же двинулись в их сторону. И, как обычно бывает в подобных не очень хорошо спланированных акциях, возник вопрос, кто же начнёт атаковать первым. В итоге один из пьяных панков, который впервые был на подобной акции и был очень зол на ультраправых после многочисленных нападений на него самого, молча подошёл к компании лысых молодых людей в олимпийках «Pit Bull» и ударил одного кулаком в челюсть. Двое бонов сразу стали убегать, и за ними погнались несколько человек с криками «Антифа!», благодаря чему убежать им удалось только на несколько метров. А всех остальных, не успевших убежать, повалили на землю и стали пинать, одновременно скандируя «Антифа! Антифа!» Так боны оказались на месте тех, кого они не так давно избивали точно так же. Примечательно, что даже не смотря на то, что на акцию было принесено немереное количество различного оружия, ничего кроме кулаков и ног не применялось. Как

потом делились все впечатлениями, никто просто не хотел тратить время на то, чтобы доставать оружие из кармана или торбы. Через несколько секунд после начала драки из-за угла выехала машина охранного агентства и поехала в нашу сторону. Машина остановилась в нескольких метрах от нас, и из неё вышел здоровый охранник в бронежилете и с пистолетом.

— А ну стоять всем! — крикнул он, чувствуя свою силу.

Мы сразу бросились врассыпную. Мне в голову пришла мысль, что нужно побыстрее убраться с этого района, потому что охранники, по сути, привязаны к своим участкам, которые они охраняют, и по возможности не на метро. Во-первых, в метро установлены видеокамеры, которые заснимут возможных участников драки, и потом запись смогут использовать мусора; во-вторых, скорее всего сотрудники опорного пункта милиции при метрополитене уже будут в курсе, что на участке произошла массовая драка, и будут высматривать среди проходящих мимо запыхавшихся людей в испачканной одежде или с подтёками крови. Хотя многие удачно уехали в метро, и им повезло, что ничего страшного не случилось. Я, осознавая, что не смогу убежать от машины охранников, решил спрятаться за одной из колонн ближайшего здания. За соседней колонной спрятался ещё один участник акции. Вдвоём с ним мы стали восстанавливать дыхание... Я посмотрел, не бегут ли за нами охранники или менты.

— Ну что? Там нет их? — спросил запыхавшийся ярко одетый антифа, весь обвешанный антифашистскими значками.

— Да вроде нету. Сейчас чуть-чуть надо подождать и можно будет спокойным шагом уйти из этого района.

— Да. Точно. Правильно. Давно я так не бегал, вообще бегать не люблю, только в ментовке сидеть сегодня не хочется ещё сильнее, чем бегать. Ты ведь с нами был тогда у говнарского концерта? Тебя как зовут?

Я назвал своё имя, про себя подумав: «Как он много слов

сказал за такой промежуток времени...»

— А я Куба. Будем знакомы.

Мы пожали друг другу руки и, отдохнув, спокойно пошли в сторону автобуса, чтобы поехать в другой район города, день ведь ещё не закончился, значит, вполне возможно, что это была не последняя драка на сегодня... Но, встретившись со всеми остальными в другом районе и поделившись впечатлениями о драке, в ходе которой бонам уж точно мало не показалось, мы походили группой по району и, не найдя никого, разошлись, потому что начался дождь и дальше искать объектов для атаки не было никакого желания.

Так я познакомился со своим лучшим другом Кубой. Вместе с ним нам в будущем предстояло пережить ещё множество интересных событий...

Глава 12. Первомай 2007.

Приближалось 1 мая. По всему городу стали появляться плакаты, с которых партия власти «Единая Россия» поздравляла всех с так называемым праздником «весны и труда». Так единороссы в очередной раз пытались пропиариться за счёт дня, к которому они никакого отношения не имеют. Чего стоило только то, что они переименовали «Международный день солидарности трудящихся» в праздник «весны и труда». Чтобы понять, какой это «праздник» и причём тут партия власти, нужно просто вспомнить историю этого дня...

* * * * *

Всё началось 1 мая 1886 года в США и Канаде. Тогда некоторые коммунистические, социалистические и анархические организации организовали ряд митингов, основным требованием которых было введение восьмичасового рабочего дня. В Чикаго в демонстрации приняли участие 40 тысяч рабочих. А после первомайской забастовки на одном из заводов Чикаго были уволены 1,5

тысячи рабочих. Тогда рабочие Чикаго устроили ещё одну забастовку 4 мая, которую жестоко разогнала полиция, в результате чего шесть демонстрантов погибли. После этого последовали многочисленные массовые протесты против жестоких действий полиции. Во время этих выступлений в отряд полиции была брошена бомба, от взрыва которой погиб полицейский. В ответ полиция открыла огонь по рабочим демонстрантам и в панике попадали в своих. В ходе перестрелки погибло ещё семь полицейских и несколько рабочих, многие были ранены. Это событие послужило поводом для ареста восьми анархистов (Август Спайс, Альберт Парсонс, Адольф Фишер, Джордж Энгел, Луис Лингг, Михаэль Шваб, Самуэль Филден и Оскар Неебе), и по приговору суда 11 ноября 1887 г. четверо из них были повешены, один (Лингг) покончил с собой в предыдущий день. На казнь их вывели в белых робах, они пели «Марсельезу», гимн международного рабочего движения. Членов семей приговорённых к казни, попытавшихся подойти посмотреть в последний раз на своих родственников, арестовала полиция. Перед казнью один из приговорённых к повешению, Август Спайс, крикнул: «Придёт время, когда наше молчание зазвучит громче, чем звучат наши голоса сейчас!»

Лингг, Спайс, Фишер, Энгел и Парсонс похоронены на городском кладбище города Форест-Парк, пригорода Чикаго. Остальных уже в 1893 году освободили: было официально признано, что все восемь осуждённых были невиновны, они стали жертвой полицейской провокации. 26 июня 1893 года губернатор штата Иллинойс Джон Питер Альтгельд подписал официальные извинения выжившим троим: Филдену, Неебе и Швабу. Губернатор указал, что реальной причиной взрыва стала неудача властей Чикаго в освобождении полицейских агентов от ответственности за расстрел рабочих. Начальник полиции, отдавший приказ открыть огонь, позднее был осужден за коррупцию. Полицейский провокатор, бросивший бомбу, так и не был выявлен.

Альберт Парсонс

Самуэль Филден

Луис Лингг

Август Спайс

Михаэль Шваб

Джордж Энгел

Адольф Фишер

В память об этом событии первый Парижский конгресс II Интернационала в июле 1889 года принял решение о проведении ежегодных демонстраций в день 1 мая, который был объявлен международным днём солидарности трудящихся.

* * * * *

И вот теперь партия власти сначала подавляет все протесты против саммита Большой восьмёрки, разрешает нацистам провести несанкционированную акцию в центре города на Невском проспекте, жестоко подавляет «Марш несогласных» 3 марта, а теперь вот в день солидарности трудящихся она идёт по Невскому проспекту в первой колонне. Это их праздник? И вообще что праздничного в годовщине подавления полицией в Чикаго мирной демонстрации рабочих? Это не праздник, это день гнева! Мы не простим капиталистической карательной машине кровь рабочих товарищей! С такими настроениями питерские анархисты стали думать, как бы так одновременно и продвинуть свои идеи, и рассказать как можно большему количеству человек историю Первомая, и испортить праздник «Единой России», и так, чтобы не было уголовщины... И решение было найдено. На собрании «Панк-Возрождения» и сочувствующих «Панк-Возрождению» за день до Первомая в дворике «Мемориала» один панк предложил устроить дерзкую акцию, которая сразу всех без исключения так вдохновила, что следующего дня многие ждали с нетерпением. Все также договорились, что одеваться на акцию будут как обыватели. Я решил этим не ограничиваться и обезопасил себя ещё сильнее. Установил на мобильный телефон код доступа, чтобы в случае задержания быть готовым отключить телефон и вытащить симку, а потом её вставить обратно и позвонить правозащитнику. Его номер я записал в память телефона. «Главное не забыть дома паспорт, жалко я раньше не сделал себе его ксерокопию, заверенную у нотариуса», — рассуждал я, когда готовился к предстоящей акции.

Первомай 2007 г. резко отличался погодой от 30 апреля, когда проходило собрание ПВ. Во время собрания все дрожали от холода, потому что дул ветер, снег валил крупными хлопьями, и вообще погода была мерзкая. А 1 мая ярко светило солнце, и сразу чувствовалось приближающееся лето. На Невском по традиции должна была состояться большая демонстрация различных партий, движений и профсоюзов. Все они выстраивали свои колонны на Лиговском проспекте от площади Восстания и до БКЗ «Октябрьский». Мы сначала хотели встретиться у метро, но, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, решили сразу пойти к колонне «ЕдРа», всё равно все участники нашей акции были в курсе, что мы будем в колонне «Единой России», так что никто не потеряется. Мы подошли к женщине, которая раздавала единороссам и нанятой за деньги массовке флаги и синие шарики. Она приняла нас за массовку и без лишних разговоров раздала нам атрибуты. Колонна начала своё движение, и мы вместе с ней. Лёгкий ветер раздувал многочисленные знамёна. Рассредоточившись среди единороссов и неся полученные флаги как можно ниже, мы не теряли друг друга из виду. Когда колонна подошла к Аничковому мосту, мы стали строиться плотнее. По обеим

сторонам Невского проспекта через каждые 2 метра стояли сотрудники милиции. Всё это постепенно увеличивало уровень адреналина в крови. С каждым шагом приближаясь к Аничковому мосту, мы чувствовали, что нервное напряжение усиливалось. Аничков мост пересекает речку Фонтанку, и длиной он всего около 50 метров. Мы знали, что это короткое расстояние будет единственным местом на всём пути шествия колонны, где не будет ни одного мента. Именно поэтому Аничков мост был выбран местом начала акции. Оказавшись на мосту, мы сразу же убрали единороссовские флаги, оставив себе только флагштоки, и стали доставать заранее подготовленные фаера. Кто-то достал 10-метровый баннер с надписью «Свобода. Анархия. Самоуправление», и его стали разворачивать. На флагштоки мы надели свои чёрные и чёрно-красные флаги, и несколько человек зажгли фаера. Я лопнул шарик, чтобы получить хоть какой-то шум, но получилось тихо. Все ждали сигнального салюта, чтобы одновременно начать заряжать кричалки. Но салют не сработал, а мы уже прошли середину моста и приближались к другому берегу реки Фонтанки, где уже стояли мусора. Я понял, что салюта не будет, и стал во всё горло кричать: «Выше, выше чёрный флаг! Государство — главный враг!» — все остальные сразу же поддержали. Со второй кричалкой «Единая Россия — фашистская страна» мы дошли до конца моста. Впереди нас — сами единороссы, а сзади «Молодая гвардия» (молодёжное отделение партии) отошли от нас на несколько метров, боясь подойти ближе. Мы образовали собой новую несанкционированную колонну внутри партии власти. С баннером, флагами и горящими фаерами мы прошли весь мост и уже стали готовиться к тому, что нас сейчас начнут вязать менты, но вся милиция просто стояла по обеим сторонам Невского и удивлённо смотрела на всё происходящее. Мы шли дальше уже рядом с оцеплением. Любой сотрудник милиции мог просто протянуть руку и схватить кого-нибудь из нас. Но они, как оказалось, не имели права делать что-либо, не получив соответствующий приказ.

А те, кто должен был этот приказ отдавать, просто не понимали, что им докладывают по рации. Все молодые милиционеры и милиционерши действовали строго по инструкции, в которой, понятное дело, не было предусмотрено появление чёрно-красных флагов среди единороссов. Эта слабость иерархической системы была нам на руку. Мы продолжали кричать свои лозунги один за другим. Прохожие, гуляющие по тротуару, улыбались нам, хлопали в ладоши и кричали «Молодцы!» Всё это значительно подбадривало нас. Колонна остановилась, как это обычно бывает, когда по Невскому идут подобные шествия. Просто кто-то идёт быстрее, кто-то медленнее, и время от времени нужно выравниваться. Мы сначала тоже остановились, и тогда кто-то крикнул: «А чего мы стоим? Мы же идём несанкционированно!» Мы со смехом стали обгонять колонну «Единой России», продолжая скандировать кричалки. Один толстый мент попытался нас остановить, но мы продолжали движение, в результате его завернули в баннер. Он вырвался и пошёл позвать кого-нибудь на помощь. Когда мы уже прошли Гостиный двор, из всех присутствовавших сотрудников милиции появились всё-таки несколько, которые настойчиво стали отбирать у нас баннер. Пока к ним не прибыло подкрепление от ОМОНа, автобус которого стоял недалеко от нас, все стали разбегаться, и ни один из нас так и не был задержан. Я тоже отбежал на безопасное расстояние, снял ветровку и бейсболку и пошёл в сторону «Мемориала», возле которого мы договорились встретиться после акции. Вместе со мной шли ещё двое участников нашего веселья. Пока мы шли обратно по Невскому

(хотя это было неправильно — возвращаться на место несанкционированной акции после её завершения), прохожие нас узнавали и продолжали нам аплодировать. Две девушки показывали на нас и говорили: «...те самые...» А два ОМОНовца стояли и обсуждали увиденное. Один другого спрашивал: «А им что, разрешили идти?» «Не знаю», — отвечал другой. Акция прошла успешно, поставленная цель была достигнута.

Позже мы узнали, что ещё «Движение сопротивления имени Петра Алексеева» (ДСПА) тоже попытались испортить настроение единороссам. Они просто закидали единороссов дымовыми шашками с крыши одного из домов на Невском, всё это было, когда мы уже ушли с Невского...

Впечатлений от этой акции было море. Её ещё долго обсуждали в Интернете, в разговорах, смотрели в Интернете видео с акции. Даже в середине мая на антифашистском концерте делились впечатлениями...

Глава 13. Антифа-концерты.

Марго 1 мая была в Москве и не смогла принять участие в нашем веселье, хотя видела видео. С ней и ещё с некоторыми активистами мы встретились перед концертом на FNB и большой группой направились к клубу. Это был мой первый антифа-концерт — закрытый, «только для своих» — одни антифа сами устраивают концерты для таких же антифашистов, анархистов. Марго к этому моменту уже начала пить пиво. Она меня агитировала не пить пиво во время нашего с ней знакомства, а теперь сама его пьёт. Но это меня ни капельки не разочаровало в ней. На этом концерте я познакомился со многими другими товарищами. Я помню, какая у меня была гордость от того, что я теперь могу ходить на такие концерты, куда чужих не пускали. Но в этот раз на концерте оказались те, кого там не должно было быть, а именно две бонихи. Несколько девушек собирались идти бить этих незваных боних, но оказалось, что Марго и ещё какая-то

девушка-панк уже отвели их к гаражам поговорить. Я и ещё один парень залезли на крышу гаража, чтобы послушать их разговор, — очень уж нам было это интересно. А вдруг сейчас начнутся «кошачьи разборки», такое зрелище не хотелось пропустить... Но нам не суждено было это увидеть, потому что Марго и панкушка просто взяли с бонов слово, что они не приведут сюда бонов, и отпустили. Впоследствии оказалось, что эти две «валькирии» сдержали своё слово, и никаких бонов вблизи концерта не было. Хотя для бонов держать своё слово — это редкая черта. Мы вернулись обратно в клуб угарать, пить пиво и слушать музыку. Между песнями все, кто стоял у сцены, кричали «Антифа!», другие сидели у бара и пили пиво. Кто-то выбирал себе что-нибудь из дистро — неотъемлемая часть таких концертов. Здесь можно было приобрести футболки, диски, значки и нашивки, в основном на антифашистскую тематику. Сразу чувствовалось единство. Ощущения, полученные мной от моего первого подобного концерта, сложно описать, но забыть это невозможно. Я собирался на этом концерте рассказать Марго о своих чувствах (почему-то я считал это нужным), но когда я увидел её пьяную, я решил, что лучше сказать ей, когда она протрезвеет. Тогда мне казалось это само собой разумеющимся, что девушке якобы сначала надо говорить о своих чувствах, а потом что-то делать, при этом говорить ей это нужно, когда она трезвая. Разговор с Марго я отложил на другой раз, тем более, что сложно общаться, когда из колонок так громко играет музыка...

Но и когда она была трезвая, я, не понимая почему, решил ей всё сказать не лично, а по аське. И естественно она ответила, что «не судьба» и всё такое... Огорчившись на несколько дней, я пытался отвлечь себя какими-нибудь акциями и драками. Я постоянно всех звал то устроить «антифа-патруль» по городу, то где-нибудь порисовать граффити. Я просто больше не мог ничего придумать и пытался делать то, на что у меня хватало фантазии. Мы собрали целую команду из начинающих и бросались в самые

разные авантюры, какие-то проходили удачно, а какие-то не очень. Постепенно становилось ясно, что так называемые «антифа-патрули» — это когда несколько человек ходят по улице в поисках бонов и если находят, то нападают — почти не имеют КПД. Потому что не так-то просто найти бонов. Они обычно появлялись, когда их не искали, либо сами приходили на наши концерты, чтобы на нас напасть. А такое бывало очень часто. Почти на каждом антифа-концерте появлялась информация, что недалеко от концерта есть боны, и тогда с концерта собирались все, кто был способен драться или хотя бы добивать, и шли в их сторону, если они были не очень далеко. Иногда бывало, что прямо возле клуба замечали нацискаутов и избивали их на месте. Так и те две бонихи, с которыми Марго разговаривала возле гаражей, через какое-то время показались возле другого нашего концерта, но там им уже повезло намного меньше. Одним словом чаще всего скучать мне и не приходилось. Тем более что на разных таких концертах я знакомился и с другими симпатичными анархистками...

Глава 14. Разочарование.

Всё лето я искал работу и никак не мог никуда устроиться. Везде нужен был военный билет, а я в армии не служил и не собирался. Я считал абсолютно не правильным стрелять в кого-то по приказу офицера и придерживался мнения, что стрелять в кого-то можно только по собственной инициативе. Да и впечатления от эксперимента Стэнли Милгрэма повлияли на моё нежелание идти в ряды вооружённых сил России, которые защищают не мой дом и мою семью, а чиновников, империю и капиталистов. А себя и свой дом я лучше защищу, не отправляясь в армию... В конце концов, в одной фирме я сказал, что забыл военный билет, принесу потом. Надеялся, что прокатит, и прокатило. Я стал постоянно работать на складе, и постепенно образ жизни стал превращаться в обывательский (дом — работа — дом —

работа — иногда спортзал). Хотя я иногда приходил на разные акции, но положительного результата от них видно не было. У меня начался период, который неизбежно начинается у большинства активистов, — полное разочарование во всём, что мы делаем.

Зачем всё это? Кто читает эти листовки? Зачем устраиваются митинги? Для кого? Неужели только для себя, чтобы сделать иллюзию своей значимости? Для чего рисуются граффити? Если всё это бесполезно, зачем тогда этот постоянный риск быть избитым или посаженным? Люди не понимают нас или просто не хотят ничего менять. Гопники же плывут по течению и думают только о себе, так ведь нормально живут. Это всё зря, пустая трата времени. Даже когда я помогал Кубе организовывать марши против меха (или, если точнее, против использования животных в меховой индустрии), я опять в очередной раз себя убеждал в том, что это тоже бесполезно. Мы просто шли по тротуару Невского с плакатами в защиту животных и листовками и останавливались возле меховых магазинов, чтобы покричать зоозащитные лозунги и пораздавать листовки. Половину листовок мы потом видели выброшенными в урны или просто валявшимися на тротуаре. Зачем тогда всё это нужно было? Я стал всё меньше и меньше акционировать. Так продолжалось несколько месяцев. Болото обывательской жизни засасывало меня всё больше, и единственными местами, где я встречался с другими антифа, стали концерты. А если я и приходил на акции, то только «за компанию» из-за хорошего отношения к другим товарищам. Поэтому и ходил на акции с минимальным риском, за редким исключением...

Глава 15. «Subcultures Unite!»

Осенью 2007 года в Питере внутри основных анархических организаций, в том числе в ПВ, стали появляться разногласия, в результате чего разные анархисты пытались на смену этим организациям придумать новые, с

другим названием и организационным соглашением. Так стали появляться одна организация за другой. Это и «Ассоциация либертарных инициатив» (АЛИ — группа радикальных левых, уже имеющих немаленький опыт в протестных действиях), и самые различные боевые группировки (Crew), а также граффити-команды. Все занимались самыми различными акциями. Я расскажу о самой необычной из таких команд — SU («Subcultures Unite»), потому что во многом она была похожа на ПВ.

В это время среди самых разных субкультур стали появляться модники, не знающие историю своей субкультуры. И постепенно эти модники даже стали переходить на сторону бонов, так появлялись «наци-эмо», «наци-рэперы» и другие субкультурные аномалии. SU ставила своей целью объяснение молодым неформалам историю возникновения их субкультур с одновременным привлечением их на свою сторону, а также продвижение среди них анархических идей. Идея эта пришла одному радикальному вегану — Тонкому. Тонкий — высокий и худощавый, за что и получил своё прозвище. Он постоянно ходил в чёрной одежде, а за спиной носил торбу, из которой торчала бейсбольная бита, завёрнутая в пакет. Но когда у него кто-то спрашивал, что у него за спиной, он говорил, что это гитара. При этом абсолютно ни у кого не возникало вопроса, почему «гитара» такая маленькая. Вообще Тонкий постоянно всех шокировал своими действиями, которые он предпринимал то для борьбы с какими-нибудь предрассудками (субкультурными, сексистскими, расистскими и другими), то просто в силу своей повышенной радикальности. При этом все его оригинальные выходы как-то сочетались с его любовью к конспирации. Он постоянно генерировал новые идеи акций, но из-за его излишней оригинальности к нему большинство относились не серьёзно. Так, например, он однажды пришёл на антивоенный пикет с накрашенными ногтями, ресницами и губами и... в чулках! По его словам, он таким образом боролся одновременно против сексистских и гомофобских предрассудков. Но такая

нестандартность помогала ему придумывать различные акции...

Так, перед очередным «Русским маршем», который в этом году санкционировали с властями, в ночь с 3-го на 4-е ноября 2007 г., мы направились к 4-й Советской улице возле БКЗ «Октябрьский», от которого должен был пройти марш. Мы стали рисовать на всём пути его маршрута антифа-графареты. Другие антифашистские инициативы одновременно писали на асфальте большую надпись «СТОП ФАШИЗМ». Вообще из-за того, что антифашисты Питера в это время были разделены на множество разных групп, акций было много, но в каждой принимали участие только несколько человек. Утром ещё одна граффити-команда РОУ («Points Of Unity») повесила на пути шествия антифа баннер. А когда наци шли по 4-й Советской улице, с крыши соседних домов были сброшены три петарды, от которых никто не пострадал. Ещё несколько человек пришли с антифа-баннером прямо к проведению митинга в конце «Русского марша» и были подвергнуты нападению ультраправых. Эти акции показали необходимость лучше согласовывать подобные действия между всеми антифашистами.

Ещё одна знаменательная акция SU была посвящена выборам в госдуму, которые должны были состояться 3 декабря 2007 года. Это были первые серьёзные выборы, на которых в бюллетенях отсутствовала графа «против всех», кроме того, начиная с этих выборов минимальной явки избирателей тоже уже не было... Возле каждой станции метро было множество людей, которые раздавали печатную агитацию различных партий. Они стояли в фирменных накидках с символикой партий и с флагами. Мы регулярно подходили к таким агитаторам и незаметно брали у них целые пачки их газет. Пару раз было даже, когда кто-то из агитаторов снимал свою накидку и отвлекался на какие-то мелочи, мы пользовались этим моментом и брали с собой и его накидку, и пачку газет. Конечно, мы были против всех партий, потому что они все стремились к власти, а как писал

Пётр Кропоткин: «Хорошей власти не бывает». Но так как все понимали, что всё равно «ЕдРо» победит на выборах, они представляли собой партию власти. И слово «власть» ассоциировалось с «Единой Россией», а «Единая Россия» ассоциировалась с властью. Поэтому основной упор мы делали на порчу агитации именно этой партии, хотя если была возможность уничтожить имущество других партий, мы этой возможностью тоже пользовались. По всему городу рекламные плакаты с предвыборной агитацией срезались или закидывались лампочками, наполненными краской (лампочки прямого действия — ЛПД, одно из любимых средств борьбы с рекламой всех ПВшников). Все газеты, кроме нескольких штук, мы сдавали в пункты приёма макулатуры, что тоже можно назвать маленькой экологической акцией. И уже в день выборов 3 декабря я и несколько друзей Тонкого взяли накидки «Единой России», несколько их газет, которые мы предварительно испортили маркером, и поехали в Ленинградскую область, в город Ломоносов. Мы не хотели проводить акцию в самом Питере, потому что в Питере было ментовское усиление, и многих ментов с области, в том числе из Ломоносова, привезли в Питер. Вот мы и поехали туда, откуда часть ментов вывезли... Недалеко от одного из избирательных участков мы надели накидки и стали раздавать газеты единороссов, что сразу вызвало негативную реакцию у прохожих, потому что все знали, что в день голосования агитация запрещена. Вот это нам и нужно было — негативная реакция прохожих. Да, мы не могли изменить заранее известных результатов выборов, но это ведь не последний день нашей жизни, и дальнейшее негативное отношение к партии власти у населения тоже будет выгодно оппозиции... Когда мы заметили, что в нашу сторону поехала машина ментов, мы бросились в сторону ближайшего леса. Спрятавшись там среди сугробов и переждав немного, мы сняли видео горящих единороссовских газет и накидок и отправились обратно домой...

Глава 16. День рождения Гитлера 2008.

Я постепенно стал жить обычной обывательской жизнью, но при этом я общался с активистами и приходил за компанию на акции. Некоторые мои знакомые активисты тоже разочаровывались и тоже начинали жить обычной жизнью. Вместо них приходили другие равнодушные, с которыми я тоже общался, потому что просто видел, как они рискуют совершить некоторые мелкие ошибки, которые когда-то совершал я при организации различных акций. Так, один мой знакомый решил организовать на день рождения Гитлера «антифа-патруль», я его сразу же предупредил, что вероятность того, что мы найдём бонов очень мала, хотя, учитывая наци-праздник, она всё-таки есть. Поэтому мы решили собраться сначала на Звёздной, но почему-то у самого метро. А то, что это было ошибкой, мы очень быстро поняли по тому, что нас спалили боны и время от времени проходили мимо и рассматривали нас. Мы решили спуститься в метро, тем более что мы созвонились с другой боевой группой, которая уже направлялась валить бонов в парке Победы. Но на встречу с ними мы опоздали и увидели их только после того, как они уже успешно провели свою акцию. Составом в 30 человек они жёстко разогнали 70 бонов и с чувством выполненного долга отписывались. Наш день рисковал стать абсолютно провальным, как вдруг нам позвонил один знакомый и сообщил, что у них проходит маленький брейк-фестиваль, на который собираются прийти фашисты с целью нападения на участников мероприятия. Мы поехали на встречу с ними. Выйдя из метро, пока все обсуждали, как нам лучше действовать, я увидел пятерых ярко одетых лысых бонов в высоких ботинках и камуфляжных штанах. Они увидели меня и быстрым шагом направились в торговый центр возле метро. Я показал этих подарков судьбы всем, кто с нами приехал в Купчино, и мы проводили взглядом заходящих в торговый центр бонов.

— Там народу слишком много и охрана, надо подождать,

когда выйдут, — сказал кто-то из нас.

— А вдруг они попросят через какой-нибудь чёрный ход выйти?

— А давайте тогда не будем их пиздить, а снимем с ними интервью, чтобы они просто сказали, что нацизм — это дерьмо.

Сказано — сделано. Мы пошли в торговый центр за бонами. Решив, что снимать буду я — на телефон, мы поднялись на второй этаж. Там в ресторанном дворике мы встретили одного из бонов, сняли разговор с ним на видео и пошли искать остальных. Поднявшись на этаж выше, где были игровые автоматы и вход в кинотеатр «Каро фильм», мы увидели остальных, и я включил в телефоне видеозапись. Но один из нас решил, что одного разговора нам будет недостаточно и со словами: «За Адольфа???» — стал наносить одному из бонов удары, другой нацист стоял рядом и смотрел, как избивают его друга. Но долго насладиться этим зрелищем ему не дали и тоже повалили его на пол... Со всех сторон на нас стали бежать охранники центра, и мы стали убегать с места драки. Я видел, как девушка, которая тоже всегда (в том числе и сегодня) была готова дать силовой отпор фашистам, не останавливаясь, толкнула рукой охранника, от чего тот отлетел на метр и путь для отступления был уже открыт. Сбегая по лестнице вниз, мы слышали разговоры посетителей центра, которые говорили, что на всех экранах, на которых обычно крутят рекламу центра, только что транслировали драку, и все охранники бегут на место происшествия... Когда мы выбежали из центра, мы убедились, что никто не остался внутри, и отправились к месту проведения брейк-фестиваля, на котором боны так и не появились. А в Парке Победы в этот же вечер побеждённые боны собрали две сотни человек и напали на одного скейтера, которому нанесли множество ножевых ранений...

Глава 17. Поездка на футбол в Петрозаводск.

У меня начался отпуск. На улице стояла июньская жара. В личной жизни у меня всё не ладилось, концертов никаких не было, акций тоже. В Лабытнанги мне ехать не хотелось. Делать было абсолютно нечего, и отпуск был на грани провала. Я зашёл в Интернет, чтобы посмотреть, кто куда собирается идти. И тут я узнал, что несколько человек из тех, с кем я был на дне рождения Гитлера в этом году, собираются ехать в Петрозаводск на матч сб. Карелии против Торпедо-Питер. Я сразу попросился ехать с ними и, как оказалось, я был не единственным, кто случайно попал в эту поездку. Я раньше никогда не был в Петрозаводске, но много о нём слышал. Слышал, что там так мало бонов, что они вынуждены скрываться, ходить по улице только толпой и только в своём районе. Зато антифа в этом городе чувствуют себя максимально свободно и уверенно, потому что их очень много. Благодаря этому Петрозаводск многие считают столицей антифа России. Мы должны были присоединиться к саппорту сборной Карелии, большая часть состава которого позиционировали себя как антифа или как антирасисты. Приехав в Птз рано утром на электричках, мы сразу же увидели встречающих нас ШАРПов. Матч должен был состояться во второй половине дня, и до этого мы гуляли по городу, возле стадиона, за кинотеатром «Победа». Здесь, за «Победой», было футбольное поле, и все стены большого ангара и гаражей были расписаны антифа-граффити. В этом месте часто и гуляли антифа Петрозаводска. Это место, как и то, что здесь тусуются антифа, знали и боны, и менты.

Вход на стадион был бесплатным, потому что сборная Карелии играет во второй лиге, и мы заранее пришли на стадион, чтобы занять места на втором секторе и повесить баннеры. Болельщиков Торпедо нигде видно не было, но зато была информация, что они приедут на автобусе, и все они

правые. Парни и девушки рассаживались по всему сектору и ждали начала матча. На всём стадионе более менее заполненными были только два сектора: второй — наш, и восемнадцатый, на котором когда-то давно сидело несколько правых хулиганов. Как рассказывали местные антифа, их оттуда прогнали силой, и теперь там были аполитичные хулиганы. Когда начался матч, большинство из нас стояли и заряжали различные кричалки или жгли фаера. Причём я за весь матч несколько раз замечал, что как минимум несколько человек большее внимание уделяли не самому наблюдению за игрой, а слаженному заряданию кричалок. Игра проходила нервно, потому что Карелия проигрывала, на поле даже были не все игроки, потому что это были петрозаводские рабочие и матч был во время какой-то их забастовки. Кроме того, время от времени футболисты из сборной Карелии во время матча получали травмы и либо мужественно продолжали игру, либо их забирали врачи, а Торпедо несколько раз меняла своих слегка уставших игроков. Силы были не равны и с каждой минутой обстановка становилась всё горячее. И когда у входа на стадион появилась группа людей, неуверенно заходящих внутрь, все приняли их за торпедовцев и были готовы устроить драку с ними прямо на стадионе. Половина сектора направилась прямо по другим секторам в сторону этой группы. На это сразу же обратили внимание немногочисленные менты, которые должны были охранять правопорядок во время матча. Естественно они сразу догадались, с какой целью все мы сошли со своих мест... Но наши первые ряды узнали в замеченной нами группе нескольких фанатов Карелии. На всём стадионе не оказалось ни одного фаната питерского Торпедо. Всем стало понятно, что никакой драки не будет и, не скрывая своего недовольства, все пошли обратно на второй сектор. А сотрудники милиции уже стояли там и разговаривали с одним из фанатов, который пользовался у всех остальных авторитетом. Тот пообещал ментам, что «всё будет в порядке» и они, похоже, успокоились.

Итак, сборная Карелии проиграла, торпедовцев мы так и не увидели... Всей нашей питерской компании нашли вписку в квартире у одной девушки. Вместе с нами туда поехали несколько местных человек. В итоге у нас образовалась толпа в 20 человек и по пути на вписку мы купили на всех еды и пива. Эту квартиру, скорее, можно было бы назвать хоромами. Одна только прихожая по площади больше, чем вся моя комната, которую я снимал в Питере. Все стали варить макароны и пить пиво. Кто-то попробовал залить макароны пивом, кто-то лёг поспать в ванной, кто-то решил ограничиться всего лишь одной разбитой чашкой... Одним словом, самая обычная настоящая вписка... Потом включили телевизор и стали смотреть игру сборной России. Я, зная, что скоро просто не смогу найти себе спальное место, и устав после поездки на электричке и целого дня прогулок по городу, ушёл в другую комнату с большим диваном. Я лёг с краю, поближе к открытому балкону. Через эту комнату все бегали на балкон курить. Хозяйка квартиры увидела, что я уже лёг, и дала мне подушку и одеяло. В комнату вошла полная рыжая девушка, на которую я ещё по пути на вписку в троллейбусе засмотрелся. Мы с ней стали разговаривать о Питере и о Петрозаводске. Через несколько минут она тоже легла рядом. Мы рассказывали друг другу разные истории из своей жизни, а мимо нас продолжали все бегать на балкон и обратно, и каждый раз, увидев нас лежащих рядом, бросали всякие шуточки. Несколько девушек всё не могли дождаться, когда мы с ней начнём обниматься, чтобы сфотографировать для «коллекции компромата петрозаводских вписок». Мы оба были укрыты одним большим одеялом, и после очередной её истории про какую-то вписку я её обнял. Сначала мы продолжили так разговаривать, потом я стал гладить её рукой по волосам и, почувствовав, что она расслабилась, мы начали целоваться...

Уже на следующее утро мы тем же составом отправились на электричках обратно в Питер. Я всё время думал об Ирочке и о ночи, проведённой с ней на вписке. Надо будет отыскать

какие-нибудь её контакты через общих знакомых, а то мы с ней утром даже не пообщались, наивно надеясь свалить всё, что было ночью на действие алкоголя, чтобы совесть не мучила...

Я стал думать, как я снова смогу поехать в Петрозаводск, город, который так впечатлил меня степенью развития антифа-культуры и таким количеством симпатичных приветливых антифашистов...

Глава 18. Оборона от ментов-нацистов.

В ночь с 12 на 13 июня компания из примерно 20 панков-антифашистов гуляла по центру города. Алексей и его подруга отстали от основной группы. Мимо них прошли два наци-скинхеда, которые вскидывали руки в нацистском приветствии и выкрикивали «зиг хайль». Алексей понял, что неонацисты планируют напасть на него, — в руке у одного из них было горлышко от разбитой бутылки (розочка). Завязалась драка, Алексею пришлось использовать нож против двоих нападавших. Он нанёс ножевое ранение одному из них, после чего неонацисты быстро скрылись. Впоследствии оказалось, что один из них — сотрудник МВД. В июне-июле сотрудники милиции провели ряд следственных действий по делу, никак не укладывающихся в рамки закона. Несколько панков из Петербурга и окрестностей были подвергнуты многочасовым «беседам» (допросы без протокола), в ход шли угрозы, не мотивированные ничем задержания после панк-концертов, изъятие данных из мобильных телефонов и даже создание фальшивых аккаунтов в популярной социальной сети с целью сбора информации.

16 июля рано утром на окраине Петербурга при выходе из дома был задержан один из панков-антифашистов. Его привезли в 76 отдел милиции, там приковали наручниками к батарее на несколько часов, после чего заставили позвонить Алексею Бычину и назначить ему встречу в центре города. В ходе встречи Алексей был задержан и также доставлен в 76

отдел. Принять передачу с водой и продуктами у друзей Алексея милиционеры отказались. Также стоит отметить, что при допросе одной из свидетельниц по этому делу, состоявшемся 17 июля в том же 76-м отделе, сотрудники милиции находились в нетрезвом состоянии (распивали пиво) и открыто выражали симпатии к идеологии неонацистов (также вскидывали руки «от сердца к солнцу»). На квартире, которую снимали Алексей и его подруга, прошёл обыск. Вечером 18 июля Куйбышевский районный суд, заседание которого началось с большим опозданием и за закрытыми дверями, решил, что Алексей должен быть помещён в следственный изолятор. А примерно через год после этого ему дадут 5 лет лишения свободы. Пять лет за самооборону от ментов-нацистов.

В Питере и в других городах России начались акции солидарности с Алексеем. Это были и митинги, и вывешивания баннеров, и граффити-акции, но всё равно его отправили в лагерь отбывать наказание. Уже ни у кого не оставалось сомнений, что в милиции давно работает очень не маленькое количество нацистов...

Глава 19. Я снова в строю.

Нацисты постепенно приобретают травматическое оружие, некоторые идут работать в милицию, чтобы, как они это объясняют, «законными» средствами бороться против приезжих, а говоря по-простому, прикрываться законом. Во всём мире начинается кризис (ну, или его придумывают банкиры). Постепенно начинаются увольнения, сокращения

заработной платы. Метрополитен повышает цену проезда, объясняя, что именно в этом году причина подорожания — мировой экономической кризис. При этом цену на рекламу для бизнесменов поднимают незначительно, надеясь пережить «кризис», сидя на шее у рабочих и студентов.

А человечество продолжает жить в экологической утопии, прекрасно осознавая, что ресурсы планеты не безграничны. Население Земли скоро достигнет семи миллиардов человек. Но дело даже не в самой цифре, а в том, что мы потребляем больше ресурсов, чем у нас есть: выливаем больше воды, сжигаем больше угля, загрязняем больше воздуха, чем можем себе позволить. Так бесконечно продолжаться не может. Люди вообще думают только о себе и готовы уничтожать Землю, животных, других людей ради удовлетворения своих сомнительных прихотей. Многим проще обвинить в своих проблемах других, найти себе врагов и жить по шаблону, как будто другой жизни не существует. И самое ужасное даже не это, а то, что неправильность такого уклада жизни приходится доказывать. А если появляются люди, которые осмеливаются делать попытки изменить ситуацию, разрушить эту систему, их объявляют экстремистами, террористами, сумасшедшими. Парня, защищавшего себя и свою девушку от двоих нацистов, сажают в тюрьму, потому что нацисты оказываются мусорами.

Живя в такой атмосфере, просто невозможно оставаться равнодушным, хочется делать хоть что-то. Хочется рвать и метать, но не сидеть молча, как в покорном стаде обывателей.

«Если мы не можем предотвратить появление наци-радикалов на улицах города, мы можем помешать им свободно передвигаться по этим улицам. Если мы не можем спасти планету, мы можем помешать её разрушать. Если мы не можем остановить убийство животных, мы можем сделать их убийство невыгодным для капиталистов и потребителей. Если я не могу или просто не знаю как вести борьбу в позитивном направлении, я буду её вести в негативном. Это лучше, чем просто смотреть на всё это», — такие мысли стали меня посещать всё чаще, но теперь я понимал, что для

каждого действия нужна определённая цель. И, делая что-либо, надо всегда осознавать, для чего это всё... Если у действия нет цели или она не достигается, то такое действие — пустая трата времени. Правильная постановка цели тоже имеет огромное значение.

Так у меня закончился период кризиса убеждений. Такой период неизбежно возникает у большинства активистов, но заканчивается он у всех по-разному. Одни отказываются делать что-либо вообще, у других происходит эволюция взглядов. Я снова стал акционировать, но на митинги я уже не ходил, так как не видел в них смысла. Единственное, что для меня имело смысл, — это прямое действие. Даже если я не вижу результата, я знаю, что он есть, потому что от прямого действия просто не может не быть результата. Теперь, даже если я шёл на какую-нибудь акцию, первое, что меня интересовало, это какая ставится цель... А в свободное время я продолжал заниматься своими личными делами...

Глава 20. Концерт в Петрозаводске.

В середине июля я поехал в Петрозаводск на концерт белорусской группы «Мистер X». Но больше меня интересовал не сам концерт, а то, что в этом городе я смогу встретиться с Ирочкой. На этот раз я решил поехать на поезде. До самого концерта я не мог встретиться с Ирочкой, потому что она работала. А когда мы всё-таки встретились на самом концерте, встречен я был ею более чем холодно, мне даже показалось, что она меня избегает. Может, было стыдно за мой прошлый визит в их город? Или боялась привлечения лишнего внимания окружающих? Ну, не зря же я приехал... Если она даже разговаривать со мной не хочет, то хотя бы в клубе повеселюсь под белорусский Oi (жёсткий стиль музыки скинхэдов). Весь концерт я веселился, как только мог, останавливался только между некоторыми песнями, чтобы попить пива. А бабы, они на то и бабы, что у них то одно на уме, то другое! Когда группы отпели все песни, посетители

клуба вышли на улицу. Несколько ШАРПов решили погонять каких-то бонов, ну, или гопников. Похоже, что под действием алкоголя они и сами не понимали, кого они искали. На концерте было много тех, кто приехал из других городов, и все они расходились по впискам. Я и ещё несколько человек собирались вписываться у Ирочки. Но она продолжала меня игнорировать. В конце концов, мне пришла от неё СМС: «Так ты идёшь?» «Что за бред — стоять в десяти метрах от меня и писать СМС? Что, не подойти и не спросить? Она что, специально меня позлить хочет? Ну как она, так и я», — я набрал ответную СМС: «А почему по СМС?» Но на это я получил ответ, который уж точно не ожидал: «У меня нет денег позвонить».

«Да она точно меня просто позлить хочет! Она ещё и звонить собралась, стоя почти рядом со мной! Она просто издевается надо мной! Просто хочет, чтобы я позлился. Ну что ж, у неё это отлично получается, — я в ярости!» — всё-таки какие иногда глупые мысли возникают в голове у влюблённого человека, особенно, если он «под градусом». Потом я вспоминал это с улыбкой, но тогда я был очень разозлён. И, чтобы не натворить глупостей у Ирочки дома, я решил прогуляться и остыть — всё-таки в моей влюблённой пьяной голове ещё оставалась капля разума. Я договорился с Ирочкой, что я приду позже, и она оставила мне свой адрес.

Я и ещё несколько пьяных антифа пошли искать приключений на свою голову. И искать нам долго не пришлось... Один из нас что-то не поделил с какими-то охранниками, и завязалась драка. В ходе драки охранники сначала поняли, что с нами так просто они не справятся, и начали убегать, а когда их догнали и повалили на землю, один из них достал пистолет и направил на нас. Мы стали разбегаться, а несколько человек пытались договориться с охранником, но он стал вызывать кого-то по рации и, видимо, не имел желания общаться... Тогда те, кто хотел договориться, тоже по быстрому убрались с места драки...

Когда я отбежал в сторону перекрёстка, где стояли такси,

то увидел ещё нескольких человек, с которыми только что вместе гуляли. Все мы должны были поехать к Ирочке. Мы решили скинуться деньгами и поехать на такси, это было самым безопасным вариантом. Приехав на вписку, мы увидели ещё нескольких ребят, и один из них сразу заинтересовался у Ирочки, где можно будет лечь спать.

— Где найдёшь свободное место, туда и ложись.

— А меня куда положишь? — спросил я.

— А тебе уготовано вакантное место рядом со мной. — Вот это по нашему, такие ответы Ирочки меня устраивают...

Я пошёл в спальню, лёг и стал ждать Ирочку. Я лежал на кровати, кто-то в этой же комнате лёг спать на диван, а самые пьяные свалились прямо на пол. Когда Ирочке удалось всех более-менее утихомирить, она вошла в спальню. Увидев её в одной ночнушке, я сразу вспомнил анекдот:

Разговаривают невеста с подругой:

— Какую мне ночнушку лучше взять? Красную или синюю?

— Возьми лучше шарф...

— Почему?

— Всё равно ночнушка к утру будет на шее болтаться...

Утром ночнушка Ирочки была даже не на её шее, а где-то за кроватью, а вечером я отправился обратно в Питер. Жаль, что нет возможности приехать в Петрозаводск на более долгое время... Но когда я только ехал в Питер, от Ирочки получил сообщение, что между нами ничего быть не может. Я попытался уточнить причину, но она молчала, как партизан. До дома я доехал в подавленном настроении, которое оставалось таким ещё несколько дней...

Глава 21. Нож для нациста на «Русском марше» 2008.

Особо не надеясь на силу мышц и навыки рукопашного боя, которых мне не хватало, я купил себе складной нож и

наточил его кончик. Не расставаясь со своим «стальным товарищем», я почти никогда не выпускал его из рук в кармане куртки. Но использовать его против человека, пусть даже радикальных правых взглядов, не решался... До определённого момента...

К «Русскому маршу» в 2008 году и мы, и наци готовились заранее. Организаторы, устав бороться против администрации, которая не собиралась согласовывать их шествие, заявляли, что они всё равно пройдут по центру Питера. Мы постоянно выпускали дезинформацию о месте проведения марша, в метро несколько раз нами устраивались рейды по вагонам в поисках наклеек, призывающих прийти на наци-марш. А в сети постоянно публиковалась информация о самых разных местах его проведения. Наци, в свою очередь, продолжали клеить свои стикеры и призывать всех пойти на свою акцию. В итоге, не зная куда ехать, многие боны так и не приехали, а «Русский марш» собрал всего 70 человек, которых на улице Садовой заранее ждал ОМОН. Сначала мы хотели пойти искать бонов, идущих на марш. Но, так как не смогли собрать достаточное количество народа, решили собраться и пойти на Садовую после окончания «Русского марша». Там мы надеялись поймать оставшихся бонов...

Вечером у метро «Сенная площадь» мы собрали нескольких молодых антифа, большинство из которых я вообще видел впервые в жизни. Большинство боевых антифа Питера устраивали в это время акции в других районах...

Мы всей группой около шести человек пошли по Садовой улице, и возле рынка «Апраксин двор» мы увидели троих нацистов. Один из них был в куртке «парка», которую часто носят футбольные хулиганы, а на шее был шарф «Россия», у других были высокие ботинки и тоже шарфы расцветки имперского флага России — тоже частый атрибут новых русских нацистов. Увидев нас, они забежали в рок-магазин, в котором часто и продавались такие шарфы в большом количестве. Но этот магазин уже собирались закрывать, и им пришлось из него выйти. К этому моменту мы уже окружили

вход и ждали, когда из него выйдет эта троица.

Когда они вышли, один из нас стал разговаривать с одним из них...

— Ты нацист? Что у тебя под «паркой»?

— «LonsDale».

— Что такое «LonsDale» знаешь? — нацист ничего не отвечал, просто не знал, что ответить. — Я даю тебе 20 секунд, чтобы ты мне сказал, что такое «LonsDale». Время пошло.

На самом деле это просто фирма одежды, созданная одним графом, который устраивал боксёрские поединки (фирма также выпускает спортивный инвентарь для бокса). В 70-х годах эта фирма стала очень популярной среди скинов и бонов, в результате некоторые журналисты стали обвинять эту фирму в сотрудничестве с нацистами. В ответ «LonsDale» выпустили цветную рекламу с антирасистским контекстом. На рекламе была надпись «LonsDale love all colors». Благодаря этой рекламе фирму полюбили и антифа, но боны всё равно не собирались отказываться от одежды этой фирмы. Поэтому сама по себе одежда «LonsDale» ничего не значит, но в сочетании с другими атрибутами, типа шарфа-имперки, увеличивает вероятность того, что её владелец — нацист, и даже доводит эту вероятность до 100 %.

— Ну что? Не скажешь что это такое? И что будем делать? Пизды получать? — после этих слов он ударил нациста кулаком в челюсть.

На бонов со всех сторон посыпались удары, и кто-то — то ли из нас, то ли из них — распылил газ из баллончика, который попал мне в глаза. У меня в руке был нож, и я стал наносить им удары по тому бону, с которым вёлся разговор. После первого удара он вскрикнул и, получив ещё несколько ударов ножом, он упал. Вся наша компания стала убегать. В итоге драка длилась несколько секунд, никто даже не понял, что я порезал этого бона. Так как на место поножовщины могли приехать менты, я всем сказал, что его порезал и нужно уходить. Все решили уехать на метро, и только я один, так как

считаю не правильным после драки уезжать на метро, пошёл пешком в сторону Владимирской... Всю дорогу до дома я вспоминал драку, вспоминал крик бона, вспоминал мои удары ножом. Я понимал, что когда-нибудь мне, скорее всего, суждено сесть в тюрьму за это, но сам я не пойду сдаваться. Проходя мимо реки, я выбросил в неё нож. Вот я и воспользовался им по назначению... С одной стороны,

ничего сложного, с другой, уровень адреналина резко подскакивает, но и успокаиваешься быстро. Я сделал это намеренно, это была не случайность. Я знал, на что я иду, а значит будь что будет.

Глава 22. «Чёрный Петроград».

Я старался как можно меньше думать об этой драке, хотя о ней быстро узнали очень многие среди активистов антифа Питера. Я надеялся отвлечься на ежегодном международном анархическом фестивале «Чёрный Петроград». Проводился он во вторые выходные ноября в честь годовщины начала революции, которая раньше официально в России отмечалась 7 ноября. На прошлый фестиваль я не попал, потому что отравился на работе и не мог выйти на улицу. В этом году я решил во что бы то ни стало быть на этом фесте. На «Чёрный Петроград» каждый год в Питер приезжали анархисты не только из разных городов России, но и европейские товарищи. На каждом фестивале, который проходил три дня, были лекции, семинары, анархические акции и анархо-антифа концерты.

Одним из мероприятий в этом году была акция прямого

действия против уплотнительной застройки на улице Дыбенко, на северо-востоке Питера. Компания-застройщик установила забор в нескольких метрах от жилого дома. Этот забор отгораживал сквер, который ещё не вырубili, но уже собирались это сделать и начать на его месте строительство. Разумеется, такое пренебрежение мнением местных жителей, опасющихся за сохранность фундаментов своих домов и сквера во дворе, вызвало большое социальное возмущение.

Более пятидесяти анархистов, помня жёсткие разгоны властями протестов против застроек Парка Подводников и многих других скверов в Питере и Москве, решили не ждать милости государства. Мы пришли на улицу Дыбенко, чтобы начать действовать решительно самим. Подбежав к забору, все стали разбирать его на части, и за пару минут весь забор был разобран, аккуратно сложен и убран с пешеходной и проезжей части. Металлические листы забора отрывались с ужасающим грохотом, который наполнял весь двор. Во время акции жители соседних домов смотрели в окна, аплодировали и показывали выставленный вверх большой палец. Помахав рукой местным жителям, весёлые, мы отправились обратно в метро. По пути я обратил внимание на рыжую девушку моего роста, которую раньше не видел и поэтому подумал, что она из другого города, но когда узнал, что она из Питера и просто только недавно присоединилась к движению, я решил, что надо познакомиться с ней поближе. Мы вместе ехали в метро, и по пути я не мог оторвать от неё взгляд, особенно когда она улыбалась, и всё происходящее вокруг теряло для меня всякий смысл. От такой улыбки становилось светло и тепло и так не хотелось расходиться в разные стороны. Я позвал её и ещё нескольких человек в кафе что-то обсудить, хотя ещё не придумал что именно. К моему счастью она согласилась. Веганша была симпатичной радикальной анархисткой с простым, на первый взгляд, характером. Одевалась она в самую обычную одежду без всяких излишеств, а за спиной носила жёлтый рюкзак в виде диснеевского Винни-Пуха, который делал её ещё более милой. Куба помог мне

придумать тему, которую нам надо обсудить, — предстоящие несанкционированные марши против использования животных в меховой индустрии. Чтобы увеличивать КПД этих маршей, я каждый раз пытался нанести меховым магазинам хоть какой-нибудь ущерб. Обычно я просто срезал их рекламу прямо посреди Невского в час пик, когда проходил марш. И через пару таких маршей уничтожение реклам меховых магазинов стало любимым занятием для меня и Веганши. С ней я старался общаться как можно чаще, потому что она за такое короткое время уже успела мне понравиться своей радикальностью, сочетающейся с её милотностью. Но, как это часто и у многих бывает, она стала уставать от такого моего повышенного внимания, и, когда я предложил ей общаться ближе, она мне отказала, мотивировав это тем, что я не веган, а «какой-то там вегетарианец». Естественно, это меня шокировало, особенно после того, как мне пришлось её защищать от толпы разъярённых правых фанатов Зенита. Тогда я был единственным, кто её не бросил и стал отбиваться от нападающих, благодаря чему ей удалось убежать в метро и спокойно доехать до дома. Я считал, что после этого случая она мне обязана как минимум своим сохранённым здоровьем. Мы стали больше и больше спорить, а из-за того, что она сама не собиралась искать общий язык и идти к примирению, наши отношения из дружеских превратились во вражеские...

Глава 23. День рождения Марго.

В декабре 2008 г. в клубе «Flat» несколько антифа отмечали свои дни рождения и по этому поводу устроили концерт. День рождения был в том числе у Марго. Она перекрасила волосы в белый цвет и сделала причёску «челси», которую носят SkinGirl. Мне сначала показалось, что она пьяная и просто ходит в больших солнцезащитных очках, хотя в клубе и на улице и так было темно. Да и на расширенные зрачки Марго я не обратил никакого внимания, когда она

снимала очки. У меня голова была забита другими мыслями — как мне помириться с Веганшей. Как мне вообще с ней поговорить, если она и говорить со мной не хочет? Хотя концерт не лучшее место для разговоров, потому что, чтобы услышать друг друга, приходится кричать. Я выпил пива за здоровье именинников, повеселился под жёсткую музыку и мои взаимоотношения с Веганшей уже не так грузили меня.

После концерта мы разошлись в разные стороны. Я поехал на электричке домой в Колпино, Марго поехала туда же на маршрутке. А все остальные решали, где продолжить отмечать дни рождения. Я жил в Колпино недалеко от Марго, буквально в пяти минутах ходьбы. Я снимал комнату в обычной трёхкомнатной квартире. Соседнюю комнату снимала семейная пара, которую хозяйка квартиры оставила старшими по квартире. Приводить кого-либо мне было нельзя, поэтому я никогда никого не вписывал и жил один. Приехав домой, я уже собирался лечь спать, как вдруг мне позвонил Куба и сказал, что они уже подъезжают к Колпино на последней электричке...

— И что мне делать теперь? Я не могу вас встретить. Звоните Марго!

— У меня сейчас телефон сядет. Позвони ей сам, — я другого ответа от Кубы и не ждал, опять он замутил очередной провал.

Я набрал телефон Марго.

— Марго, ты что спишь? Тут к тебе уже приехали из Питера с днюхой поздравлять.

— Питер? А это где вообще? Я вообще ничего не понимаю. Делай сам, что хочешь. Я спать.

Ну вот. Девушка, которая мне рассказывала про sХе, теперь на свой день рождения под какой-то наркотой, а я иду встречать её гостей, которых она принять не в состоянии. Я снова позвонил Кубе и сообщил, что Марго их к себе не пустит, ко мне нельзя, а в Питер они смогут поехать только утром. На улице зима. Холодно. Ночь. Колпино. Вокруг толпы гопников и наркоманов... От такой новости у Кубы был шок...

Я дошёл до колпинского вокзала, и как раз сразу приехала электричка. Из неё вышли семь человек, которых я и должен был встретить. Среди них была и Веганша, и Куба. Все они приехали к Марго, при этом впервые в жизни оказались в Колпино. В итоге они меня всё-таки уговорили вписать их у себя в комнате, пообещав, что будут вести себя тихо. Хотя я и понимал, что там, где Куба, просто по определению не может быть тихо. Этот гиперактивный веган-sXe круглосуточно может излучать энергию треша и дикого угара. Но я всё-таки согласился всех вписать, не оставляя же всех ночью на морозе. По пути мы купили макароны, потому что все были голодные, и один панк купил пиво. Когда мы дошли до меня, все, не раздеваясь, на цыпочках забежали в мою комнату. Свет решили не включать. Я, Веганша и ещё один панк решили сразу начать пить пиво, и я достал специальные пивные стаканы объёмом в пол литра. Куба взял макароны и пошёл на кухню готовить, я сначала не хотел никого выпускать из комнаты, а тем более Кубу, потому что он не может вести себя тихо. А если моя соседка по комнате узнает, что у меня гости, она расскажет хозяйке квартиры, и меня могут выгнать. Но ещё по пути с вокзала я заметил, как Веганша мило общалась с этим панком, и я сразу стал ревновать. Я не собирался оставлять их двоих без своего присмотра и отпустил Кубу на кухню одного. Мы втроём пили пиво, а Веганша сидела на моей кровати и обнималась с этим панком, который не то, что веганом не был, а вообще ел мясо и не скрывал этого. «И она мне ещё говорит, что я, видите ли, не веган, а вегетарианец, а теперь с мясоедом на моей кровати обнимается! Вот стерва!» — я наблюдал за ними и не понимал, что мне мешает выкинуть их обоих с четвёртого этажа или просто порезать обоих ножом: здравый смысл или слабость...

В комнату со смехом вбежал Куба. Оказалось, что он готовил на кухне макароны, а моя соседка, услышав шум на кухне, пришла туда и встретилась с Кубой. Она ему сказала уходить, на что он ответил, что приготовит еду и уйдёт, но

ушёл Куба сразу. Только вот зашёл он не в нашу дверь, а в соседнюю, потому что они находились рядом и были одинаковыми. Он просто знал, что мы сидим с выключенным светом, а у моих соседей свет тоже был выключен, и тоже напротив двери было окно, справа кровать со шкафом, а слева стол — всё точно так же, как и в моей комнате. Поэтому Куба не сразу понял, что он зашёл не в ту дверь. Он забежал туда со словами: «Меня какая-то стрёмная бабища из кухни прогнала». С кровати сразу вскочил муж этой самой «стрёмной бабищи» — моей соседки. Вот в этот-то момент Куба и понял, в какую ситуацию он влип. Он выбежал из соседской комнаты и забежал к нам. Пока он рассказывал нам эту жуткую историю, муж соседки уже успел встать, одеться и выйти в коридор. Мы закрылись на замок и притихли. Сосед стал стучать в дверь, но мы не открывали. Я решил поговорить с ним потом, когда он остынет. Потом он понял, что ему не откроют, и ушёл к себе, а я максимально тихо прошёл на кухню и взял там приготовленные макароны. Утром, когда мне нужно было идти на работу, я первым вышел из комнаты, открыл входную дверь и вернулся обратно.

— Так. Теперь все быстро, но тихо выбегайте из квартиры, а я выйду последним и закрою дверь.

Все начали по одному выбегать в коридор и бежать к выходу, но когда я вышел из комнаты последним, я увидел, что все до сих пор находятся в коридоре, только почему-то в положении лёжа у самой двери... в ванную. От создавшегося шума из своей комнаты вышла соседка, и спросила, что мы тут устроили.

— Да мы уже уходим, — ответил я, и все мы стали выходить из квартиры.

Я с каждой секундой становился всё злее. Когда я на улице спросил у всех, что там произошло в коридоре, мне рассказали ещё одну страшную историю про то, как первый выбежавший из комнаты перепутал входную дверь и дверь в ванную, потому что они были рядом и обе были открыты. А

все остальные тупо побежали за первым, который, оказавшись в ванной, понял, что это не та дверь, стал выбегать из ванной и на выходе столкнулся с тем, кто побежал за ним. Оба они упали. Остальные бегущие, тоже не поняв, что первый просто перепутал дверь, так и бежали по инерции в ванную. В результате просто споткнулись об лежащих. Все оказались на полу...

Я стал вымещать свою злость на снеговике, который раскололся пополам от моего удара ногой. Но после этого удара я и сам стал хромать на несколько дней...

Когда вечером после работы я вернулся домой, соседка мне сказала, что ничего говорить хозяйке не будет, но чтобы я больше никого так не приводил...

Глава 24. Акция против «Escada».

В середине декабря 2008 года в разных странах проводились «дни действий против продажи меха предприятием “Эскада” (“Escada”)». «Escada» — это международный концерн дорогой линии одежды, обуви и косметики, который имеет дочерние компании по всему миру. В своем ассортименте этот концерн предлагает много меховых изделий и аксессуаров, мех для которых получен на собственных зверофермах.

За неделю до начала этих акций в Питере несколько зоозащитников зашли в магазин «Escada», и один из них стал разговаривать с администратором и продавщицами о недопустимости использования животных для изготовления одежды. Сотрудники магазина заинтересовались, и тогда зоозащитник достал печатные материалы и подарил продавщицам. Но когда он пошёл к выходу, к нему подбежал охранник и повалил его на пол, а когда парню удалось встать, к нему подбежал другой охранник и сломал ему нос. Пострадавшего отвезли на «скорой» в больницу, где поставили диагноз «открытый перелом носа». В Интернете и в дружественных нам СМИ началась информационная

кампания о беспределе охранников «Эскады». А через несколько дней после этого случая мы уже составом в 30 человек пошли к тому самому магазину, в котором охрана избила нашего товарища. Для акции было подготовлено несколько фаеров, стопка листовок против меха и море злости на охрану магазина...

Когда мы подошли к «Эскаде» всей толпой, несколько человек зажгли фаера, и все стали громко кричать лозунги в защиту животных. Внутри магазина охранники увидели нашу толпу через стеклянную дверь и поспешили её закрыть на ключ изнутри. Кто-то из нас подошёл к этой двери и распылил на неё газ из перцового баллона, не понятно только зачем. Ещё один несколько раз ударил в стекло витрины. И когда фаера потухли, и было уже понятно, что все, кто находился в этот момент в магазине, не на шутку были перепуганы произошедшим, мы положили догорающие фаера возле закрытой стеклянной двери. На этом акция была закончена, и все побежали через дворы в сторону метро.

У меня на тот момент ещё не прошла нога, которую я ушиб об снеговика в Колпино, когда вымещал на нём злость. И поэтому я бежал очень медленно, абсолютно не успевая за всеми остальными. Я добежал до плохо освещённой детской площадки, а все остальные уже успели скрыться в следующем дворе. Я обернулся назад и, убедившись, что погони нет, пошёл спокойным шагом. Но только я успел сделать несколько шагов, как сзади я услышал крик: «А ну стой!» Я ещё раз обернулся и увидел большую тень, бегущую прямо на меня. Стараясь не обращать внимания на боль в ноге, я попытался убежать от этой тени, но очень быстро был свален на землю. Я изо всех сил вырвался, встал и побежал дальше, удивляясь самому себе, откуда у меня силы вырваться от такого амбала. На бегу я достал из кармана перцовый баллончик, и догоняющая меня тень схватила меня сзади. Я стал пытаться распылять газ себе за спину, чего тень точно не ожидала и начала меня с ещё большим упорством ложить на землю. А когда у меня получилось посмотреть назад, я с

удивлением увидел белые полосы на штанах... Это был сотрудник ДПС! Я только что залил из баллона сотрудника ДПС! Осознавая серьёзность ситуации и то, что у меня всё равно уже не получится от него убежать, так как силы мои были на исходе, я сдался и дал ему надеть на меня наручники. По пути к машине ДПСник испуганным голосом кричал на меня: «Ты что? С ума сошёл???»

Он привёз меня обратно к «Эскаде» и из неё вышли два охранника, один из них показал на меня и сказал: «Это один из них. Что, попался?» Ко мне вдвоём подошли охранники и, в присутствии ДПСника, стали меня бить по моей больной ноге и по голове. Один из них подвёл меня к входу в магазин, взял у меня перчатку и сначала вытер ею перцовую жидкость со стеклянной двери, а потом протёр перчаткой мне лицо, особенное внимание уделяя глазам. Даже когда меня заливали из самого баллона, это было легче переносить, чем сейчас такую обработку лица перчаткой, пропитанной перцовой жидкостью. У меня из глаз лились слёзы так, что я не мог их открыть. Только время от времени я открывал глаза и видел, как к магазину сначала подъехали другие ДПСники и стали опять меня бить по моей больной ноге и в пах. Мне оставалось просто ждать, когда им надоест меня бить. А они улыбались и продолжали наносить удары до тех пор, пока к магазину не подъехали обычные менты, которых вызвали сотрудники магазина. Меня передали этим ментам, посадив к ним в машину. ДПСник, который меня задерживал, тоже поехал с нами, чтобы писать рапорт... Но когда меня привезли в отдел милиции, я сначала послушал, как ДПСник постоянно спрашивал, как пишется то или другое слово, потом сам рассказал ментам, как всё было. Для протокола им вполне было достаточно того, что я сначала не видел, что это сотрудник ДПС и, опасаясь за своё здоровье, стал заливать его из баллона, но, увидев его форму, сдался. На детской площадке было темно, а когда он меня задерживал, он не сказал, кто он, не представился и что это именно сотрудник ДПС я узнал случайно, после чего сразу же прекратил

сопротивляться... После дачи объяснительной меня спросили, буду ли я у них в отделении мыть пол. Я, естественно, отказался, после чего меня закрыли на час в «обезьянник». Я сидел, смотрел на исцарапанные, исписанные стены камеры и постоянно думал только о Веганше. Эти мысли помогли мне держать себя в руках и не начинать паниковать. А когда я уже вышел из отделения и встретил подоспевшего правозащитника, я обнаружил, что в кармане нет моего MP3 плеера. Ну, пусть теперь кто-нибудь из мусоров послушает песни про себя, а таких песен на моём плеере было навалом...

Через два года после этих событий, 15 октября 2010 года организаторы кампании против продажи меха предприятием «Escada» объявили, что с 2011 года «Escada» больше не будет продавать никакого вида меха. Кампания, которая продолжалась с октября 2007 г., удачно завершилась. По высказыванию «Escada», решение не продавать изделия из меха было не ограничено сроком...

Глава 25. «Зайцы» против повышения цен!

Мировой экономический кризис ударял по всё большим сферам жизни обычных людей. И то ли из-за кризиса, то ли из-за жадности чиновников, прикрывающихся «кризисом», в очередной раз с нового 2009 года комитет по транспорту собирался повысить цены на проезд. Проезд в метро должен был подорожать до 20 рублей вместо 18, а наземный транспорт — до 18 рублей вместо 16. Таким образом, рост цен на 11-12 % на транспорт и на 25 % на коммунальные услуги резко расходился с обещаниями властей проводить «социально-ориентированную» политику. Особенно странным это выглядело на фоне снижения цен на энергоносители. А в декабре 2008 г. Контрольно-счётная палата Санкт-Петербурга провела проверку в Комитете по транспорту, после чего материалы проверки им пришлось отправить в прокуратуру, потому что было обнаружено множество финансовых нарушений в управлении ведомством. В результате несколько

чиновников были уволены, некоторые были понижены в должности. Всё это вместе всё больше усиливало недовольство обычных людей... Анархисты Питера решили начать кампанию «за доступный транспорт». Символом кампании стал стилизованный пиратский флаг, на котором вместо черепа был силуэт заячьей головы. Такой логотип был выбран в том числе и потому, что словом «заяц» называют тех, кто едет без билета. Открыть кампанию было решено флешмобом за три дня до начала 2009 года, в первый день которого и должны были в очередной раз повыситься цены за проезд...

В два часа дня около сорока человек, в основном — анархисты и лево-ориентированная молодежь, с заячьими масками на лицах ворвались на станцию метро «Спортивная». Не обращая внимания на контролёров, мы перепрыгивали через турникеты и, скандируя протестные лозунги, сбегали по эскалатору вниз. Кто-то даже решил станцевать стоя прямо на эскалаторе. Вестибюль станции заполнился пищанием всех турникетов. Ментов в это время здесь не было, а контролёры просто не решались даже попробовать кого-нибудь остановить. На платформе участники акции стали раздавать пассажирам листовки «За доступный общественный транспорт!» «Общественный транспорт сегодня — средство для выколачивания денег из населения, в этом состоит его основная функция», — говорилось в тексте. Активисты, переходя из вагона в вагон, пели под гитару песню про зайцев из кинофильма «Бриллиантовая рука» и продолжали распространять листовки. Все пассажиры отнеслись к нам очень дружелюбно, особенно дети. Так, взрослые одобряли наши действия после прочтения листовки, а дети просто радовались толпе людей в масках зайцев и песне. И никто даже не обращал внимания на то, что всю песню наизусть большинство не знали и по кругу пели один куплет и припев. Некоторые пассажиры даже подпевали нам. На станции «Площадь Александра Невского» «зайцы» вышли из поезда и поднялись на поверхность. Здесь один из контролёров

попытался задержать одного из участников акции, но успехом у него это не увенчалось, потому что сразу же за «зайца» заступились его «братцы» в таких же масках... Из метро мы собрались на ближайшей

автобусной остановке и воспользовались наземным транспортом. Пересаживаясь с одного троллейбуса на другой, а затем и на автобусы, вся наша толпа доехала почти до метро «Гостиный двор», по пути агитируя петербуржцев. А когда до Гостиного двора оставалась одна остановка, мы вышли на улицу и, скандируя лозунги против подорожания цен, прошлись маршем до метро, спустились в подземку тем же способом, что и на «Спортивной» и разъехались.

Всего эта акция продолжалась больше двух часов, и за всё это время никто из нас не был задержан. А по дружелюбной реакции окружающих можно было сделать вывод, что люди действительно устали от подорожания цен и вранья чиновников.

Меньше чем через месяц в Питере провели ещё одну акцию, которую назвали «Зайцы подкармливают чиновников» или «Волки за жиреющих чиновников». В этот раз акция была не в транспорте, а возле здания ведомства, который им заведует — Комитета по транспорту. В листовке акции выдвигалась сатирическая версия о том, что чиновники на самом деле воруют деньги из бюджета «не со зла», а просто потому, чтобы жить, кормить детей в наше нелёгкое кризисное время. Если люди перестанут платить в транспорте, чиновники умрут с голоду. Их дети останутся сиротами. Они будут попрошайничать на улицах, а «зайцам» будет стыдно. Поэтому питерские «зайцы» решили помочь чиновникам,

«скинувшись деньгами». Может, тогда они перестанут воровать из бюджета?

Мы собрались на Московском проспекте и принесли с собой мелочь для Комитета по транспорту. Подойдя к зданию комитета, мы выстроились в очередь, и каждый кидал горсть мелочи к порогу Комитета, а когда у двери получилась целая гора монет, один из нас позвонил в домофон Комитета по транспорту и сообщил, что мы принесли им денег, чтобы они больше не воровали их из бюджета. Женский голос из домофона ответил, что «сейчас никого нет» и открывать нам дверь отказалась. Мы отправились обратно к метро, по пути клея листовки и нанося на стены баллоном через трафарет символ кампании «Зайцы»...

Глава 26. Знакомство со сквоттерами.

В стране и мире экономический кризис набирал обороты. У меня на работе тоже начались увольнения одно за другим. Я, помня, как тяжело мне было найти работу, сильно боялся её потерять. Но материализация мысли сыграла свою игру, а самые сильные мысли — это мысли, вызванные страхом...

Итак, меня в середине рабочего дня вызвал к себе начальник склада и сказал: «Так получилось, что наша компания не нуждается больше в Ваших услугах. Завтра можете прийти за расчётом». Вот он, капитализм. Сначала нанимают на работу, гребут деньги, а потом, когда рабочий не нужен, выкидывают его за порог...

Я оказался безработным, денег, чтобы снимать жильё, достать было неоткуда. Я рисковал остаться ещё и бездомным. С Веганшей мы уже вообще не общались, меня раздражало одно её присутствие рядом. Я стал переселяться со вписки на вписку, и одновременно искать работу. Сложность была ещё и в том, что мне нужно было куда-то деть все мои вещи, и, желательно, чтобы они были в одном месте и мне не мешали. Мне все говорили, чтобы я связался со сквоттерами, чтобы решить свои проблемы. Я пытался с ними

связаться то через одних, то через других, но результат был нулевым. В конце концов, я пришёл на семинар, посвящённый различным субкультурам и контркультурам. Его организовал Куба с некоторыми товарищами, и проходил этот семинар в рамках недели борьбы против ксенофобии и расизма в марте 2009 года.

Это была антирасистская инициатива, посвящённая Международному дню борьбы за ликвидацию расовой дискриминации, который отмечается 21 марта. Дата была провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН в память о жертвах трагических событий в ЮАР. В 1960 году полиция открыла огонь по мирной демонстрации протеста против законов режима апартеида и убила 69 человек. В этот день Генеральный секретарь ООН делает ежегодное обращение, посвященное борьбе с расизмом, по всему миру проходят конференции, митинги и демонстрации на тему межнациональных отношений.

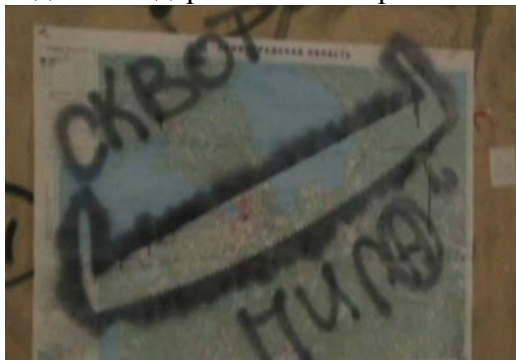
На семинаре представители различных субкультур рассказывали свои основные идеи и историю их развития. Куба, естественно, рассказывал про sXe, которое он просто мечтает развить до гигантских размеров. И в конце встречи сквоттеры решили рассказать про сквоттинг и сквоты. Но, так как их выступление было незапланированным, они пришли на семинар подвыпившими. Про сквоты они рассказывали еле-еле, с запутыванием слов, половина из которых были матерными. Они не стали вдаваться в подробности этого движения. Поэтому рассказали только, что сквоттинг это протест против того, что земля и дома на её поверхности присваиваются некоторыми личностями, в то время как остальная часть общества не превращает землю в личную собственность, но нуждается в ней всего лишь для проживания. Сквоттеры во всём мире захватывают и обустроивают пустующие здания и территории для проживания или организации в них разнообразных социальных и альтернативных проектов.

Я сразу же попросил познакомить меня с этими

сквоттерами, и они согласились вписать меня на сквоту. Когда мы вышли из немецко-русского обмена, то взяли с собой несколько больших пустых бутылей для воды. Вообще сквотерство быстро прививает привычку постоянно искать полезные мелочи, которые можно освободить от владения капиталистическими организациями и присвоить себе. Главное не освобождать больше, чем нужно. Потому что это уже будет не освобождение материальных благ, в которых есть реальная нужда, а банальная кража.

У сквоттеров существует традиция называть сквот предметом, который первый попался на глаза, после того, как они пробрались в здание... Мы подошли к сквоту «Пила», который находился в трёхэтажном заброшенном здании недалеко от метро Лиговский проспект. Перед домом была детская площадка, от которой сквот был отгорожен бетонным забором. Тот, кто шёл впереди, открыл ключом железную дверь, и мы вошли в сквот. Передо мной сначала предстала лестница, вся заваленная мелким строительным мусором. А когда мы поднялись на первый этаж, я увидел огромную комнату, которая образовалась в результате сноса перегородочных стенок. Окна в ней были загорожены от любопытных глаз большими кусками гипсокартона и досками. А прямо посередине была огромная дыра в подвал и гора кирпичей. Из подвала был протянут пожарный шланг — единственный водопровод в этом здании. Мы прошли в соседнюю комнату такого же размера, только более ухоженную — окна в ней были аккуратно закрыты прикрученной к стене фанерой, перегородочные стены тоже были снесены, и только бетонные колонны говорили о том, что эти перегородки здесь когда-то были. От другой большой комнаты эта была отгорожена шторой из утеплителя, чтобы не создавался сквозняк. Слева при входе в этот зал была собрана небольшая комнатка из нескольких слоёв досок и кусков гипсокартона. Все щели комнатки были аккуратно заделаны монтажной пеной и утеплителем. Здесь вообще было много утеплителя, потому что на улице ещё было холодно, а здесь

жили несколько человек без отопления. Деревянная дверь в эту комнатку тоже была оббита утеплителем. В самой каптёрке стоял комод, диванчик и большая двухъярусная деревянная кровать. Все стены были исписаны и обклеены плакатами, наклейками, в основном, анархистской тематики. В центре стоял обогреватель, а в комодe стояла электроплитка и посуда, освобождённая из ближайших кафешек. Электричество сюда провели из соседнего здания. Одним словом минимальное необходимое здесь уже было, хотя сделать ещё предстояло очень многое. Так, через пару дней после того, как я присоединился к сквоттерам, мы устроили генеральную уборку на лестнице и в большой комнате, чтобы в дальнейшем её также приспособить к жилью и впискам. Сначала мы убрали с пола двухсантиметровый слой земли, под которым с удивлением обнаружили качественную кафельную плитку. Потом мы очень долго отмывали всю площадь большой комнаты, с использованием хлорки. Сюда постоянно приносились ковры и мебель, которую люди отдавали даром в Интернет-сообществах, либо которые

наглым образом освобождались из торговых центров города. И уже через несколько дней в этой большой комнате стоял стол, два дивана, стулья и был проведён свет.

Глава 27. Захват завода в Херсоне.

А тем временем кризис продолжался во всём мире. В разных странах левые радикалы устраивали протесты, которые часто сопровождалась погромами. Санкт-Петербург тоже не оставался в стороне, жители этого города считаются

самыми «политически-активными россиянами». Здесь постоянно проводились митинги и другие акции противников капитализма. Народное недовольство росло во всём мире. Одни протесты были небольшими и локальными, а другие провоцировали шумиху во всём мире и многочисленные акции солидарности в разных странах...

Так, в феврале 2009 г. в городе Херсоне на машиностроительном заводе после шести месяцев невыдачи заработной платы рабочим, руководство завода собиралось закрыть предприятие. Рабочие были не согласны с таким решением. Около 300 рабочих сначала устроили митинг у завода, затем прошли маршем по главной улице города в сторону здания Облминистрации, возле которой и передали свои требования властям. Причём основные требования рабочих были очень разумными: выплата задолженности по заработной плате, национализация завода без компенсации собственнику (среди протестующих было много марксистов) и обеспечение государством сбыта продукции завода. А уже на следующий день к ним присоединилось более тысячи человек, и они все вместе ворвались на территорию завода, сломав турникеты, и захватили административное здание. Во время захвата никто из рабочих не пострадал, а охрана завода серьёзного сопротивления не оказала. Рабочих стали поддерживать профсоюзы других предприятий сначала Украины, а затем и России. К рабочим на завод постоянно приходили всё новые и новые люди для оказания им поддержки, количество бастующих становилось всё больше... И только руководство предприятия пыталось выставить рабочих в неприглядном свете: сначала они объявили забастовку «рейдерским захватом», потом охрана завода взломала дверь в бухгалтерию и пыталась повесить это на рабочих, но у них ничего из этого не вышло.

Забастовка продолжалась уже месяц, а зарплату рабочим всё не давали. Бастующие намерены были идти до конца. Во время забастовки один из рабочих скончался от сердечного приступа, провокации охраны продолжались. Когда рабочим

всё-таки выдали зарплату, рабочие напомнили про другое своё требование — национализацию завода. В ответ на это капиталисты-собственники завода наняли националистов и бандитов, чтобы разогнать рабочих с захваченного ими предприятия.

Как мы, находясь в Санкт-Петербурге, могли поддержать протест рабочих Херсона? Мы точно не могли приехать в Украину и разогнать там всю охрану завода, мы вообще не могли приехать в Херсон, чтобы присоединиться там к рабочим. Всё, что мы могли сделать, это максимально распространить информацию о ситуации на заводе. В том числе и с привлечением различных СМИ, внимание которых как раз можно привлечь яркой акцией.

В итоге было решено организовать несанкционированное шествие с баннерами, флагами, фаерами. И везде, где будет сообщаться об акции, будет сообщаться и о причине, о поводе её проведения.

Акцию нужно было проводить рядом с посольством Украины, которое по стечению обстоятельств оказалось в непосредственной близости со Смольным (здание 1806 года, в котором находилась резиденция губернатора Петербурга Валентины Матвиенко). За два дня до акции на сквоте «Пила» было нарезано несколько десятков листовок и сделано два больших баннера из сорванных на улицах города реклам. Просто на улице анархисты регулярно срезали рекламные баннеры подходящего размера и на обратной стороне рисовали свой баннер. Таким образом получается и акция прямого действия против «двигателя торговли» — неотъемлемого атрибута капитализма, и приобретение бесплатного материала для своего баннера. Рекламодатель заявление в милицию обычно не пишет, потому что большинство таких реклам несанкционированны.

Собравшись вечером 27 марта за метро «Чернышевская», мы сначала даже подумали, что акции не будет, потому что многие опаздывали. Но когда все собрались, мы подождали, когда закончится дождик, и отправились через парк к месту

проведения акции. Собралось около 40 человек, не считая нескольких велосипедистов, которые должны были одновременно и фотографировать акцию, и скаутить по всему району.

Подойдя на место, мы достали флаги, фаера и развернули два баннера, которые изготовили на сквоту «Пила». Впереди несли баннер с надписью «Мы солидарны с рабочими Херсона», а сбоку — «Права не дают, права берут». Сразу же были зажжены фаеры и подняты флаги. Мы всей толпой пошли сначала по тротуару, заряжая различные кричалки против капитализма и в поддержку херсонских рабочих. Потом мы стали переходить проезжую часть, естественно, в неполюженном месте. Водители уже хотели начать возмущаться, но мы были абсолютно уверены в том, что главными на улицах являются не автомобили, которые только воздух засоряют, а пешеходы, представители обычного народа. С абсолютной уверенностью в своей правоте мы шли спокойным шагом и продолжали выкрикивать антикапиталистические лозунги. А сами капиталисты сидели в своих машинах и ждали, когда мы позволим им ехать дальше по своим капиталистическим делам.

Акция должна была закончиться на улице Красных текстильщиков, и когда мы вышли на неё, несколько человек отделились от общей группы, но большая часть осталась.

Куба предложил не сворачивать банеры и пойти с ними до самого метро «Площадь Александра Невского». Но чтобы не слишком палиться, было решено пройти через дворы к набережной и уже по ней пойти в сторону метро. Сказано — сделано. Не сворачивая атрибуты, мы пошли во дворы. Здесь мы обратили внимание на ментовскую машину, которая проехала в 200 метрах от нас, и сидящие в ней люди в погонах внимательно смотрели в нашу сторону. Но мы всё равно шли дальше в сторону набережной, не смотря даже на то, что постепенно становилось понятно, что если мы будем идти по ней, путей отхода у нас не будет. Архитектура такого мегаполиса, как Питер, устроена так, что дома стоят вплотную друг к другу и лишь редко встречаются просветы между ними или хотя бы арки, ведущие во дворы. Но с этой набережной большинство таких проходов вели во дворы-тупики. Человеку, не знающему этот район, было практически невозможно быстро найти въезд в проходной двор (если вообще на нашем пути были такие дворы...).

Но мы не стали пугаться такого маршрута и решили действовать дерзко и идти по тротуару набережной дальше в сторону метро. Сначала по дороге нас заметили ДПСники, которые не собирались нас останавливать и вообще что-либо предпринимать, но было видно, что они сообщили что-то кому-то по рации. Мы продолжали заряжать различные лозунги и только ускорили шаг, чтобы побыстрее оказаться у метро, чтобы у ментов было как можно меньше времени на то, чтобы среагировать. Но дойти до метро без происшествий нам уже было не суждено...

Первым к нам подъехал чёрный джип, из которого выскочили несколько человек в штатском. Сразу же после этого спереди и сзади дорогу перекрыли ментовские патрульные машины, а потом и патрульная «Газель». Нескольких человек положили на землю сразу же, остальные стали разбегаться, кого-то всё равно хватали... Я понял, что вперёд и назад бежать нельзя — всё равно догонят, и решил убежать на другую сторону дороги. У меня на пути встал в

«позу вратаря» какой-то здоровяк в штатском и попытался меня схватить за рукав. Мне удалось вырваться из его захвата, и я что есть мочи побежал через дорогу. На бегу я снял шапку и засунул её себе за пазуху. Обернувшись назад, я увидел, что за мной никто не бежит, потому что менты были сильно заняты тем, что избивали активистов. Кого-то избивали, прижав к стене, кого-то пинали ногами, когда тот лежал, кого-то били одновременно с заталкиванием в «Газель». Я этим воспользовался и спустился к воде. Здесь стояли две женщины и выгуливали собаку, они спросили меня: «А что там случилось?» Я запыхавшимся голосом ответил что-то вроде: «Солидарность с рабочими Херсона проявляли...» «Аааа. Ну, давай беги скорей...» — меня уже ни капельки не удивляло сочувствие прохожих к нашим акциям и к беспределу, творимому сотрудниками милиции. Спрятав ветровку вместе с шапкой в сумку, я пошёл спокойным шагом к мосту, чтобы восстановить дыхание и не вызывать ни у кого подозрений. Мимо меня медленно проехала ментовская «Газель», я изо всех сил старался сохранять спокойствие и не обращать на неё внимание. На улице постепенно темнело, я видел, как задерживали всех остальных сквоттеров, и идти мне было некуда. Нужно было связываться с правозащитниками.

Кроме меня спокойно уйти с места акции удалось очень не многим. Большинство из наших были задержаны и избиты, всех их увезли в какое-то отделение милиции. Телефоны у них были отключены и узнать, что у них происходит, не представлялось возможным. Остальные, которым удалось скрыться, разошлись в разные стороны спокойным шагом, потому что было понятно, что бегущий человек вызовет подозрения у ментов. Я и ещё один ПВшник шли через мост и пытались отзвониться разным правозащитникам и сообщить им о задержаниях. В таких случаях самое лучшее — это сообщить им как можно точнее количество задержанных, кого именно задержали, почему и в каком районе. Уже через несколько минут стало известно, что всех везут в 76-е

отделение милиции.

Так как у меня не было ключа от сквота и идти мне было некуда, я стал звонить разным знакомым и спрашивать насчёт вписки. В конце концов, я дозвонился до Веганши, и она согласилась меня вписать на ночь в свою маленькую комнатку.

Веганша жила не то чтобы на окраине Питера, но и не в центре, в комнате коммунальной квартиры. В соседней комнате жили алкаши, и иногда к ним приезжал их родственник ВДВшник, и они вместе устраивали дикий пьяный дебош. Обычно в такие дни Веганша куда-нибудь уезжала, потому что если с соседкой она ещё могла справиться, то ВДВшник ей был «не по зубам». Она даже купила себе кастет в Великом Новгороде, чтобы защищаться от своей невменяемой соседки. Одним словом жизнь в этой комнатке была абсолютно не скучной. Сегодня, к моему счастью, соседей дома вообще не оказалось, и Веганша, возможно, только поэтому разрешила мне у неё вписаться. Комната её была чуть меньше моей, которую я когда-то снимал в Колпино, из мебели у неё были только обшарпанный шкаф, табуретка и ободраный диван. Даже на сквоту диваны выглядели более прилично, чем этот «монстр». Маленькая обуглившаяся электрическая плита явно указывала на то, что Веганшу ни капельки не волнует пожарная безопасность её жилища. По виду голого грязного пола можно было догадаться, что снимать обувь в этой комнате вовсе не обязательно. Но я всё же снял кроссовки и предложил Веганше зайти в Интернет и посмотреть есть ли какая-нибудь новость о только что завершённой акции, а если её не окажется, то нужно было её добавить. Но дома у неё Интернета не было. В Интернет она заходила через WiFi и только когда ходила в ресторанный дворик торгового центра вместе с ноутбуком. Тогда я достал зарядку от телефона и начал его заряжать, чтобы зайти в Интернет через телефон. Одновременно с этим мне приходилось переписываться СМСками с различными правозащитниками и оперативно

передавать между ними свежую информацию о задержанных. Постепенно стали появляться новости о первых отпущенных несовершеннолетних, далее всё больше и больше выяснялись подробности пыток в 76-м отделении милиции, избиений несовершеннолетних. А также о том, что менты, когда узнали об антифашистских убеждениях задержанных, начали не стесняясь вскидывать правые руки в нацистском приветствии. Почти в полночь, перед закрытием метро все решили, что остальных будут отпускать только утром, и группа поддержки разъехалась по домам. Но оказалось, что всех отпустили перед самым закрытием метро и около 15 анархистов остались на улице. Куба позвонил мне.

— Ты где сейчас?

— Я у Веганши вписался.

— А она может нас тоже вписать? Нас не очень много.

— Не очень это сколько? — сразу спросила Веганша, потому что знала, что из Кубы надо силой вытаскивать более точные ответы.

— Ну, человек 15.

После недолгих уговоров она всё же сдалась и согласилась вписать всю эту толпу. Она стала объяснять им как пройти пешком от отделения милиции до её дома. Все они шли часа два и когда дошли и вошли в эту комнату, у Веганши был лёгкий шок от того, сколько человек она только что вписала. Все кое-как расположились по всей площади комнаты и решили начать готовить порциями макароны. Кто-то пытался заснуть, но у него ничего не получалось. Веганша разрешила всем писать на стенах, и на меня тут же нахлынуло вдохновение пописать на её стене двустушия...

Когда мы дождались утра, большая часть отправилась в метро, а я, Веганша, Куба и ещё пара человек пошли в ресторанный дворик ближайшего торгового центра.

Глава 28. Кампания против беспредела ментов 2009.

Уже на следующий день после этой акции на сквоту «Сырки», что был на Васильевском острове и использовался только для собраний и концертов, собралось несколько активистов, чтобы обсудить, что мы будем делать с происшедшим ментовским беспределом на вчерашней акции. Было решено, что в травмпункт снимать побои избитые пойдут все вместе и возьмут с собой знакомых журналистов. Кроме этого, все решили начать серию акций против беспредела, а АЧК («Анархический чёрный крест» — анархическая инициатива помощи анархистам и не только — жертвам репрессий) собирались проводить дополнительные семинары для активистов по защите своих прав. Открыть кампанию было решено серией одиночных пикетов на Невском проспекте. Так как по закону одиночный пикет не нужно санкционировать у администрации, на нём все и остановились. Но одного стоящего человека на Невском было недостаточно, и мы договорились сделать несколько таких пикетов. А раз по закону у одиночного пикета в радиусе 20 метров не должно быть других участников акции, нами была подготовлена верёвка соответствующей длины. Но беспредел на то и беспредел, что заключается в том, что милиция нарушает свои же законы. Поэтому для напоминания того, что подобные акции не являются противозаконными, был распечатан текст закона о митингах и пикетированиях, в котором и было всё это описано. А чтобы не получилось так, как было перед саммитом G8, когда всех сажали, приписывая им нарушение общественного порядка и нецензурную брань, всем приготовили стикеры с надписью «Я не ругаюсь матом». Этими стикерами нужно было клеивать рот, чтобы фотограф успел запечатлеть участника акции с заклеенным ртом на тот случай, если суду понадобятся доказательства того, что мы не ругались, потому что просто не могли это

делать с заклеенным ртом.

Стали думать, что же такое написать на плакатах, чтобы было понятно, что это за акция, но не прямым текстом, а ясными намёками. Таким образом получились плакаты с надписями типа «Дубинка есть — ума не надо?», «Милиционер, ты живёшь на мои налоги!!!», «Уважайте ваш закон», «Милиция с народом?», «Дверь мне запили» и тому подобные. Должно было получиться что-то вроде флеш-моба.

В день самой акции была по-весеннему тёплая погода. В пронзительно синем небе светило солнце, но в тени кое-где ещё оставался лежать чёрный от городской грязи снег. Когда мы пришли на акцию, мы увидели, что здесь вокруг ездит милицейская «Газель» и те, кто в ней был, внимательно на нас смотрели. Было видно, что они чего-то ждут. Хотя Невский проспект — очень людная улица, внимание они обратили именно на нас. Стало понятно, что акцию кто-то сдал ментам. И хотя в наших действиях не было ничего незаконного, мы знали, что нас будут задерживать вне зависимости от того, что мы будем делать, — так уже давно действует наша милиция. Они постоянно показывают свою трусливость и неспособность отвечать на какую-либо критику, а от своей безнаказанности про закон уже и не вспоминают. Искать другое место проведения акции не было ни времени, ни желания. Мы решили выстроиться максимально быстро. Каждый взял себе наклейку для рта и повесил на шею плакат надписью к себе. Мы достали 20-метровую верёвку и стали строиться на расстоянии в длину этой верёвки. Всё делали бегом. Когда один оказывался на своём месте, он разворачивал плакат надписью наружу и наклеивал на рот стикер, а следующий бежал дальше, натягивая верёвку. Когда верёвка заканчивалась, он останавливался, держа свой конец верёвки, а следующий брал другой конец и бежал дальше. Таким образом 48 анархистов быстро выстроились на расстоянии друг от друга в 20 метров.

Прохожие не могли всё это не заметить, многие останавливались и внимательно читали надписи на плакатах,

кто-то фотографировал участников акции на свои телефоны. Ко мне подбежали две симпатичные девушки и попросили разрешения со мной сфотографироваться, я кивнул. Уходя, девушки сказали мне: «Спасибо, за то, что вы делаете». Я опять кивнул и посмотрел в сторону других пикетирующих. Из-за угла выехала та самая «Газель», к этому времени я уже раздал все листовки,

которые у меня были. Я увидел, как «Газель» по очереди подъезжает к каждому участнику акции, а менты выходили из «Газели», хватали пикетирующего и кидали в машину. Свою работу начали приглашённые на акцию правозащитники. Они пытались вырвать участников акции из рук ментов, размахивали распечатанными законами о проведении пикетов и митингов. Но сотрудники милиции не обращали на них внимание. «Газель» медленно приближалась ко мне. «Куда делись все фотографы и операторы, которые должны были снимать акцию?» — я искал хоть кого-то из своих с камерой, но никого не было. Я снял плакат и наклейку и пошёл в сторону «Газели», чтобы самому снять всё на свой телефон. «Газель» подъехала к девушке с плакатом и её стали запихивать в машину, она с криками сопротивлялась незаконным действиям ментов, а правозащитник пыталась вырвать у них девушку. Но в итоге и девушку, и правозащитника затолкали в машину. Кто-то из проходящей мимо толпы крикнул: «Что вы делаете? Не трогайте их!» Двери «Газели» закрылись, и она уехала. Мы стали выяснять, в какое отделение всех отвезли. Оказалось, что фотографа

тоже увезли менты, кроме того, один из участников акции подвергся нападению и был также задержан вместе с тем, кто на него напал. Во время проведения акции один из нас стоял с плакатом с надписью «Я против милицейского беспредела», к нему подошёл нетрезвый крепкий мужчина лет 30 в куртке «Thor Steiner» (популярной среди неонацистов) и, схватив его за воротник, стал бить кулаком в лицо, разбил при этом ему очки. Этому человеку просто не понравилось то, что участник акции был очень похож на антифашиста. Получается, что на акцию против ментовского беспредела пришёл пьяный нацист и напал на участника акции, и что самое примечательное, никого это уже не удивило. За нашего активиста заступился проходящий мимо мужчина, который и отбил у нациста желание оказывать сопротивление. Позже задержанному нападавшему менты вызвали скорую, чтобы снять побои, которые он получил после того, как против него применили парочку приёмов самообороны. Семерых же участников акции продержали в милиции 48 часов. Большинству из нас удалось избежать задержания разными способами. Так, Веганша просто говорила ментам о законе, который разрешал

проводить одиночные пикеты без санкционирования с властями. Она 15 минут сидела с плакатом «Уважайте ваш закон!» на холодном асфальте, пока менты не решались затолкать её в машину и выясняли по телефону содержание этого закона. Такую тактику называют пассивным сопротивлением, когда протестующие не оказывают силового сопротивления, но и не

двигаются с места, таким образом значительно затрудняя работу ментов. Это особенно полезно, когда требования сотрудников милиции не являются законными, а значит, им можно не подчиняться. Потом Веганшу подняли (наверно, чтобы она привлекала меньше внимания) и прижали к стене автобусной остановки, и после того, как переписали ее паспортные данные и номер мобильного, она была отпущена. Девушка оказалась сильнее 3-х здоровых милиционеров.

Глава 29. «Пиратское стрит-пати» на анархо-Первомае 2009.

Весной 2009 года правительства нескольких стран объявили новую войну «пиратам». Королевский Флот Великобритании — при поддержке кораблей свыше двух дюжин стран, от США до Китая — вышел в воды Сомали, чтобы взяться за людей, которых мы всё ещё представляем в виде злодеев с попугаем на плече. Они намеревались бороться с сомалийскими судами и даже преследовать пиратов на суше, в одной из наиболее разорённых стран на земле. Но за всей весёлой странностью этой истории стоял нерасказанный постыдный факт. У людей, которых наши правительства называют «одной из величайших угроз нашего времени», есть выдающаяся история — и справедливость, в какой-то степени, всё же была на их стороне.

В 1991-м правительство Сомали развалилось. Его 9-миллионный народ с тех пор балансирует на грани голода, и многие из безобразнейших сил в Западном мире увидели в этом величайшую благоприятную возможность для того, чтобы воровать запасы продовольствия страны и сбрасывать ядерные отходы в её воды.

Из-за сброса отходов прибрежное население стало заболеть. Сперва они страдали от странной сыпи, тошноты и появления младенцев с уродствами. Затем, после цунами 2005 года, сотни сброшенных и давших течь бочек были

выброшены на берег. Люди стали страдать от лучевой болезни, и свыше 300 умерло.

При этом Европейские правительства не предприняли ничего для очистки воды или выплаты хоть каких-то компенсаций населению. Вместо этого они просто продолжали сбрасывать отходы и добывать в водах Сомали его ценнейший ресурс: морепродукты. Они уничтожили свои собственные запасы рыбы чрезмерной добычей и теперь перешли к сомалийским.

Это и есть среда, в которой появились люди, которых назвали «пиратами». Все соглашались с тем, что они были обычными сомалийскими рыбаками, которые сперва использовали быстроходные катера, чтобы попытаться разубедить владельцев свальщиков и морских траулеров или, по крайней мере, получать с них «налог». Они называют себя Добровольная Береговая Охрана Сомали — и не трудно увидеть, почему. В сюрреалистичном телефонном интервью один из лидеров пиратов, Сугуле Али сказал, что их мотивом было «прекратить нелегальную ловлю рыбы и сброс отходов в наши воды... Мы не считаем себя морскими бандитами. Мы считаем морскими бандитами тех, кто незаконно ловит рыбу и сбрасывает отходы в наше море, и перевозит оружие в нашем море».

Конечно, были среди этих «пиратов» и те, кто брал заложников и останавливал с целью грабежа поставки Мировой Продовольственной Программы, но «пираты» имели поддержку среди местного населения вполне обоснованно.

Одновременно с этим те же правительства вели борьбу и против других «пиратов». Закрывались серверы торрентов, благодаря которым все желающие могли свободно скачивать любые информационные материалы, среди которых нередко имелись и те, которые нарушали чьи-то «авторские права». Но здесь тоже существует необоснованное обвинение всех скачивающих пользователей в «пиратстве».

«Пиратами» в области «авторских прав» правильнее было бы называть тех, кто скачивает информацию с целью

получения прибыли, но по законам почти всех капиталистических стран «пиратами» являются даже те, кто скачивает фильмы, музыку или программы для личного использования. Такое навешивание ярлыков выгодно капиталистам, стремящимся к тому, чтобы никто не мог получить продукт чьего-то умственного труда бесплатно. «За всё нужно платить», — так учит нас система. А если вы посмели приобрести хороший фильм бесплатно, потому что у вас просто не хватает денег сходить в кинотеатр, вас назовут «вором», «преступником».

Россия в 2009 году постепенно уже готовилась к вступлению в ВТО, а одним из требований к России было «обеспечение защиты авторских прав». Естественно, российские власти сразу же пошли на поводу у правительств других стран и начались показательные судебные процессы над пользователями, использующими «пиратское программное обеспечение». И всё это только для того, чтобы обеспечить прибыль капиталу, закрыв свободный доступ к нужной для людей информации.

В знак протеста против всей этой мировой «анти-пиратской» вакханалии петербургские анархисты решили организовать 1 мая 2009 года санкционированное шествие по Невскому проспекту «пиратской колонной». Основным лозунгом стал «Свобода. Равенство. Пиратство.»

Планировалось арендовать автомобиль, украшенный в стиле пиратского корабля, на котором будет трибуна с аппаратурой для выступления Ди-Джея. Акцию назвали «Пиратское street party»...

Утром 1 мая я и ещё несколько анархистов проснулись в сквоту «Пила» и стали медленно готовиться к выходу на акцию. Один панк пошёл на второй этаж, где находился туалет и, когда вернулся, сообщил нам, что прямо напротив сквота на детской площадке стоят менты. Все сначала не поверили и решили проверить. Я и ещё один человек поднялись на второй этаж и осторожно посмотрели в щёлку забитого досками окна.

Я увидел нечто, чего никак не ожидал, — на детской площадке прямо напротив сквота были построены менты в количестве примерно 50-70 человек. Сначала я подумал, что наш Первомай начнётся с того, что нас будут штурмовать, но когда стал размышлять о цели нахождения ментов на площадке, я отказался от версии возможного штурма. Все менты не просто находились там, а стояли в три или четыре шеренги и к сквоту они были спиной. Я пригляделся получше и увидел, что перед шеренгой ходил какой-то полковник и, видимо, что-то объяснял своим подчинённым. Потом вся шеренга повернулась и опять же строем ушла в сторону улицы Марата, а на её место выстроилась другая колонна курсантов милиции. Я вздохнул с облегчением — это был обычный инструктаж личного состава перед массовым мероприятием. «Ну, раз уж они проводят свой инструктаж, стоя спиной к дому, в котором сидит наготове группа анархистов, значит они точно даже не подозревают, что происходит в этом доме...»

Я спустился ко всем на первый этаж и рассказал об увиденном. Дождавшись, когда перед сквотом «закончатся» все менты, мы вышли и отправились в сторону БКЗ

«Октябрьский» — традиционному месту сбора колонны анархистов перед первомайским шествием.

Глава 30. Массовые задержания на санкционированной акции.

Когда мы пришли, у БКЗ уже было несколько человек с красно-чёрными флагами и разными баннерами против копирайта. Какой-то мент — старший офицер — указал нам место, в котором мы должны

были строиться. Постепенно к колонне подходили всё больше участников нашего шествия. Когда мы начали строиться, к одному из ответственных за проведение мероприятия, у которого было разрешение и все необходимые документы, подбежал какой-то другой офицер и сказал, ему, что мы должны строиться в другом месте. В итоге разные менты никак не могли найти общий язык по поводу места нашего построения. Когда мы в очередной раз стали переходить с одного места в другое, из соседней улицы выехала машина, украшенная в стиле пиратского корабля, использование которой тоже было согласовано с властями Питера. Но ответственного, находящегося в машине, сразу схватили ОМОНовцы и уволокли в свою машину. И сразу после этого из соседней улицы выбежали ОМОНовцы и стали нас отпихивать из колонны на тротуар. Всё это сопровождалось избиениями дубинками, оскорблениями и всеми подобными любимыми методами российского ОМОНа. Когда ответственный стал показывать ментам разрешения на эту

демонстрацию, его тоже начали избивать и задержали. Одного велосипедиста, который стал кричать, что это беспредел, тоже избили и вместе с велосипедом затащили в машину. Всех остальных участников акции отгородили строем ментов в полном обмундировании и подвели к автобусам. Постепенно анархистами полностью забили три автобуса. Вокруг нас всё время крутились журналисты и постоянно фотографировали... Нас, ментов, копии разрешений, нацистов, которые радостно наблюдали, как задерживают их идейных врагов.

Когда автобусы были заполнены, нас повезли в неизвестном направлении. Когда мы спрашивали у присутствующих в автобусах ментов, куда нас везут, те молчали. Через какое-то время мы узнали, что всем анархистам из другого автобуса удалось сбежать. Когда их автобус остановился в пробке, они вручную открыли двери и выбежали, а когда какой-то ДПСник попытался их догнать, они просто остановились и посмотрели на него, от чего у ДПСника пропало желание что-то делать против хоть и небольшой, но толпы анархистов. В итоге все сбежавшие благополучно скрылись в районе Кантемировского моста.

А нас довели до какого-то отделения на Обводном канале, но выводить нас из автобуса не спешили... Один человек решил попробовать сбежать. Он выпрыгнул из автобуса и побежал вдоль набережной, но несколько ментов его догнали, избили и вернули обратно в автобус. Все стали спрашивать, зачем мы здесь стоим и почему нам до сих пор не предъявляют причину задержания, как этого требуют их же законы. Нам вообще ничего не отвечали. В конце концов, после получаса сидения в автобусе всем сказали выходить по три человека, на что мы им ответили, что либо мы будем сидеть в автобусе, либо выйдем все вместе. Тогда менты силой стали вытаскивать по три человека и затаскивать в отделение. После нескольких таких подходов менты и сами решили, что лучше завести всех одновременно, и вся толпа зашла в отделение милиции. Там у всех переписывали данные паспортов, предъявляли «переход дороги в неполюженном

месте», все отказывались от таких обвинений. Постепенно всех стали отправлять в другие кабинеты, в которых всем говорили, что будут брать отпечатки пальцев, а когда все стали отказываться проходить и эту процедуру, их просто отправляли обратно в корридор и не отдавали документы. Паспорта всем отдали только после того, как через все кабинеты прошли все до одного, и менты просто устали не меньше нашего. Пока мы находились в этом отделении, мы постоянно по телефону узнавали новости из других отделений, в которых находились наши товарищи, и становилось понятно, что больше всего повезло именно нам. Потому что в других отделениях отпечатки пальцев брали насильно, всех фотографировали какие-то люди в штатском, одновременно позволяя себе нацистские высказывания. В одном отделении задержанных избивали. И во всех отделениях всем предъявляли одно и то же — переход улицы в неполюженном месте, потому что несанкционированное шествие или что-то в этом духе они предъявлять не могли, так как разрешение было. А позже в Интернете появились оправдания милицейских начальников, в которых они то заявляли, что якобы разрешения не было, то рассказывали, что всех задерживали, чтобы предотвратить провокации против нацистов со стороны анархистов и антифа. И это при том, что перед акцией было задержано несколько нацистов с ножами и травматическими пистолетами, но, не смотря на это, менты решили, что провокация готовилась именно со стороны антифа, а не со стороны вооружённых травматами нацистов. Да и почему тогда всем предъявляли «переход в неполюженном месте», если они «просто предотвращали провокацию», ответа у ментов не нашлось. При этом несовершеннолетних, задержанных на акции, которые были из других городов, посадили на 30 суток в приёмник-распределитель для несовершеннолетних. Правозащитников к ним не пускали, вырывали из рук бумажку, на которой они пытались написать номер телефона родителей... 30 суток за «переход в неполюженном месте». Хотя какие могут быть

«неположенные места» там, где движение автомобилистов вообще перекрыто в связи с проведением публичного мероприятия?

Всё это в очередной (и как практика покажет, не в последний) раз показало, что далеко не всегда безопаснее для участников являются санкционированные акции. Так, например, по сообщениям из других городов, в частности из Екатеринбурга, мы узнали, что там анархисты устроили несанкционированное шествие по улицам города и постоянно меняли свой маршрут, сворачивая с одной улицы на другую, благодаря чему менты просто не успевали перекрывать нужные улицы и ловить анархистов.

В конце мая несколько художников в саду-партере напротив Смольного начали бессрочную пленер-голодовку. Художники стояли с мольбертами и писали картины о ментовском беспределе. Поводов у них для этого было несколько. Во-первых, беспредел сотрудников милиции и Центра по противодействию экстремизму во время незаконного задержания анархистов на первомайском «пиратском стрит-пати». Во-вторых, арест в Новосибирске художника Артёма Лоскутова, основателя «Монстраций». «Монстрация» представляет собой шествие людей с абсурдными двусмысленными плакатами и транспарантами. Видимо, Центру по противодействию экстремизму чем-то помешала эта акция, и 15 мая 2009 г. Артём был задержан четырьмя сотрудниками Центра по противодействию экстремизму, который фактически является политической полицией. Во время обыска у художника нашли пакет с марихуаной, при этом на пакете отпечатков пальцев Артёма не было, на смывах с его рук не было следов наркотиков, а в крови следов данных веществ также не обнаружено. Кроме того, в прошении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу было указано подозрение в распространении наркотиков на территории некоего несуществующего в действительности учебного заведения.

Художники Санкт-Петербурга, вышедшие на пленер-

голодовку, выдвигали три вполне реальных требования: от властей Санкт-Петербурга — возбудить уголовное дело по статье «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них, совершённое должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия», по факту незаконного задержания «Пиратского стрит-пати» от федеральных властей — создать общественную комиссию по контролю за деятельностью Центра по противодействию экстремизму, а также прекратить уголовное преследование художника Артёма Лоскутова.

В разных городах России также проходили различные акции солидарности с Артёмом Лоскутовым, среди которых были и граффити, и пикеты, и флеш-мобы. В Питере менты ежедневно переписывали данные голодающих художников, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями.

Через две недели голодовки художники объявили о её окончании в связи с тем, что все их требования были выполнены.

Глава 31. После Первомая.

После сорванного милицией Первомая все мы пошли на концерт на сквоту «Сырки», который находился в заброшенном промышленном здании на Васильевском острове. Этот сквот никогда не был жилым и использовался только для различных концертов и собраний. На нём же и велись подготовки к различным акциям, в том числе Первомайскому шествию и серии одиночных пикетов против беспредела ментов. А после концерта многие стали искать вписку. Жители сквота «Пила» согласились вписать нескольких москвичей (девушка с большими цветными дредами и несколько парней), которым нужно было на следующее утро уезжать домой с Московского вокзала. Приехав на сквот, одна половина стала бухать, другая легла

спать. Я залез на верхний ярус кровати, потому что там мне всегда было удобнее выспаться. Всем, кто заходил в комнату, я говорил, что здесь все места заняты и спальных мест нет. Надоело мне уже спать в тесноте среди пьяных крастеров. Пока я лежал, я слышал, как в большой комнате ругаются пьющие. Вдруг в нашу комнату зашла москвичка с дредами и спросила, есть ли свободные места.

— Есть свободное место, одно, рядом со мной. — А что? Для симпатичной девушки рядом со мной всегда найдётся свободное место.

Она легла рядом и в комнате выключили свет. Она лежала на спине, и я услышал, что она плачет. «Рядом со мной лежит симпатичная девушка и плачет — как-то это не правильно», — я стал вытирать рукой её слёзы, потом стал её успокаивать, глядя по вискам. Когда она стала расслабляться, мы стали целоваться... Всю ночь мы не давали спать другому панку на соседней полке из-за того, что кровать постоянно тряслась...

Мы услышали заведённый будильник — утро наступило совершенно незаметно и быстро.

— Вам пора собираться, — сказал я ей.

Она меня поцеловала и сказала: «Приезжай как-нибудь в Москву». Я дал ей свой мобильник и попросил набрать её номер телефона. Оставив мне свой московский номер, она собралась вместе с другими москвичами, и я закрыл за ними дверь.

А через полтора месяца, когда сквота «Пила» уже не было, я и ещё несколько человек поехали в Москву. Я позвонил своей знакомой девушке с дредами, но она уже успела придумать несколько предлогов в пользу того, что нам вообще видаться не стоит. Хотя вполне хватило бы всего одной причины — появление у неё «второй половинки», с которой она и проводила своё время...

Глава 32. Конец сквота «Пи́ла».

В конце мая сквот «Пи́ла» развился до такой степени, что уже мог по комфортности конкурировать с обычными квартирами. Большая комната была утеплена, было много новой посуды, электричество работало без сбоев, было несколько диванов, которые появились благодаря сообществу «Отдам даром» (сообщество людей, которым жалко что-то выкидывать, и они отдают это даром нуждающимся в этих вещах и предметах), микроволновая печь, ноутбук, цветной телевизор, игровая приставка. Здесь жили и комфортно себя чувствовали рыжий кот Пирожок и белая крыса Хычин.

Однажды утром один из жителей сквота зашёл в комнату ко всем и сказал, что у двери на улице стоят два каких-то мужика. Мы сначала подумали, что это очередные гопники или просто любители полазить по заброшенным зданиям. Но когда все посмотрели, что это за мужики, все отказались от первоначальной версии. Возле двери стояли два человека в пиджаках и папкой с какими-то документами. Они ковырялись ключом в замочной скважине. Понятное дело, что просто так люди в пиджаках, с документами не появились бы у этого здания и не стали бы ковыряться в замочной скважине своими ключами. Стало понятно, что, скорее всего, это пришли хозяева здания. Мы спешно собрали самые дорогие и нужные вещи и вышли во двор за сквотом через чёрный ход. Этот запасной выход был сделан в окне второго этажа, из которого спускали пожарный шланг, по которому и уходили. Оставив вещи на детской площадке, мы обошли дом и стали наблюдать за ним снаружи. Те двое уже умудрились взломать замок и зайти внутрь, а через несколько минут к дому подъехала машина ментов. Мы решили, что это конец сквота «Пи́ла», и стали звонить знакомым и сообщать об этом. Все спасённые вещи было решено перевезти домой к одному товарищу. Вечером один из нас вернулся на сквот и увидел там оставленную записку, в которой нам сообщали, что здание будет сноситься, и нам даётся два дня, чтобы собрать

все вещи и убраться оттуда.

В ответ мы решили собрать всех равнодушных и попробовать отстоять наш дом. Мы обзвонили всех, кого только смогли, и собралось около 50 человек. Мы стали заваливать входную дверь мешками с камнями и досками, весь подвал был затоплен, а окна дополнительно укрепились досками. Внутри стали рисовать банеры с надписями «Зачем платить, чтобы жить?», «Не мешайте нам жить», «Пиши систему». Планировалось дождаться прихода хозяев здания и прямо перед ними вывесить все банеры с балконов здания.

Выходить мы собирались через крышу. Сначала все, дождавшись утра, поднялись на чердак, и последний закрыл вход на чердак деревянной крышкой полностью оббитой гвоздями так, чтобы острые части гвоздей были направлены в сторону лестницы на чердак. А сверху на крышку поставили старую газовую плиту, на которой лежал огромный камень. По очереди все вышли на крышу и по крышам соседних домов перешли в чердак другого здания и спустились вниз. А те, кто остались внутри сквота, начали вывешивать банеры и чёрные флаги на фасаде здания.

Хозяева здания и рабочие очень долго не могли проникнуть внутрь, в конце концов, сначала один из рабочих прополз внутрь через затопленный водой подвал и стал кричать рабочим из окна, что спиливать дверь опасно, так как она с внутренней стороны очень сильно завалена мешками, булыжниками и досками. Но в течение часа рабочие всё-таки спилили дверь и постепенно разгребли эту баррикаду.

Ещё спустя пару часов я и ещё один сквоттер решились пойти обратно в здание и поговорить с рабочими. Когда мы подошли к зданию, рабочие уже разбирали оконные

рамы на разных этажах. Их бригадир разрешил нам собрать все оставшиеся вещи, которые мы сможем унести, и несколько человек — постоянных жителей «Пилы» — пошли собирать вещи в большие мешки. Всем уже стало ясно, что сквота в этом здании уже не будет — его уже разбирают.

Во время сбора вещей мы решили выпить алкоголь и предложить его рабочим, но они отказывались, потому что бригадир был рядом. А когда мы собрали всё, что можно было унести, мы стали в угаре ломать всё, что мы унести не могли... Все эти наши бесчинства и дебош происходил одновременно с тем, что рядом с нами ходили рабочие и разбирали здание, которое было нашим домом. Они отрывали доски с окон, разбирали оконные рамы, а мы рядом с ними ломали диваны, разбивали телевизор и другую технику.

Глава 33. Сквот «Black Hole» («Чёрная дыра»).

Все оставшиеся на «Пиле» вещи мы в больших мешках перенесли в засквотированную квартиру заброшенного дома на Мясной улице. В доме был полнейший беспорядок, на лестницах был толстый слой мусора, крыша дома частично проломлена, на чердаке уже успели вырасти трава и пара деревьев. И только сама квартира была более-менее убрана, здесь кое-как было проведено электричество, но работало оно не очень хорошо. Окна забиты фанерой, а спальные места были оборудованы из деревянных дверей. Было видно, что сквоттеры здесь появились недавно, но шанс развить этот сквот был. Хотя работы было много.

В соседней части здания жили бомжи-алкоголики, из-за которых здание неоднократно горело и все стены были чёрными от копоти. Воды здесь не было и, чтобы набрать воды, приходилось брать большие бутылки и идти через дорогу к какому-то крану, торчащему из подвала. Через какое-то время этот кран убрали сантехники, и за водой ходили в

зброшенную квартиру другого дома. Там сохранился водопровод, но сквотировать её было невозможно, в том числе потому, что сюда же за водой ходили местные гастарбайтеры, и мы делили с ними этот водопровод.

А вот с электричеством проблем было ещё больше. Несколько раз мы протягивали провод к соседним зданиям по разным путям, но через какое-то время всегда наш кабель отрезали.

Но сквоттеры всё равно не теряли надежды довести «Чёрную дыру» до ума. Попытки провести электричество не прекращались.

Однажды, когда я остался на сквоту один, я заметил, что этажом ниже кто-то заселился в комнату, но судя по тому, что этот кто-то убрался в своей комнате и более менее создал там хоть какой-то уют, это, скорее всего, был не бомж и не просто алкоголик. Я дождался, когда он вернётся вечером, и, оказалось, что это на самом деле абсолютно адекватный мужик, приехавший из Беларуси. У него не было денег, и негде было жить. С ним познакомились и другие сквоттеры, и через какое-то время он стал жить вместе с ними в одной засквотированной квартире. А однажды я даже встретил его на митинге против строительства «Газпром-сити»...

Глава 34. Протесты против пыток в ОВД «Сокольники».

Это была не последняя акция против ментовского беспредела. 17 июля 2009 года в рамках дней солидарности с Всеволодом Остаповым прошла несанкционированная акция анархистов против беспредела ментов. История беспредела, с которым столкнулись московские неформалы, началась ещё в апреле 2008 года. Тогда возле метро «Сокольники» мусорами была задержана и избита группа молодёжи. Сначала они хотели задержать одного молодого человека, но за него вступились его юридически подкованные друзья. Тогда двое

мусоров вызвали подкрепление, после приезда которого молодых людей стали избивать дубинками, бить электрошокерами, душить локтями. Дальше избияния продолжились уже в отделении милиции. Избитые милиционерами молодые люди рассказывали, что их били дубинками, пытали электрошокером, прыгали на них ногами и угрожали, что обольют мочой. Они были так сильно избиты, что их было не узнать. После этого милиция захотела представить эту ситуацию в своём варианте, что якобы они выехали разнимать драку неформалов, в которой они и получили свои травмы. Почему эти неформалы так быстро объединились и сцепились локтями, позабыв о причинах мифической разборки между собой, осталось под вопросом.

Этот инцидент сразу же объединил очень многих неформалов, в том числе благодаря тому, что 99 % неформалов хотя бы раз в жизни являлись жертвами милицейского произвола. Сначала пострадавшие собрали

пресс-конференцию, потом организовали санкционированный митинг против милицейской жестокости на Славянской площади в Москве. Интересно, что ментам не понравилась надпись на баннере «Нет ментовскому беспределу». Мол, почему написано «ментовскому», а не «милицейскому»? Хотя всем известно, что ментов называют ментами или мусорами именно за их беспредел, а если кто и верит в существование порядочных милиционеров, тогда всё равно не станет оборотней в погонах называть словом «милиционер». Здесь уже как в песне, что есть порядочные милиционеры, а есть менты или мусора, которых назвать порядочными милиционерами просто язык не поворачивается. ОМОН, присутствовавший на акции, попытался забрать этот баннер.

В ответ митингующие сцепились локтями и обернулись этим баннером и стали кричать старый, времён перестройки, но всегда актуальный лозунг «Соблюдайте ваш закон». В результате нескольких участников акции задержали. Потом было ещё много акций против беспредела в ОВД «Сокольники». Что же сделали со своей стороны менты или, извините, «милиционеры»? Они завели уголовное дело на одного из тех, кого избивали. Естественно, посадить в тюрьму обычного студента-математика намного легче и выгодней, чем сажать или лишать должностей «своих».

18 июля 2009 года был объявлен днём солидарности с обвиняемым по этому делу — Всеволодом Остаповым. Во многих городах России и зарубежья проходили акции за справедливость в расследовании этого инцидента. В Москве прошла санкционированная акция с требованием закрыть ОВД «Сокольники». В Санкт-Петербурге было решено провести несанкционированную акцию. За день до акции я пришёл на концерт, чтобы позвать там людей на нашу акцию, но быстро понял, что это было моей ошибкой, потому что, когда я туда пришёл, большинство посетителей концерта были уже пьяными, и мне пришлось искать среди всех посетителей более менее трезвых и звать их на акцию. Основной целью акций являлось максимальное распространение информации об этом деле и привлечение как можно большего количества журналистов. А некоторые журналисты, как известно, очень любят освещать различные акции протеста. Мы заранее подготовили на сквоту «Black Hole» баннеры и листовки для акции с надписями «Ментов удел — подделка дел» и «Больше ментов — меньше порядка». Чтобы максимально обезопасить акцию, было решено собраться сначала на станции метро «Спортивная», а затем пешком пойти к станции «Василеостровская». Своё несанкционированное шествие мы решили начать от метро и пойти по 6-7 линии Васильевского острова. Было приглашено несколько журналистов. Когда мы пришли к Василеостровской, то быстро развернули транспаранты,

подняли чёрные флаги и начали движение. По пути мы кричали различные лозунги против беспредела ментов и раздавали листовки. Все прохожие, которые в это время прогуливались по этой пешеходной зоне, аплодировали нам и показывали вверх большой палец. Впереди

нас показался один жирный милиционер, который при виде нашей колонны стал говорить что-то по рации. Когда мы приблизились к концу своего маршрута на Большом проспекте, этот мент пошёл в нашу сторону, и тогда мы разошлись в разные стороны. В этот момент мент решил догнать одного из нас. Почему он, будучи нереально жирным, решил догнать высокого анархиста с длинными ногами, не понятно, но ничего из его затеи у него, естественно, не вышло. Подобные телосложения большого числа сотрудников МВД не позволяют им бегать быстро и долго, а для того, чтобы избивать безоружных, такая фигура не мешает. Вот, видимо, поэтому они и не собираются избавляться от лишнего жира.

Акция прошла успешно, никто задержан не был. В этот же день об акции написали несколько изданий. Значит, цель была достигнута.

При этом суд над Всеволодом Остаповым длился ещё несколько лет. Потерпевшие менты, которых, по версии следствия, избил Остапов, постоянно путались в показаниях. Благодаря этим противоречиям появилось около 10 версий того, почему молодёжь задерживали у метро, а количество задержанных вообще варьировалось от шести до ста человек. Расследование против садистов в погонах несколько раз закрывали, но после жалоб возобновлялось. Следователь в

своём постановлении о нецелесообразности дальнейшего расследования дела против ментов-садивов среди прочего писал, что пострадавшие являются антифашистами и коммунистами, а потому могут являться экстремистами. Позже этого следователя привлекли к дисциплинарной ответственности. 17 февраля 2010 года Севу Отапова приговорили к одному году условно. В этот же вечер в Москве на Лубянке прошла несанкционированная акция протеста с требованием закрыть ОВД «Сокольники», на которой менты задержали корреспондента издания «Грани.Ру». Толпа анархистов, перекрыв проезжую часть, прошли с транспарантами «Нет беспределу» и «Требуем закрыть ОВД Сокольники».

Глава 35. Акционирование в другом городе.

Все несанкционированные акции сопровождаются страхом быть связанным, да и санкционирование акций не даёт гарантий, что никого не будут задерживать по выдуманым причинам. Многие вполне обоснованно отказываются участвовать в акции в своём районе, чтобы их случайно не узнали соседи и не сдали. Всё это, как мне стало казаться, тормозит развитие движения. У меня возникает идея ездить в другие города, чтобы акционировать там. Тогда, во-первых, можно делать то, что местные активисты сделать не могут, во-вторых, участников акции будет в случае чего трудно найти, потому что они будут в другом городе. Это особенно развязывало руки в акциях прямого действия. Я стал думать, в какой город лучше всего можно будет поехать. На тот момент у меня было три варианта — Москва, Петрозаводск и Великий Новгород, так как я общался с активистами только этих городов. Но на темы различных акций я общался с другими городами мало.

Так как в разных городах актуальны разные акции, мне надо было встретиться с кем-нибудь, кто смог бы мне рассказать об основных проблемах их города и движения в

частности. Тогда я мог бы помочь активистам этих городов в решении их проблем. Я стал искать везде возможности познакомиться с такими людьми. Долго искать не пришлось...

В июле 2009 года «СоюзПушнина» устраивала очередной аукцион меховых изделий в СКК. Почему они торговали мехом в середине лета, я никогда не понимал. Меня позвали на акцию против этого аукциона в парке Победы. Это была серия одиночных пикетов, на которую уже собрались несколько человек с плакатами и листовками. Все рассредоточились возле входа в СКК и на разных подходах к нему. Мы раздавали всем листовки, но всё равно в СКК постепенно приходили люди и выходили с пакетами, из которых торчала шерсть убитых за их деньги животных. К нам подъехала машина охранный агентства, из которой вышел здоровый мужик и попросил нас уйти. Мы уходить не собирались, потому что у охраны вообще не было оснований нас прогонять, так как мы не нарушали общественный порядок.

На этой акции я познакомился с двумя девушками, которые оказались из Петрозаводска. Я рассказал им о своей идее акционировать в другом городе, и моя идея их заинтересовала. Они пообещали помочь с её воплощением, когда я и ещё кто-нибудь поедет в их город.

Поняв, что от наших одиночных пикетов никакой пользы нет, мы пошли в метро. В вагоне метро мы решили реализовать мини-акцию, которую я прочитал ещё в 2006 году в ПВшном зине «Зелёный шнур-2». Мы подошли к закрытой пластиком настенной рекламе рядом с дверями. Ножом я слегка отогнул пластик, а петрозаводские девушки закинули под него листовку, которую раздавали на недавнем марше на Васильевском острове. Так как наша цель была максимальное распространение информации с этой листовки, такой способ её распространения был весьма кстати — прочитают её здесь многие, когда будут ехать в метро, а достать её из-под пластика будет крайне сложно. Как только мы закинули первую листовку, её сразу же начали читать пассажиры. Такой

моментальный результат нас вдохновил, и мы стали отгибать пластик и закидывать под него листовки рядом с другими дверями. На станции мы перешли в другой вагон и продолжили акцию.

В этот день у меня и решился вопрос, в какой город мне ехать. Эти две девушки из Петрозаводска мне уже рассказали об основных проблемах и об особенностях акционирования в их городе.

Так как раньше я не участвовал в петрозаводских акциях, а только ездил туда отдыхать, я не знал, какие акции там наиболее актуальны. Я решил для начала «прощупать почву» для активности в этом городе. Сумев собрать в поездку одного Кубу, и совместно с ним подготовив несколько баллонов и трафаретов, я заранее договорился с моими новыми знакомыми насчёт вписки в Петрозаводске. Мы поехали на электричках. Нас рано утром встретили девушки, с которыми я познакомился на акции в парке Победы.

Весь день мы ходили по городу, но не с целью осмотра достопримечательностей, а чтобы заранее определить места, где мы будем рисовать какие трафареты. А заодно послушать рассказы про специфику петрозаводского акционирования.

После полуночи, когда все обыватели отдыхали у телевизоров, мы пошли рисовать в разных районах города трафареты на антифа-темы и на тему защиты животных. Этими трафаретами мы просто обозначали своё присутствие в городе и свою активную позицию. Кроме того, трафареты являются одной из старейших форм агитации городских жителей. Такую агитацию использовали и в фашистской Германии, и в Испании времён гражданской войны.

На следующий день мы встретились с другими активистами и договорились, что к следующему нашему приезду мы совместно сделаем несколько акций, в основном зоозащитных. А вечером и ночью мы опять гуляли с баллонами с краской, нанося заодно надписи против коммерциализации образования и против карательной судебной системы. В следующий раз мы собирались приехать

в этот город на мой день рождения. На подготовку у нас был месяц. Планировалось сделать несколько семинаров «воркшопов», на которых каждый желающий мог поделиться какими-нибудь своими навыками. Также мы собирались организовать акцию «веган-стол», которая должна была продемонстрировать обывателям, что веганская (без использования продуктов животного происхождения) еда — это вкусно и полезно. Кроме того, планировалась акция у вивария — места, где проводят опыты на животных вместо того, чтобы использовать современные, более надёжные способы тестирования препаратов. Ну и в перерывах между этими акциями мы готовились продолжать украшать городское пространство Петрозаводска своими трафаретами.

Глава 36. Снова в Петрозаводск.

Один житель сквота «Black Hole» предложил свой «воркшоп» по изготовлению своего алкогольного напитка (браги), чтобы не спонсировать алкогольные корпорации. Я и Куба в этом принимать участие не собирались, так как Куба уже несколько лет был sXe, а я бросил пить зимой, когда ссорился с Веганшей, но помочь своему другу мы согласились. Пока он занимался какими-то важными делами, я и Куба отправились на сквот «Black Hole», чтобы забрать оттуда пятилитровые бутылки с этой самой брагой. Бутылей оказалось четыре — как раз мне и Кубе в каждую руку. До отправления электрички оставалось пара часов, и мы спешили изо всех сил. Мы быстрым шагом по жаре шли до метро «Сенная площадь», держа в руках бутылки с брагой, а за спиной рюкзаки с баллонами и трафаретами против ментов, государства, фашизма и эксплуатации животных. На Ладожском вокзале нас уже ждали несколько человек с вещами, чтобы всем вместе отправиться в Петрозаводск на электричках. Дойдя до метро, мы посмотрели на часы и решили, что мы уже в любом случае успеваем... Но мы не знали, что всего через пару минут мы уже не будем так думать...

Когда я зашёл в метро на меня сразу же обратил внимание мент, стоящий на входе. Меня почему-то всегда в Питере менты, стоящие в метро, выделяли из толпы, как и большинство людей неславянской внешности. Особенно, если где-нибудь происходил теракт, тогда меня могли остановить возле метро снаружи, потом внутри возле эскалатора, на платформе, на выходе и после того, как я уже выйду из метро. Хотя, кроме меня там ходят сотни других пассажиров. Может, просто для питерских ментов человек с неславянской внешностью — это уже частично преступник?

Этот мент спросил у меня документы, и что-то ему, видимо, не понравилось. Он попросил меня показать, что у меня в рюкзаке. Конечно, если бы у меня там не было трафаретов против государства, можно было начать разговор про двух понятия, которые обязаны находиться во время осмотра моих вещей, но в данный момент понятия меня бы не спасли... Куба к этому моменту подошёл к эскалаторам и ждал там меня. Но меня проводили в ментовскую комнату внутри метро, которая у них называется «опорный пункт». Там и обнаружили мои трафареты. На вопрос «что это такое?» я, как и полагается, ответил, что я впервые это вижу, это не моё, и как это оказалось в рюкзаке я понятия не имею. В этот момент в комнату завели уже Кубу, то ли потому, что он сам подошёл к ним и спросил, на каком основании меня задержали, то ли это менты увидели, что у него такие же бутылки, как у меня, и решили, что мы вместе. Они стали задавать всякие вопросы, типа кто такие, что везёте, куда направляетесь и тому подобное. Мы им рассказали жуткую историю о том, что мы едем на пикничок повидаться с друзьями и очень опаздываем на электричку, а ещё мы хорошие ребята, не пьём, не наркоманы и любим животных. Вообще всё это было абсолютной правдой. Но когда мы сказали, что мы ещё и не пьём, нас тут же спросили, зачем нам тогда целых четыре пятилитровых бутылки с брагой?

— Ну, мы же вам уже сказали, что мы с друзьями сейчас встретиться должны... — сразу ответили им мы.

Менты не собирались ничего делать на самом деле, а просто ждали какое-то своё начальство, а задержали меня только из-за того, что в этот день, в это же самое время на соседней станции проходила акция «несогласных», которые образовались несколько лет назад как протест против результатов выборов в Госдуму. В связи с этой акцией по всему городу, особенно в центре, было усиление ментов.

Наконец, сюда приехал какой-то пузатый мужик в штатском, которого менты называли «майором». Он сначала молча посмотрел на все наши трафареты, баллоны с краской и брагу, потом стал у нас спрашивать всё, что до этого спрашивали менты. Потом, после нескольких попыток ему всё-таки удалось нас сфотографировать, и он отложил свой фотоаппарат и стал объяснять Кубе, что все действия против власти ни к чему не приведут, хотя он «тоже с властью не согласен». Ну, в общем, одновременно «входил в доверие» и убеждал в нашей бесполезности. Я уже стал ждать, когда он уже перейдёт к следующей стадии такого разговора, в которой он нам расскажет, как можно помочь «благому делу» разоблачением разных «лидеров» таких же бесполезных, как мы. Что эти «лидеры» просто нас используют как «пушечное мясо», и что лучший способ обезопасить себя — это сдавать тех, кто организовывает всякие акции. Куба сделал вид, что внимательно его слушает. Подобная инструкция ментовской вербовки оппозиционеров используется ими уже несколько десятилетий как минимум. Такую же тактику использовали и гитлеровцы, когда разговаривали с пленными, и советские чекисты, когда вербовали своих «агентов», и вот теперь такие пузатые майоры в штатском, которые «тоже против власти», хотя они эту власть и представляют. Эти все сказки я уже слышал ещё в 2006 году, когда меня задерживали перед саммитом «Большой восьмёрки». Все подобные разговоры сводятся, прежде всего, к тому, чтобы сформировать недоверие своим товарищам любыми способами, а затем и попытаться завербовать человека. Но даже если к своим товарищам возникает недоверие, то самое лучшее — это

просто перестать общаться со своими товарищами и либо продолжать свою личную борьбу, которой я и занимался несколько лет, прежде чем мне удалось познакомиться с другими антифашистами и анархистами, либо просто поменять круг общения. Но самое недостойное для человека — это предательство, поэтому каждый может делать, что он считает нужным, главное не ухудшать жизнь другим.

Пока этот майор рассказывал свои сказки Кубе, я наблюдал за молодым сержантом, который то ли был в неадекватном состоянии, то ли просто был самым обычным придурком. Но в любом случае, творил он нечто, что даже в цирке не всегда увидишь. Он то мерил на себя фуражки своих сослуживцев, надевая их на бок и задом на перёд, то сравнивал, как пахнет брага в разных бутылках, то зачем-то засовывал дубинку в кольца наручников. В конце концов, он всё-таки добрался до фотоаппарата этого майора и сначала стал смотреть в нём фотографии. Я сразу подумал: «Может, он попробует из фотоаппарата эти фотографии удалить?», — но, к сожалению, до этого он не дошёл.

Когда сержанту надоело смотреть фотографии, он стал фотографировать своих сослуживцев и самого майора. Майор, шокированный таким его поведением, стал его ругать, как маленького мальчика, отобрал у него фотоаппарат и стал удалять всё, что успел нафотографировать этот сержант. Потом майор сказал нам, что мы должны будем явиться к нему на «профилактическую беседу». Из всего, что у нас было, нам не вернули только наши трафареты и отпустили, но на свою электричку мы опоздали и решили поехать утром с Московского вокзала. Ни на какую «беседу» мы идти не собирались, потому что мы нигде не расписывались, да и понятия «беседа» в Уголовно-Процессуальном Кодексе просто нет.

Когда едешь из Питера в Петрозаводск утром с Московского вокзала, на месте оказываешься вечером этого же дня (по крайней мере, так было в 2009 году).

Мы поехали группой примерно в 30 человек, в которой

были в том числе я, Куба, Веганша со своим новым парнем, с которым она познакомилась после акции в поддержку Херсонских рабочих, сквоттеры, разные анархисты и собака Веганши. С Веганшей мы уже перестали ссориться и никого уже не беспокоило то, что мы с ней будем одновременно находиться в одном месте. Местные активисты сразу же повели нас всех к месту, где мы могли поставить свои палатки и попробовать начать уже с вечера «ворк-шопы». Хотя единственным «ворк-шопом» был только про изготовление браги. В итоге, когда мы прибыли к месту лагеря и поставили все палатки, все начали с дегустации этой самой браги. После того, как две бутылки очень быстро закончились, наш сквоттер попытался рассказать всем рецепт этого напитка, но у него ничего не получилось. Да и те, кому больше всего был интересен этот рецепт, были уже не в состоянии воспринимать информацию. У всех же остальных уже не было сил идти рисовать граффити, и мы просто стали отдыхать и готовиться к «веган-столу». Акции первого дня провалились по причине усталости всех, кто хотел в этих акциях принимать участие.

«Веган-стол» было решено сделать на следующий день на берегу Ладожского озера. Из веганской колбасы и хлеба с тофу были сделаны канапе, которые предлагалось попробовать всем гуляющим по набережной. Тем, кто останавливался пробовать канапе, вручалась информация о веганском питании и, пока они ели, им рассказывалась короткая лекция о том, как веганская еда полезна для организма. Так получилась мирная акция прямого действия с агитацией. Несколько человек попросили рецепты веганских блюд, и им сразу были подарены брошюры, в которых эти рецепты были описаны. Позже об этой акции написали в местной газете.

Потом мы сходили на местное FNB, а вечером собирались поразбивать стёкла у здания вивария. Но из-за того, что недалеко от него дежурила машина ментов, мы ограничились только надписями на стенах и дверях. Остальные

запланированные акции провести не удалось, и мы просто приняли к сведению все свои ошибки.

Идея акционирования в другом городе осуществлялась со скрипом, но и на месте она не стояла. На ошибках и недочётах тоже можно было учиться. Мы не провели в Петрозаводске то, что хотели, но мы помогли там объединиться несколькими небольшим группам активистов, и в дальнейшем это объединение сможет себя проявить. Мы также познакомились с новыми людьми, готовыми менять этот мир своими руками. И в будущем мы уже могли устраивать больше совместных акций, а «когда мы едины, мы непобедимы».

Глава 37. Начало вписок у Марго.

В сентябре 2009 г. я во время отпуска ездил в город Лабытнанги, а, возвращаясь в Питер, я понимал, что, когда приеду на вписку, там может никого не быть, и я рисковал оказаться с вещами на улице. Поэтому я зашёл с телефона в Интернет, в онлайн был Куба, и он написал мне первым: «Привет. Ты где сейчас?»

Я сразу же ответил с намёком: «Я в поезде еду в Питер и думаю где бы вписаться».

Через минуту он позвонил мне.

— Мы сейчас к Марго на вписку едем. Я ей уже позвонил, спросил про тебя, она согласилась тебя вписать.

— Ну, я через полчаса буду на вокзале.

— Ну, мы тогда тебя встретим и вместе к Марго поедем.

Мне было непонятно, с чего это вдруг она согласилась вписать нескольких человек. Ответ на этот вопрос я получил только когда приехал к ней. Оказалось, что она недавно ехала с папой на машине, и на повороте в них врезалась иномарка. Марго с отцом чудом остались в живых. Отец сломал ногу и теперь временно ходил с костылями, а сама она получила очередное сотрясение мозга. До этого у неё уже было сильное сотрясение из-за того, что в Великом Новгороде ей какие-то гоппники ударили по голове арматурой. По поводу обеих этих

травм она к врачу не обращалась, и позже мне суждено было увидеть последствия этого необращения к врачу. Её отец переехал в другую квартиру к своей подруге, а свою квартиру, в которой они до аварии жили вдвоём, он оставил под ответственность Марго. И вот мы уже едем к ней.

Когда я приехал туда, я увидел, что без дела там никто не сидел, потому что Марго быстро находила всем полезное занятие. Она продолжала делать зины, но уже не «Контркультуру», которую она мне подарила давно в 2006 году в день нашего знакомства, а «Раскраску». В этом новом зине размером в четверть листа А4 не было статей, а были только чёрно-белые картинки одного московского художника на различные социальные жизненные темы, как например нацизм, милитаризм, любовь, сексизм, проблемы подростков и другие. Каждая картинка заставляла серьёзно задуматься на данную тему. В этом и была главная задумка — чтобы человек, листаящий «Раскраску», начал думать. Хотя зин и назывался «Раскраска», раскрашивать там было необязательно, и Марго его так назвала исключительно потому, что все картинки были чёрно-белыми. Марго сидела за компьютером и запускала в печать страницы зина, другой человек переворачивал листы, выходявшие из принтера. Мне дали ножницы, чтобы я разрезал страницы на две части, а Куба ламинировал обложки скотчем. Самая трудная работа была у Кубы. У нас получился конвейер по производству «Раскрасок». Таким образом за час мы делали около 10 раскрасок. А когда Марго показала нам, как нужно сшивать страницы, я понял, что ламинировать — это ещё не самое сложное. Тогда у Марго ещё не было строительного степлера, и она ещё сшивала страницы обычными нитками. Понятное дело, иголки постоянно ломались, и постепенно такой способ скрепления страниц становился всё дороже, в результате Марго пришлось всё-таки приобрести строительный степлер для мгновенного скрепления страниц. Но тогда ещё эти «Раскраски» она не собиралась распространять широко, а только «среди друзей». Хотя по мере роста популярности

этого зина, его стали спрашивать в других городах и даже в Беларуси.

Глава 38. Новый «закон об охоте».

24 июля 2009 года был принят закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов», разработанный Комитетом Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Вступить в силу он должен был 1 апреля 2010 года. Этот законопроект вызвал огромную волну возмущения среди зоозащитников всей России. Законом разрешалось использование в качестве «отвечающих требованиям гуманности» пневматического, холодного оружия и капканов. Это, по мнению общественности, способствовало бы «резкому увеличению числа подранков и обречению животных на жестокую смерть». Также закон разрешал охоту на особо охраняемых природных территориях (природных заповедниках, национальных парках и т.п.). При этом в законе не говорилось ничего о запрете транспортных средств и иных технических средств, применение которых приводит к массовой гибели животных. Не запрещались охота, отлов и иные формы добычи диких животных, имеющих детёнышей, не способных к самостоятельному существованию; беременных самок млекопитающих; при переправе наземных животных через водоёмы. Не было в законе и запрета на проведение охоты в форме зрелищных мероприятий, построенных вокруг преследования, умерщвления, предсмертной агонии животного, использования при этом других животных для умерщвления животного. Также закон разрешал добычу животных, занесённых в Красные книги. В качестве базового документа для «осуществления охоты и сохранения охотничьих ресурсов» этот закон утверждал правила охоты. Так, согласно этим самым правилам, охотник наделён правом убийства медвежат в случае их обнаружения в берлоге и оформления лицензии по уже свершившемуся факту. По заявлению зоозащитников принятие закона в

данной редакции могло способствовать «откровенной коммерциализации охоты, абсолютной бесконтрольности в этой сфере, усилению коррупции и криминализации в обществе».

Протесты против этого закона начались ещё в июле 2009 года. Так, в Санкт-Петербурге 31 июля на Малой Конюшенной улице была проведена акция, на шумевшая на весь мир. Несколько девушек в купальниках и с заячьими ушами на голове сидели на отгороженной площадке, символизирующей заповедную зону. К ним подошёл человек в одежде охотника и начал «убивать» зайчат. Те кричали и скулили, просили его не убивать их, но охотник был безжалостен и, расправившись со всеми, ушёл с места преступления. После этого все девушки были облиты красной краской и какое-то время продолжали лежать, изображая убитых животных. Естественно, такое зрелище впечатлило очень многих — не каждый день в центре Питера увидишь симпатичных девушек в купальниках, да ещё и облитых краской. В новостях крупным планом показывали лежащих девушек в красной краске. Организаторов акции после этого

даже пытались привлечь к административной ответственности за «обнажение в общественном месте», что также давало повод телевизионщикам лишней раз показать на своих каналах кадры с этими девушками. Кроме Питера, акции были и во многих других городах России, и проходили они везде регулярно. Целью общественности была отмена закона или его существенная доработка, а также принятие закона, защищающего животных от жестокого обращения.

27 сентября в том же Петербурге на Большой Московской улице проходила новая акция по тому же поводу. Теперь уже против этого закона выступили известные телеведущие из... «Спокойной ночи, малыши». Герои известной передачи были возмущены вероломным нападением охотника на их друга и коллегу Степашку в заповедном лесу. Они устроили акцию протеста в прямом эфире. Телепередача прошла в традиционном для неё формате кукольного театра. Также на этой акции один бывший охотник демонстративно сжёг свой охотничий билет, а жилетку охотника отдал другим участникам акции, чтобы они ее разорвали, что они сразу же и сделали.

А когда мы пошли после этой акции к метро «Владимирская», то встретили возле него подозрительного маргинального человека в высоких ботинках и с флагштоком, на который был намотан имперский флаг с белым цветом сверху. Вообще имперским Российским флагом считается тот, у которого сверху чёрная полоса, затем идёт жёлтая, а белая полоса внизу. Нацисты же используют перевёрнутый имперский флаг. По одной из версий так переворачивать флаг первыми стали «черносотенцы» в знак «скорби по погибнувшей империи». Традиционный бело-сине-красный триколор нацистами «котируется» меньше, так как его обычно вешали на торговых судах. Поэтому этот флаг нацисты иногда называют символом «продажности» или «жидовским флагом». Мы подошли к этому странному флагоносцу и стали у него выяснять, зачем тот стоит здесь со свёрнутым флагом, кого он ждёт и в каком количестве. Оказалось, что он ждал

своих соратников, чтобы пойти на их акцию, которая должна была пройти в том же месте, что и наш митинг против закона об охоте, но через пол часа после окончания нашего митинга.

— А что за флаг у тебя?

— Тебе не понять.

— Ты что, меня за тупого что ли держишь? — атмосфера постепенно накалялась.

Сколько их должно быть, он не сказал, потому что не знал, и просто получил в челюсть и лишился своего флага. К этому моменту нам стало ясно, почему возле митинга дежурило два грузовика ОМОНа, но к нашему митингу они особо не подходили и только с десятков сотрудников Центра по борьбе с экстремизмом (центр «Э») снимали нашу акцию на видеокамеру и время от времени пытались о чём-нибудь поговорить с кем-нибудь из участников. Но все участники митинга были предупреждены о том, что на акции присутствуют «эшники», и не забывали об осторожности при общении с незнакомцами. Хотя перед акцией мы уже думали, что ОМОН приехал за нами, так как за день до этого была акция против магазина «Снежная королева», торгующего натуральным мехом. Во время той акции, что была в торговом комплексе «Сенная», произошла драка между зоозащитниками и охранником, который попытался задержать одного из них. Никто из участников акции задержан не был, охранник пострадал не сильно, но, скорее всего, менты уже знали, что участники той драки могут присутствовать и на этом митинге против закона об охоте... Тех, кто весьма убедительно давал понять охраннику торгового комплекса, что не стоит задерживать зоозащитников, не было на этом митинге, но мы всё равно уже были научены опытом того, как сотрудники милиции могут задерживать всех подряд «во избежание провокаций».

Акция нацистов продолжалась чуть меньше часа, после чего её разогнали ОМОНовцы, так как она оказалась несанкционированной.

Глава 39. День вегетарианца в Петрозаводске.

Я, Куба и ещё несколько человек поехали в Петрозаводск, чтобы принять участие в акциях, посвящённых Международному дню вегетарианца, который отмечается 4 октября. Там должен был состояться показ фильма и шествие против закона об охоте. Я должен был заранее скачать какой-нибудь фильм и привезти его в Петрозаводск. Перед показом несколько его организаторов выбирали фильм с моего ноутбука и, приняв решение — не без помощи Кубы — все расселись в зрительном зале и начали смотреть фильм. Я сразу же обратил внимание на одну стройную блондинку, которая вела себя, как ребёнок, и широко улыбалась. Фильм показывали через проектор, подключённый к её ноутбуку. Она меня попросила скинуть ей, кроме этого фильма, ещё «что-нибудь интересенькое»... Так мы и познакомились.

Лена приехала в Петрозаводск из соседнего города, чтобы учиться в университете. Веган, активный защитник животных, sXe, волонтер благотворительной организации, симпатичная голубоглазая блондинка, одним словом, почти идеальная девушка. После показа и короткого обсуждения фильма из зала быстро убрали все кресла и занесли на сцену аппаратуру. Теперь все готовились к хардкор-Оi-рэп-концерту. К этому моменту в зал пришли местные скинхэды различных направлений, в основном SHARP. День вегетарианца их мало интересовал, но они с удовольствием были готовы послушать местную Оi-группу «Ничего хорошего». Пришла в том числе и Ирочка, с которой я не виделся с прошлого года, когда в Петрозаводске был концерт нескольких Оi-групп. Я её спросил, впишет ли она меня, хоть мы и решили, что ничего у нас не получится, у меня всё-таки сохранялась надежда на повторение прошлогодней вписки после концерта.

— Я теперь больше не вписываю никого, — мы разошлись, и я стал искать другую вписку.

А когда мы толпой шли с концерта, все питерские достали заранее заготовленные трафареты на разные темы, в том числе против нацизма в sХе-среде, и мы по пути стали рисовать их на стенах. У одного из дворов на нас обратила внимание какая-то странная компания. И ещё через несколько метров мы услышали, что на тех, кто шёл в конце нашей толпы, напали боны. Никто серьёзно не пострадал, но местные позвонили нескольким своим бойцам, которые жили в том районе, где мы гуляли. Через несколько минут мы уже по всему району искали тех бонев, что осмелились выползти, да ещё и напасть на кого-то. Местные нам рассказали, что у них появился некий нацист, у которого папа — какая-то «шишка» в ментовских кругах, благодаря которому местные наци и получили негласную поддержку милиции. Без такой поддержки боны крайне редко высывались. Не найдя никого подозрительного, мы пошли дальше по городу той же толпой. По пути мы продолжали рисовать на самых видных местах разные трафареты. Хождение толпой очень полезно именно для таких действий, как массовое рисование трафаретов, перепрыгивание через эскалаторы в метро, потому что сильно увеличивает безопасность участников акции. Поэтому мы часто и пользовались моментами, когда после какого-нибудь концерта все идут толпой.

А на следующий день должен был состояться санкционированный марш против закона об охоте. В день марша на улице шёл дождь и дул холодный ветер. Холодная мерзкая погода напрочь отбивала желание идти с плакатами и банерами по проспекту Ленина от вокзала до озера. Но акция была согласована с администрацией города, и отменять её или переносить на другое время не было возможности. Все собрались в вестибюле вокзала и готовили там плакаты, надували шарики и рисовали на них морды животных. Перед самым началом акции дождь закончился, и мы вышли из вокзала и стали строиться в колонну, впереди которой несли баннер с надписью «Карельское республиканское общество защиты животных», логотип общества и контактный телефон.

«Республиканское» не потому, что там были все республиканцы, а потому что общество действует на территории всей Республики Карелия. Все мы стали просто идти по проспекту в сторону университета и фонтана «Молекула» — излюбленное место времяпрепровождения петрозаводской молодёжи. Один из организаторов нёс в руке мегафон. Мне, Кубе, да и всем питерским было непонятно, почему все идут молча, и почему мегафон просто несётся в

руке и не используется по назначению. Не удивительно, что все шли по улице со скучающими лицами. Мы подошли к «Молекуле», и все встали с

плакатами и банерами в ряд перед фонтаном. Один из организаторов начал говорить в мегафон речь про закон об охоте. Мы с Кубой поняли, что так дело не пойдёт, и решили зажечь. Куба взял у организатора мегафон и стал в него кричать: «Мех — одежда для лохов! Откажитесь от мехов!» Я расставил руки в стороны и, стоя лицом ко всем участникам акции, стал что есть мочи кричать тоже самое. Все питерские стали хором заряжать кричалку. Остальные участники акции сначала даже не поняли, что происходит. Но мы продолжали кричать и постепенно один за другим нас стали поддерживать другие участники акции. Всем сразу стало понятно, что это как минимум веселее, чем просто ходить молча с плакатом. Я ходил взад-вперёд вдоль всего ряда стоящих с плакатами и, если видел кого-то, кто начинал сомневаться стоит кричать или нет, я подходил прямо к нему и, стоя рядом с ним, продолжал кричать, пытаясь «зарядить его своей энергией». В итоге уже все стали кричать хором, и получался целый грохот разных голосов. Не заметить такую акцию было уже

невозможно. Мы все пошли дальше по проспекту Ленина, продолжая заряжать. К этому моменту снова пошел дождь, но теперь уже на него не особо обращали внимание. Акция моментально превратилась из скучного молчаливого шествия в энергичную группу протестующих, полных «драйва». Мы опять ненадолго остановились у гостиницы «Северная», не переставая заряжать кричалки. Мегафон постепенно передавали друг другу. Когда человек с мегафоном уставал кричать, мегафон брал кто-то другой и заряжал новые кричалки, которые мог вспомнить.

Таким образом мы дошли до озера, и у всех сразу поднялось настроение после такой акции. По пути на нас обращали внимание все прохожие, махали нам рукой, с кем-то начинались дискуссии на разные животные темы. Акция прошла успешно, и вечером мы ходили по городу и фотографировались.

А когда я приехал обратно в Колпино, со мной по Интернету связалась Лена. Как-то мне везёт на таких знакомых из других городов, хотя из питерских знакомых девушек мне редко встречались такие, что у нас появлялась взаимная симпатия. И вот опять, я съездил в другой город, и началось...

Только теперь больше инициативы исходило не от меня. Мы стали постоянно переписываться по Интернету, время от времени посылая друг другу недвусмысленные намёки. Мне было приятно каждый вечер получать сообщения «спокойной ночи». Она звала меня в Петрозаводск на свой день рождения, но приехать я не смог по причине очередного неожиданного задержания меня ментами в метро.

Отец Марго не был в курсе, что его дочь кого-то вписывает, но он уже несколько раз встречал меня у неё в комнате. Первые разы она говорила папе, что я пришёл в гости, но когда такие отмазки стали очень частыми, она рассказала отцу, что я «нормальный», мне просто жить было негде. В итоге, после убеждений Марго и моего разговора с её отцом, тот разрешил мне жить в квартире вдвоём с Марго. Он

взял с меня обещание, что я буду заботиться о его дочери. Я стал вписываться у неё на постоянной основе, и время от времени она оставляла квартиру под мою ответственность, а сама уходила куда-нибудь.

Однажды у неё попросили вписаться несколько крастеров, и она согласилась при условии, что они будут без алкоголя. Алкоголь вообще в этой квартире был под запретом, и сама Марго бросила пить и заменила алкоголь лёгкими наркотиками, на которые запрет не распространялся. Но когда пришли крастеры, Марго уже легла спать и оставила меня «следить за порядком». А эти крастеры всё-таки привезли с собой дешёвый алкоголь, часть из которого мне пришлось вылить в канализацию. Еле-еле их усмирив, я и сам пошёл спать и наутро их проводил. Я понимал, что теперь это мой новый временный дом, и, чтобы его не лишиться по глупости, я постоянно следил, чтобы здесь не было какого-то неконтролируемого дебоша. Это понимала и Марго.

Глава 40. Предновогодние и новогодние приключения.

Приближался Новый год. Я позвал в Питер Лену, а Куба собирался пригласить нас всех к себе домой, потому что его родители собирались уезжать на дачу. В Питер из Петрозаводска приехали несколько человек. Мы заранее привезли к Кубе домой всё, что нам понадобится на Новый год.

Меня попросили встретить каких-то парней из Череповца и проводить их до вписки. Я согласился и, встретившись с этими двумя парнями, вместе с ними поехал в метро до места, где они должны были вписываться. В вагоне мы увидели высокого парня в шапке фирмы «Thor Steiner», очень популярной среди неонацистов. Но кроме этой шапки его ничего не выдавало, поэтому мы решили понаблюдать за его поведением. Так как мы выглядели, как самые настоящие

антифа, его это должно было спровоцировать. Мы стали время от времени посматривать на него, и он очень сильно занервничал и тоже смотрел именно на нас. А когда он вышел, и мы пошли за ним, незнакомец сразу же ускорил шаг и время от времени оглядывался. Сомнений уже не оставалось: этот высокий парень — ультраправый. В самом начале перехода «Маяковская — Площадь Восстания» к нему подбежал один из череповецких и стал его бить, другой распылил на него содержимое газового баллона. Непонятно откуда рядом оказался человек в форме сотрудника метро и попытался схватить одного из череповецких. Я рывком остановил его, и оба череповецких товарища бросились убежать, а на меня накинулся какой-то непонятный человек в красной новогодней шапочке. Оказалось, что это просто самый обычный пассажир, который решил оказать содействие в задержании нарушителей общественного порядка. В итоге им вдвоём удалось меня скрутить, хотя все, кто находился в этот момент на этой станции, уже кашляли от распылённого газа. Этот горе-герой даже посоветовал одной женщине умыться водой, чего в таких случаях делать категорически запрещается. Сразу было видно, что это самый типичный обыватель, верящий в «добрую милицию», «честных депутатов» и тому подобное. Понятное дело, что он никак не мог знать основ первой медицинской помощи в таких случаях. Но такие, как мы, которые нередко встречаются с риском быть залитым из газового баллона, хорошо понимают, что если пытаться смыть всё водой, будет только хуже, а уменьшать действие газа лучше ваткой, смоченной в борной кислоте. Если я всё это узнавал на семинарах по первой медицинской помощи для политических активистов, то простому обывателю такую информацию было негде получить.

Когда они сопровождали меня в метро, мы видели, что даже люди на эскалаторе тоже кашляли от этого газа. Как сказал бы «джентльмен удачи» Василий Алибабаевич: «Хороший газ. Не смывается совсем». Меня привели в

опорный пункт милиции при метро «Площадь Восстания», а героя, задерживающего меня, попросили остаться дать свидетельские показания, хотя он уже начинал ныть от сильной боли в руке. С меня взяли объяснение, что произошло, и время от времени в эту небольшую комнатку заводили то гастарбайтеров, то наркоманов. Одного наркомана, у которого что-то нашли, решили не отпускать. Я всё это время прятал телефон и незаметно переписывался СМСками с Леной, Марго и Кубой, чтобы кто-нибудь привёз мне мой паспорт, который я оставил дома у Марго. Самое обидное было скорее то, что это было вечером 31 декабря, когда все уже готовились к Новому году, и я рисковал встретить его не с Леной и друзьями, а где-нибудь за решёткой. Того героя через какое-то время отпустили, взяв у него контактный номер телефона, он просто уже не мог ждать, потому что вот-вот мог потерять сознание. Стоили ли эти мучения того? Он ведь даже не знал, что именно там происходило.

Менты большую часть времени разговаривали с наркоманом, который рассказывал им истории о своей жизни и своих прошлых судимостях. Я воспользовался тем, что он так хорошо отвлекал их внимание, и продолжал писать СМСки. Через час в этом опорном пункте должна была поменяться смена, и менты решили меня и этого наркомана отвести в соседнее отделение милиции. Нас сцепили наручниками и повели к отделению. По пути этот наркоман продолжал рассказывать истории, а я незаметно прятал телефон как можно дальше, потому что знал, что в отделении меня опять будут обыскивать перед тем, как посадить в «обезьянник». Я не ошибся в своих предположениях, меня на самом деле стали обыскивать, но телефон у меня не нашли. Меня и наркомана посадили в маленькой клетке, по отделению ходили пьяные менты, которые заранее начали отмечать Новый год, а я не прекращал писать СМСки. В итоге к нам подошёл мент и позвал меня. В коридоре я увидел своего знакомого правозащитника, который поручился за

меня и привёз мой паспорт. Оказалось, что ему сообщил обо мне не кто-то, с кем я всё это время переписывался, а один знакомый панк, который увидел меня, когда меня вели по улице менты. Этот панк сразу позвонил правозащитнику, и они вместе умудрились найти мой паспорт, выяснить, в каком я отделении, и приехать туда. Всё-таки хорошо иметь много знакомых участников движения... С меня взяли расписку, что я приду к ним на следующее утро. Горе-герой, падая в переходе метро, сломал себе руку, я отделался лёгким испугом, а череповецкие убежали, и больше я их не видел. Я уже подумал, что мои приключения закончились, но не тут-то было...

Мне позвонил Куба и сказал, что его родители приехали отмечать Новый год домой, он поругался с отцом, его выгоняют из дома, и он никак не может найти, где бы нам собраться новогодней ночью. Мне пришлось позвонить Марго.

— У нас тут проблема появилась на Новый год. Нам теперь негде его отметить. Можно мы у тебя дома соберёмся? Порядок гарантирую.

— Можно. Под твою ответственность.

Сама она собиралась отмечать Новый год в центре Питера на какой-то крыше. Был поздний вечер, снег валил крупными хлопьями, коммунальные службы не справлялись со стихией, и на дорогах образовывались пробки. Особенно сильно страдал общественный транспорт, так как легковушки, в каждой из которых было только по одному водителю, постоянно пытались подрезать автобус, троллейбус или трамвай, в результате чего оказывались в сугробе и образовывали новую пробку. У водителей на улицах города начиналась паника, а приближение Нового года только усугубляло обстановку. Так называемая солидарность автолюбителей забывалась, как и так называемое уважение, когда водители, теряя разум, образовывали новые пробки.

Я вместе с Кубой быстро, а вернее сказать медленно, но старались быстрее, поехали к нему забрать все вещи. Нас

несколько раз подрезали, и обратно к метро мы смогли приехать только перед самым его закрытием.

В Колпино мы не успели и оставили все вещи у знакомых на другой вписке до утра. А когда утром следующего дня я пришёл в то самое отделение милиции, мне сказали, что раз я ничего там не делал, а просто шёл мимо, уголовное дело возбуждать не будут, и меня отпустили. А ещё через месяц моей маме по почте прислали письмо с пометкой «Отказано в возбуждении уголовного дела», и мне пришлось по телефону объяснять, что ещё за уголовное дело такое.

Вообще сам по себе Новый год нас, естественно, мало интересовал. Для нас это был просто лишний повод собрать всех друзей по случаю длинных выходных. А сами торжества, которые устраиваются официальными лицами, больше напоминали какую-то вуаль или мишуру, которой они пытаются скрыть все те проблемы, к которым привела их служебная деятельность. Тем более, что для того, чтобы устроить себе праздник, не обязательно ждать, когда его устроят другие, можно всё сделать для себя самому. Но так как у многих были каникулы именно в эти дни, они идеально подходили для совместного времяпрепровождения.

Я и Лена приехали в Колпино пораньше и ждали всех остальных. Ещё попозже приехали несколько петрозаводских и питерских товарищей. Все стали готовить разные вкусняшки. Когда по телевизору начал выступать президент, мы выключили звук и стали кричать и валяться на полу, а к концу выступления президента телевизор был торжественно перевёрнут экраном вниз. Я, Лена и Веганша со своим парнем пошли смотреть с компьютера мультики, а все остальные пошли гулять по Колпино. Пока все гуляли и гоняли по Колпино местных бонов, в комнате перед монитором, стоящем на полу, лежали две целующиеся пары. Так вся ночь и пролетела, квартира Марго осталась целой и невредимой. А через две недели, когда новогодние каникулы закончились, я поссорился с Леной, и все петрозаводские уехали обратно в свой город.

Глава 41. Либертарный форум.

В начале марта в Москве должен был состояться «Либертарный форум», для которого москвичи сняли помещение какой-то галереи. Вход на форум был «по записи». Все, кто хотел приехать на этот форум, должны были заранее по электронной почте отправить заявку, в которой указывали краткую информацию о себе, чем занимаются, кто может за них «поручиться». Имеющим знакомых активистов в Москве, конечно, с этим делом было легче. Вход сделали платным и просили тех, кто не из Москвы, заранее сообщить, если у них нет возможности заплатить за вход. Я и ещё несколько человек собирались поехать в Москву автостопом. Раньше я никогда автостопом не ездил, но мне многие про это рассказывали. Марго, например, была яркой автостопщицей и могла выйти из дома за хлебом, по пути до магазина решить ехать куда-нибудь автостопом и вернуться домой через несколько дней. Когда я поссорился с Веганшей, Марго вместе с ней уехала из Питера стопом до Барнаула зимой.

Основная идея автостопа — доехать до пункта назначения, не потратив на дорогу ни копейки. Я решил, что, если я буду ехать в Москву стопом впервые в своей жизни, мне нужен будет опытный попутчик — чем опытнее, тем лучше. Марго такие мероприятия уже не интересовали, её теперь больше увлекали творения Ошо, Карлоса Кастанеды и тому подобные эзотерические учения. Зато Веганша была не против и тоже заранее послала заявку на участие в форуме. И хотя у неё ещё оставался неприятный осадок после наших ссор больше года назад, мы уже постепенно начинали нормально друг к другу относиться. Не в последнюю очередь благодаря Лене, которой Веганша понимающе сочувствовала, когда я и Лена тоже как-то нашли повод для конфликта.

Итак, утром мы с Веганшей встретились у трассы, купили перекусить и бутылку воды и пошли стопить. Веганша мне постоянно рассказывала, как нужно стопить, что говорить водителям и так далее. Например, если бы я ехал один, я бы

не догадался, что когда говоришь с водителем, нужно говорить не «до Москвы», а «в сторону Москвы». И то, что лучше стопить за пределами видимости поста ДПС, и не перед ним, а за ним. И таких важных мелочей я узнал очень даже не мало. Хорошо, что я с опытным автостопщиком поехал. Ещё не доезжая до Новгородской области, мы «поймали» дальнобойщика, который ехал до Москвы. Подъезжая к Москве, мы оказались в пробке, и до метро мы добрались, только когда оно уже было закрыто. До вписки нужно было ехать в другой район, город мы вообще не знали, телефоны у нас сели, общественный транспорт уже не ходил. Мы оказались в Москве ночью на холоде и с минимальным количеством денег. На следующий день уже начинался форум. Идти нам было некуда, и мы сначала несколько часов прогуляли по улице, время от времени обороняясь газовым баллончиком от стай бродячих собак. Собаки, они как люди — есть дружелюбные и ласковые, а есть злые, как быдлогопники или боны. Это я почувствовал и сейчас, и когда в январе мы ездили помогать чистить вольеры от снега в собачьем приюте «Друг» в Питере. Тогда мы сначала убрали снег, а потом все стали заходить в вольеры к собакам и играли с ними. До этого у меня с самого детства была боязнь собак, а в каждом вольере было около 10 собак. Все меня уговаривали зайти в вольер, и когда я всё-таки поборол свой страх и зашёл к собакам, меня сразу же чуть не сбили с ног, когда одновременно три большие собаки прыгнули на меня, чтобы облизать моё лицо и руки. Они прижали меня к решётке передними лапами и стали обнюхивать и подставлять голову, чтобы я их гладил. Они виляли хвостами так, как будто пытались взлететь и как будто соревновались между собой за звание самой дружелюбной. Всё это вызвало у меня приступ смеха, и страх пропал. Но эти бродячие городские стаи немножко другие. Большинство из них были бывшими домашними любимцами, и, с одной стороны, у них сохранялась надежда на возвращение бросившего их хозяина, с другой, они уже познали человеческую жестокость, и их

недоверие к людям вынуждало их обороняться. Человек сам создал себе «врагов» в виде «друга человека», не желая нести ответственность за тех, кого приручил. Вчера их завели, чтобы сделать из живого существа игрушку или предмет интерьера, а сегодня они на улице в стае вынуждены самостоятельно искать себе пищу. Они в этом не виноваты, виноват человек. Понимая это, мы не распыляли на них газ, а просто создавали газовое облако между нами и ими и уходили подальше. Замёрзнув на улице, мы зашли в круглосуточный магазин. «Странно. Почему рядом с таким магазином нет ни одного гопника?» — с такими мыслями мы вошли внутрь и, походив по магазину, открыто у охранника попросили погреться в магазине до открытия метро. Он нам разрешил это только потому, что мы не были пьяными. Почему-то он сразу догадался, что мы автостопщики, которые приехали из Питера и опоздали на метро. Наверное, он не в первый раз встречает у себя на работе таких, как мы. С открытием метро мы сели в вагон на кольцевой линии и решили вздремнуть до форума — так делают многие москвичи.

Форум длился три дня, в течение которых на двух этажах галереи проходили лекции и дискуссии. Каждый мог посмотреть расписание лекций и решить, что ему больше интересно, и пойти на лекцию, которая его больше заинтересовала. Были темы автостопа, проблемы маленьких городов, тактика действий милиции во время массовых демонстраций, примитивизм и много разных других. На лекции о тактике милиции во время массовых демонстраций было принято решение придумать тренировки для противодействия разным тактикам ментов и затруднения их работы по задержанию активистов. Между днями форума мы ночевали на разных вписках, а утром возвращались в галерею. В середине дня в галерею приезжали FNVшники и кормили всех участников форума. Многим там удалось приобрести новых знакомых из разных городов. А в последний день был организован концерт групп, выступающих в разных стилях и направлениях.

Глава 42. Новая кампания против ментовского беспредела 2010.

Зимой и в начале весны 2010 года в Питере участились задержания участников акции FNB. Теперь эти акции проводились не только в протест против милитаризма и бедности, а ещё и против незаконных задержаний. Кроме этого, планировалось провести несанкционированное шествие по Большому проспекту Петроградской стороны против беспредела ментов. В выходной день в час пик возле метро Петроградская мы собрались группой в 30 человек. Ещё возле метро мы видели нескольких бонов. Было видно, что они для чего-то тоже собирались там в то же самое время, что и мы. Как позже выяснилось, они собирались с целью нападения на так называемый флеш-моб мыльных пузырей, потому что с чего-то решили, что этот флеш-моб — акция геев или что-то в этом роде. Когда мы пошли к месту начала марша против ментовского беспредела, мы встретили одного бона, который стал за нами следить ещё от метро, и как только он стал кому-то звонить по телефону, его решили обезвредить физически. Один из сквоттеров стал наносить бону удары, а Куба решил распылить бону газ из перцового баллончика. Но он не учёл при этом направление ветра, в результате чего вся толпа уже через несколько секунд отвлеклась от убегающего бона и дружно хохотала над Кубой, который залил сам себя из перцового баллона. Мы решили, что я, Куба и ещё одна девушка зайдём в аптеку, а все остальные пойдут дальше, и когда мы окажем в аптеке первую помощь Кубе, то догоним всех остальных. Так и сделали. Я купил борную кислоту и вату, чтобы очистить лицо Кубы от газа. Пока мы обрабатывали лицо Кубы, мы заметили в окно аптеки нескольких бонов, бегущих со стороны, в которую пошли наши товарищи. Нам сразу стало понятно, что, скорее всего, только что произошла драка. Я стал звонить тем, кто пошёл дальше, и узнал по телефону, что группа идущих на

несанкционированный марш против ментовского беспредела разделилась, и на одну половину, в которой было меньше людей, способных драться, напала группа бонов. В драке одному из наших товарищей ударили арматурой по голове, и ему вызвали скорую, остальные пошли в ближайшее кафе оказывать первую медицинскую помощь. Из окна этого кафе мы увидели группу бегущих ОМОНовцев и решили пока не выходить. Как позже выяснилось, боны всё-таки напали на флеш-моб мыльных пузырей, но сначала мы даже не обратили внимания на людей, стоявших возле метро. Там собирались в основном девочки-неформалки с мыльными пузырями. Единственное, в чём боны «не ошиблись», так это в том, что в этом флеш-мобе действительно приняли участие парочка геев. В итоге толпа бонов, вооружённых травматическими пистолетами, напали на этот флеш-моб, перепугав девочек-неформалок и ранив из пистолета одного из геев, и разбежались. После чего к месту драки прибежал ОМОН и стал задерживать бонов, которые не успели убежать, а заодно и пострадавших участников флеш-моба. И тех, и других посадили в одни и те же автозаки и увезли в отделения милиции. А наше шествие так и не состоялось по причине травм, полученных в результате драки с бонами. Таким образом, боны сорвали проведение акции против беспредела милиции.

Эта ситуация в очередной раз спровоцировала разговоры о дружбе правоохранительных органов и нацистов. Такие разговоры велись давно, просто время от времени они усиливались. Так, в 2002 году был скандал, о котором писала «Новая газета»: на базе московского ОМОНа проводились тренировки и спецобучение Народной национальной партии. Сама партия большую известность обрела в конце 90-х, когда по телевизору показывали факельные шествия бритоголовых малолетних нацистов, которые проводила эта партия. Также известности им добавило то, что в этой партии состоял известный бон по кличке Бус, отсидевший срок за то, что избил чернокожего охранника американского посольства

возле ДК имени Горбунова в 90-е. Тогда, благодаря этой его выходке, в различных СМИ стали всё больше появляться сообщения о бонах, ну и, благодаря этим сюжетам, я в своё время понял, что буду бороться против коричневой чумы. Естественно, когда выяснилось, что члены этой партии тренировались на базе московского ОМОНа, это вызвало много шума. В том же 2002 году накануне дня рождения Гитлера боны в Москве разгромили азербайджанское кафе и разбили оконное стекло в квартире одного журналиста, который незадолго до этого предупреждал о росте ксенофобии в молодёжной среде. В ходе проведённого журналистского расследования выяснилось, что этим бонам покровительствовал милицейский полковник, начальник местного отдела милиции, а заодно и отец лидера погромщиков.

Летом 2008 года после панк-концерта двое курсантов МВД в штатском напали на антифашиста и его девушку. В ходе драки антифашист ранил ножом одного из нападавших. Впоследствии, когда антифашиста задержали, наци-курсанты несколько раз меняли свои показания, а оборонявшегося от них антифашиста осудили на 8 лет строгого режима.

21 января 2009 года в Питере возле метро «Площадь Восстания» была акция памяти убитых Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой. Менты на этой акции задержали четверых антифа. Когда мимо проходил бон в шарфе-имперке, менты его тоже задержали и отвели в опорный пункт, где уже находились задержанные антифа, и сказали ему: «Мы тебе жизнь спасли». Бон сначала не понял, о чём они говорят, тогда менты показали ему на задержанных и со словами: «Вот видишь — это антифа», — отпустили этого бона, а антифашистов оставили ещё на несколько часов.

И это далеко не полный список примеров дружбы ментов и нацистов. К нему также можно добавить многочисленные случаи задержаний левых активистов, когда в отделениях милиции мусора вскидывали перед ними руки в нацистском приветствии. Также через несколько месяцев после этой драки

перед несостоявшимся маршем против ментовского беспредела был ещё один громкий скандал, когда бывшего офицера уголовного розыска Южно-Сахалинска осудили за создание экстремистского сообщества «Славянский союз». Других бывших сотрудников милиции, принимавших участие в этом сообществе, приговорили к условным срокам. На сайте этой организации они размещали призывы к межэтнической вражде и различные инструкции, которые использовали бритоголовые наци. А через год бойцы нацистской организации «Славянский союз» были замечены в «группе, обеспечивающей порядок» на митинге прокремлёвских движений «Молодая гвардия» и «Россия молодая».

И это не только в России, такая ситуация во всём мире. Откуда же это негласное (а иногда и гласное) сотрудничество? Лично я считаю, что это можно объяснить только тем, что мусора используют нацистов как свой силовой резерв, своеобразные легионы смерти. Если возникает ситуация, когда мусора не могут кого-то разогнать законными методами и одновременно не хотят марать руки в незаконных методах, они договариваются с нацистскими лидерами. Очень хорошо в этом плане им помогает иерархичная сущность всех нацистов. Во всех нацистских группировках есть свои лидеры, и остальные члены группировок должны беспрекословно этим лидерам подчиняться. Поэтому вовсе не обязательно, чтобы о таких мелочах, как заказчики погрома, знали все участники этого погрома. Вполне достаточно подкинуть денег одному лидеру, ну и иногда нескольким его приближенным бойцам. А все остальные пойдут за ними и будут представлять собой пушечное мясо в этом ментовско-нацистском бизнесе. Такая схема, скорее всего, и была применена во время нападения на экологический лагерь под Ангарском в 2007 году, во время которого был убит эколог-анархист Илья Бородаенко. Ещё чаще бывает, когда какие-то капиталисты нанимают нацистов для запугивания конкурентов и держания в страхе наёмных рабочих из соседних государств. Давно всем понятно, что капиталистам выгодно платить копейки приезжим, которым

они не будут оформлять документы, чтобы у них было меньше прав, а чтобы эти рабочие не увлекались борьбой за свои права, нужно держать их в страхе, и уличные нацисты для этого подходят идеально. Кроме того, давным-давно классики уже писали, что капиталистам выгодны сами ксенофобские настроения в народе, ведь благодаря этим настроениям народ борется не против своих угнетателей в виде капиталистов и чиновников, а против таких же обычных людей, других национальностей. Почему тогда нацистов сажают в тюрьму? Чтобы показать народу заботу государства о безопасности своих граждан, а заодно и подуспокоить те нацистские ячейки, которые вышли из-под их контроля.

Глава 43. Первоймай 2010.

После массовых задержаний на пиратском «street party» 1 мая 2009 года в Питере анархисты решили провести серию тренировок по пассивному сопротивлению задержаниям. Возможность полного исключения задержаний сразу отпала, так как все понимали, что ОМОН всегда будет применять силу во время задержания, и в том числе будет применять методы, запрещённые их собственным уставом. И, скорее всего, после задержаний, в которых пострадают активисты, даже если суд признает действия ОМОНа незаконными, особо усердствующих ментов никто наказывать не будет, потому что никто не будет знать, какой именно сотрудник превысил свои полномочия, а какой нет. Это в лучшем случае, а в худшем — всем, кто начнёт снимать побои, полученные от ОМОНовских дубинок, будут предъявлены обвинения в нападении на сотрудников милиции или просто в драке, нарушении общественного порядка и тому подобное. Сначала несколько человек изучали видеозаписи различных действий российской и белорусской милиции во время разгона массовых акций. Было выявлено несколько методик действий милиции, и мы стали думать, как можно сопротивляться этим действиям.

Пока на улице было не очень тепло, мы регулярно собирались в одном из сквотов и делились на две команды. Большая команда должна была очень быстро сцепиться между собой локтями, а другая исполняла роль ментов, которые пытались вырвать из толпы сцепившихся по одному человеку и отвести в другую комнату. В ходе таких тренировок неоднократно активисты получали синяки и царапины. Постепенно нами обнаруживались основные наши ошибки. Например, милиции легче всего вырывать из сцепки крайних людей, поэтому, если удаётся сцепиться кольцом, искать слабые места в такой цепочке становится сложнее. А так как чем меньше цепь, тем проще всех задержать, то желательно не отдавать никого из сцепки, когда его задерживают. Но для вырывания задерживаемого из рук ментов нельзя хватать за ноги или шею, так как это будет опасно для своего же товарища, идеальный вариант — это обхватить двумя руками талию того, кого задерживают, а нижнюю часть тела полностью расслабить. Ну и, естественно, сидячего человека всегда труднее посадить в автозак, чем стоячего. Очень мало кто продолжает волочить ноги, когда его уже ведут к автозаку, а начинают идти, облегчая тем самым работу милиции, поэтому мы старались научить как можно больше народу не ставить ноги на землю, даже когда тебя уже вырвали из сцепки, а полностью расслаблять нижнюю часть тела. Этими тренировками мы хотели максимально потянуть время возможного задержания на Первомае 2010 г. Прошлый Первомай показал, что санкционирование акции не даёт гарантии, что менты дадут провести эту акцию. Поэтому нужно было быть готовым ко всему.

На Первомай в Питер снова приехали москвичи, в том числе и моя старая знакомая с большими дредами. Несколько москвичей вписались у Марго. В ночь на 1 мая у неё вписывались ещё и несколько питерцев. Вечером я и Куба провели нашу тренировку для москвичей прямо в большой комнате дома у Марго, в которой стоял компьютер её папы, — к счастью, он не пострадал.

В день самой акции погода выдалась очень неудачная — дул ветер и шёл дождь, на моей памяти ещё ни разу в этот день в Питере такой погоды не было. Обычно было тепло и светило солнце, а теперь все пришедшие просто ждали, когда уже всё закончится. Единственное, что радовало, это то, что количество участников нашего анархо-Первомай стало ещё больше. Ещё до начала движения колонны ко мне подошли москвичи и предложили выпить какой-то алкоголь. К этому дню я уже крайне негативно относился к алкоголю, а тем более к алкоголю на акциях. Я сделал вид, что согласился, взял у них бутылку и вылил всё в щель канализационного люка. Наша колонна прошла весь положенный путь по Невскому проспекту без происшествий, и навыки, полученные на тренировках, на этом марше негодились.

Глава 44. Борьба за чистоту.

Куба, каждое лето устраивающий пикники на природе, не отказался от этого и этим летом. В этот раз он собирался ехать в лес рядом со станцией «Шапки» в Ленинградской области. Несколько человек ехали от Московского вокзала, а я и ещё одна девушка должны были ехать от Колпино. Лиза училась в 9-м классе, хотя выглядела вполне взрослой. С ней когда-то сначала связалась Марго и позвала её «покататься на роликах», и после пары таких прогулок Лиза стала уже ходить на разные акции. Так как она в первый день пикника училась, она не смогла туда поехать и уговорила меня поехать с ней на следующий день. Утром следующего дня мы очень сильно торопились на электричку, но до вокзала не ехал ни один автобус, и когда мы всё-таки доехали на маршрутке, от вокзала как раз отъехала наша электричка. Следующая электричка в этом направлении должна была поехать только после обеда, поэтому нам уже не было смысла её ждать. Но раз уж мы оказались здесь в такой ситуации, значит, так суждено быть и нужно использовать этот поворот судьбы. Мы посмотрели на расписание электричек, и оказалось, что через

15 минут должна была приехать электричка в Питер. «Случайностей в жизни не бывает», — нам обоим одновременно пришла в голову одна и та же мысль, и мы решили ехать на ближайшей электричке в Питер, а там уже будь что будет. Приехав в Питер, мы спустились в метро и совершенно не знали, куда нам ехать. Я решил позвонить первому попавшемуся знакомому и спросить, где он находится, вдруг нам тоже стоит туда пойти. И первый же ответ оправдал наши ожидания:

— Мы в парке уборку делаем.

— Круто! А вы там долго будете? К вам можно?

— Приезжайте. Здесь есть, что убраться.

Мы сразу же отправились туда, чтобы принять участие в уборке. Основная особенность таких уборок заключается в раздельном сборе мусора, то есть бумага отдельно, стекло отдельно, металлический мусор отдельно. Также отделяют от другого мусора использованные батарейки. Во-первых, это нужно для того, чтобы не отвозить мусор на свалку, увеличивая её размеры. Кроме того, на свалках мусор медленно тлеет, а на мусоросжигательных заводах его сжигают. С тучами дыма выделяются тонны диоксинов, которые вызывают у людей онкологические и репродуктивные заболевания. Эти же диоксины вместе с дождевой водой попадают в почву, а дальше по цепочке в растения и в нашу повседневную еду.

Зато если мусор не сжигать, а перерабатывать, то он приобретает «вторую жизнь»: из него делают новые упаковки для различных товаров, одежду и многое другое. Всем известно, что ресурсы нашей планеты ограничены, поэтому изготовление предметов потребления из вторичного сырья вполне оправданно. Мы в состоянии значительно снизить необходимость добычи нового сырья, если просто будем сдавать мусор на переработку. Таким образом, сжигание мусора имеет множество минусов, а его переработка — множество плюсов.

В основном в этом парке были стеклянные и пластиковые

бутылки, жестяные банки, бычки и пачки сигарет. Мы даже не заметили, как быстро прошло время, пока мы вылавливали палкой из канавы бутылки, банки и пачки из-под чипсов. Так, усилиями всего 10 человек парк стал значительно чище.

Собрав пару десятков мешков, мы понесли мусор в ближайший пункт приёма стеклотары и металла. На нас сразу обратили внимание, потому что по сравнению с другими посетителями этого заведения, у нас было в несколько раз больше бутылок и жестяных банок. Нам сказали, что для того, чтобы сдать банки, их сначала нужно сплюснуть ногой. Несколько минут у нас ушло на то, чтобы сплюснуть все собранные банки. А когда мы стали считать всё собранное, то несколько раз сбивались и пересчитывали заново. Но в итоге всё было правильно упаковано и пересчитано, и нам за весь этот мусор ещё и заплатили около 500 рублей. Все участники акции единогласно решили, что деньги пойдут на покупку еды для FNB.

Ближе к вечеру мы разошлись по домам и, хоть мы и не попали на пикник в Шапках, но ни капельки об этом не жалели, потому что время провели с пользой. Такие уборки регулярно проводятся, когда на улице нет снега. Обычные равнодушные жители города собираются в парках, лесных массивах, дворах и делают их чистыми. Если в каком-то месте Питера или Ленинградской области был мусор, и вдруг его не стало, это очень часто является заслугой не администрации или ЖКХ, а обычных жителей.

Конечно, администрация города пару раз в год устраивает субботники в полупринудительном порядке, но для того, чтобы сделать наш дом чистым, не нужны ни приказы сверху, ни какие-то партии и движения. Вполне достаточно одного естественного желания жить в чистоте.

Глава 45. Предчувствия.

Я давно заметил, что многие анархисты, которые постоянно ищут ответы на свои вопросы, постепенно

приходят к изучению различных восточных философий. Чаще всего индийских, так как среди них много идей, сходных с анархическими. Я, надеясь найти ответы на свои противоречия по поводу свободы личности, начал читать книги Ошо. Во многом этому способствовала Марго, которая, кроме этого, увлекалась ещё и творчеством Карлоса Кастанеды. К своему удивлению, читая Ошо, я часто сравнивал его философию с идеями анархо-панков. Я и ещё многие другие товарищи, увлекающиеся подобными философиями, ездили на фестивали в лесу, на которых мы и встречались с единомышленниками. В мае я впервые попал на подобный транс-фестиваль «Sisto». Он проходил в Ленинградской области, и мы поехали туда небольшой группой, основную часть которой составляли неформалы и анархисты. Нас сразу удивило то, что вход на этот фестиваль был платным. Зачем нужно платить за то, чтобы посидеть в лесу в палатке? Принципиально отказавшись платить, мы обошли КПП фестиваля через болота и разбили лагерь. В течение всего фестиваля на различных площадках проходили встречи и лекции на темы медитаций, календаря Майя, некоторые посетители ехали сюда просто употреблять различные наркотики и «открывать для себя новые реальности». Были и совершенно непонятные для меня явления, когда люди, находясь в лесу, продавали друг другу дрова. Через месяц после «Sisto» был фестиваль «Пустые Холмы» в Калужской области. Я туда поехал автостопом, благо я к этому времени уже набрался подобного опыта. На этом фестивале тоже многие употребляли различные стимуляторы и психоделики.

Увлечённое изучение подобных практик затягивало меня всё больше, но ответов на мои вопросы так и не давало. Я чувствовал, что постепенно схожу с ума. И только когда в Питере был организован митинг в поддержку Химкинских заложников, которых арестовали по подозрению в участии в нападении на администрацию города Химки 28 июля 2010 года, я твёрдо решил, что нужно уезжать из Колпино, пока

оно не засосало меня с головой.

На митинге большую часть участников представляли анархисты и антифашисты. Этой акцией мы выражали своё требование за освобождение двоих московских анархистов, задержанных на следующий день после акции у администрации города Химки. Тогда несколько сотен человек пришли к зданию администрации в знак протеста против вырубки Химкинского леса. Здание администрации было разрисовано надписями и закидано камнями и бутылками. Во время самой акции никто из её участников задержан не был, и только на следующий день милиция задержала двоих подозреваемых и заключила их под стражу. В разных городах России и некоторых других стран начались акции поддержки задержанных, потому что, по мнению многих, этих двоих задержанных поймали только для того, чтобы отчитаться перед своим начальством, что они «работают». На питерском митинге я пообщался с товарищами и договорился со своим другом, который разрешил временно пожить у него, пока я не перееду в другое жильё.

Я собрал вещи, но мой друг, к которому я собирался переехать, возвращался домой только вечером, и у меня оставался ещё весь день. Тогда я просто вышел на улицу, чтобы прогуляться. Дойдя до вокзала, я увидел электричку, едущую из Питера в область. Так как мне всё равно делать было нечего, я перепрыгнул забор станции и залез в электричку. Когда я доехал до Тосно, меня высадили контролёры, и я перешёл на другую платформу, чтобы ехать обратно. Электричка приехала через пару минут. Когда я уже подъезжал к Колпино, мне опять пришлось уходить по вагонам от контролёров. И, дойдя до последнего тамбура, я встал возле двери, готовясь выходить. Ко мне подошла какая-то пожилая женщина и стала вдруг мне рассказывать про своего мужа, который сильно болеет, потому что погубил здоровье, находясь в тюрьме. В это время электричка проезжала мимо большой стройки. Моя собеседница показала мне на эту стройку и сказала, что это строят большую тюрьму,

а выходя из электрички, обернулась ко мне и сказала то, что я больше всего запомнил: «А ты не хулигань. А то тоже в тюрьму сядешь». Я сразу же вспомнил все поводы, по которым меня могли посадить, и драку с бонами после «Русского марша» в 2008 году, когда я ранил одного бона ножом.

Вечером я уже перевёз все вещи и стал приходить в себя после жизни в Колпино. Впереди виделась перспектива работы и аренды комнаты в Питере, но моим планам не суждено было сбыться...

Глава 46. Арест.

Начав жить у своего друга, я начал работать в ночные смены, чтобы накопить денег на аренду комнаты. Вернувшись утром 3 ноября домой после очередной смены, я лёг спать. На следующий день в Питере должна была состояться большая антифашистская демонстрация «За город без фашизма», и я специально взял себе смену не в ночь перед акцией, а за день до неё, чтобы успеть выспаться. Проснулся я в обед оттого, что кто-то сильно стучал в дверь. Кроме меня в квартире было ещё два человека, а мой друг — хозяин квартиры — был на работе. Мне сказали, что кто-то закрыл дверной глазок бумажкой и стучит в дверь. У нас появилось несколько вариантов: это были или пьяные гопники, или боны, которые хотели заранее помешать проведению завтрашней акции, или менты, потому что утром при выходе из дома к моему другу подходили какие-то люди и спрашивали у него документы, но задержать моего друга им не удалось.

Мы втроём решили не открывать дверь и сидеть тихо, время от времени связывались по телефону с товарищами, сообщали ситуацию. Мне сразу вспомнились события 2006 года, когда перед саммитом Большой Восьмёрки я по ошибке открыл дверь, в результате чего был посажен на 10 суток. И вот теперь почти такая же ситуация — я на вписке в квартире, скоро большая акция протеста, хозяина дома нет, я знаю, что

утром менты пытались задержать кого-то возле этого дома, понимание того, что долго мне не продержаться, потому что дома практически нет еды, и упрямые стуки в дверь. «Очень много совпадений», — подумал я, но старался не подавать виду, чтобы у остальных двоих не возникла паника. Мы разговаривали между собой шёпотом и старались не маячить у окон. Те, кто был за дверью, отключили в квартире электричество, и к вечеру мы уже сидели в темноте. По телефону наши товарищи нам сообщали, что уже позвали нескольких правозащитников и группу поддержки. Все считали, что менты пришли только для того, чтобы помешать проведению завтрашней акции, но интуиция мне подсказывала, что они пришли только за мной, и пророчество женщины из электрички сбывается. Я уже хотел попробовать сбежать через окно, но отказался от этой идеи, потому что я понимал, что по улице, скорее всего, уже ходят менты в штатском. Оставалось только надеяться на группу поддержки, которая всё никак не подходила. В конце концов, люди за дверью стали кричать, что они будут выламывать дверь, если мы им не откроем. Я стал звонить своему другу, чтобы они поторопились, потому что ситуация накаляется. Люди за дверью стали спиливать железную дверь болгаркой, я увидел искры, летящие от входной двери, а через несколько секунд в нашу тёмную комнату уже стали поступать лучи искусственного света из-за выламываемой двери. Менты стали бить по двери кувалдой, и раздался крик: «Всем лежать лицом вниз, руки за голову». Мы втроём кое-как поместились лёжа на полу маленькой комнатки, и сразу же в квартиру вбежали несколько человек. Менты громко ругались и матерились из-за того, что мы не открывали. Один из нас спросил, есть ли у них ордер на обыск, за что мент просто пнул его ногой в бок и сказал: «Вот мой ордер!» После этого он произнёс моё имя и спросил кто это. Я сказал, что это я. Он поднял мою голову, чтобы посмотреть на моё лицо, и сказал: «Пиздец тебе». Я сразу понял, что интуиция меня не обманула и завтрашняя акция здесь не причём.

В квартире включили свет, и в комнату зашла женщина в форме следователя. «Ну что? Здесь он?» — спросила она у ментов в штатском. Менты ей показали на меня, после чего нас всех подняли и поставили в разных углах комнаты лицом к стене, начался обыск. В этот момент в квартиру вернулся мой друг вместе с группой поддержки, правозащитниками и адвокатом. Они стали ругаться с ментами, после чего всех их, кроме хозяина квартиры, отгеснили на лестничную площадку, а моему другу разрешили присутствовать во время обыска. Я стоял лицом к стене и пытался придумать, как выпутаться из ситуации, хотя в силу того, что я был голодным и невыспавшимся после ночной смены, мне давалось это трудно. Когда мне менты намекнули, что они меня уже давно искали по поводу драки у Сенной в 2008 году, у меня уже не оставалось сомнений в причинах этого обыска. Непонятно мне было другое: как они узнали моё имя, но не знали мою внешность, и почему, когда они узнали имя другого вписчика, они решили и его проверить, хотя в 2008-м году я вообще не был с ним знаком. Я слабо помню, как именно проходил обыск, в том числе и потому, что всё время я стоял лицом к стене и слушал. Из разговоров я и понял, что меня долго искали, и человека, пнувшего того, кто спросил про ордер, зовут Вася. С этим самым Васей мне предстояло ещё не раз встретиться в будущем... Когда менты обыскали квартиру и все сумки, меня и ещё одного вписчика вывели из квартиры и посадили в разные машины. Пока меня вели до машины, ко мне подбежала правозащитник и спросила, не знаю ли я, куда меня везут, я ответил, что не знаю. Была уже ночь, и меня повезли куда-то в совершенно другой район, не на машине милиции, а на обычной машине с обычными номерами. В этой машине ехали я, следователь и два опера в штатском, в том числе и тот самый Вася. По дороге они советовали мне вспомнить, по какому именно делу они меня арестовывают, но я упорно отвечал, что ничего не понимаю.

Мы подъехали к какому-то зданию в центре города, зайдя туда, я сразу оценил это красивое архитектурное сооружение с

огромным холлом и здоровенной люстрой под расписным потолком, по бокам украшенным лепниной. Впереди была большая парадная лестница, расходящаяся двумя крыльями вправо и влево, а между этими лестничными крыльями находилась стойка со знаменем Российской Федерации. Я не понимал, что это за здание, на обычный отдел милиции оно явно не было похоже, скорее, на гостиницу или центральное управление ФСБ. «Точно. Центральное управление... Может, это и есть тот самый отдел по борьбе с экстремизмом, больше известный как отдел “Э”?» — я всё пытался понять, куда меня привезли.

Мы поднялись на верхний этаж, и меня завели в какую-то комнату, где на стенах висели флаги различных нацистских движений. Меня посадили за стол, и один из оперов стал мне рассказывать про нашу драку 4 ноября 2008 года во всех подробностях. Он называл даже некоторые имена, и поэтому я сразу понял, что меня кто-то сдал. Он предлагал мне написать явку с повинной, но я отказывался, и тогда он время от времени выходил из комнаты, и ко мне по очереди заходили другие люди в штатском и тоже говорили про эту драку и про явку с повинной. Я, пытаясь не заснуть, стал размышлять и постепенно поверил в то, что меня уже ничто не спасёт от того, что меня посадят, потому что менты знали всё во всех подробностях. Но я понимал, что самое плохое, что я могу сделать, — это сдать других, поэтому я сразу исключил для себя такую возможность. Я решил взять всё на себя и согласился написать явку с повинной, а менты к этому времени были уже пьяными — заранее отмечали день национального единства. После того, как я написал явку, меня отвезли в какое-то отделение милиции, где я провёл оставшуюся ночь и пробыл до вечера следующего дня. А вечером в отделение привезли одного свидетеля от бонов, и уже какая-то другая следователь — не та, что была на обыске — сказала, что сейчас будет опознание и очная ставка. Мне уже было всё равно, что сейчас будет, я просто хотел есть, пить и спать. Естественно, этот свидетель меня опознал, хотя

я этого свидетеля видел впервые. И только на этой очной ставке я узнал, что тот бон смог после драки дойти только 300 метров до метро, а потом ему вызвали «скорую». У него было два ножевых ранения, одно было в двух сантиметрах от сердца, другое попало в лёгкое. С этими ранениями он пролежал в больнице две недели. Перед опознанием я успел только уговорить ментов из отделения позвонить знакомым и сообщить, где я нахожусь, и уже после опознания и очной ставки ко мне в отделение пришёл знакомый и принёс еды и питья. Вечером меня опять повезли куда-то. Когда меня вывели из машины, и мы вошли в какое-то здание, оно мне показалось знакомым — везде были решётки, железные лестницы, по бокам которых вплотную были прикручены слои рабицы. Это был изолятор временного содержания, в котором я уже сидел 10 суток в 2006 году. Охрана забрала у меня часть еды и питьё под предлогом, что это запрещено. Потом меня отвели в одну из камер, не давая матраца и белья, — обычно их дают, тем, кого собираются держать здесь больше недели. Я постелил на нары свою куртку и попытался заснуть. Проснулся я от того, что ко мне в камеру завели какого-то мужика, у которого были и книги, и матрац, и туалетные принадлежности. Он меня спросил, по какой статье меня взяли.

— 111, часть 3, — ответил я, потому что знал только номер статьи.

— Тебе надо перебивать статью на другую или хотя бы на первую часть статьи перебить дело.

— А как это делается?

— У адвоката спросишь. Но перебить надо, потому что различия очень существенные получаются, — мне было сложно понимать его, потому что на тот момент я ещё не начал читать кодексы и не знал, какие есть ещё статьи, и чем различаются разные части одной статьи.

Но как это можно сделать, я пока не знал. Во второй половине дня меня повезли на суд. Там следователь попросила, чтобы меня взяли под стражу на время следствия,

и судья, впечатливший меня своим скоротечием, удовлетворил её ходатайство. В СИЗО меня повезли уже вечером.

Глава 47. СИЗО.

Меня завели в какое-то подвальное помещение и посадили в клетку. Здесь кроме меня были только несколько сотрудников в синей камуфляжной форме и один человек в чёрной форме зека. Зек мыл пол, а сотрудники возились с моими бумагами. Потом меня позвали и стали меня обыскивать, но у меня ничего с собой не было, кроме моей одежды и нескольких печений, которые остались со вчерашнего дня. Всё остальное, в том числе мобильный телефон, у меня забрала следователь ещё во время обыска, поэтому здесь у меня забрали только паспорт. После обыска меня повели в какое-то мрачное помещение с тусклым светом, влажными кирпичными стенами и низким арочным потолком. Мне сказали, что я должен там раздеться и помыться. Мне дали маленький десятиграммовый кусок мыла и маленькое вафельное полотенце. Я быстро разделся и пошел под душ. Горячей воды не было, и мне пришлось мыться только холодной водой, ополоснувшись и вытеревшись этим малюсеньким полотенцем, я ещё быстрее оделся, чтобы не заболеть от холода. На выходе из этой комнаты уже лежал скрученный матрас с подушкой, постельное бельё, алюминиевые кружка, ложка и миска. Я взял всё это, и меня повели на этаж выше. Я изо всех сил старался удержать все эти вещи в руках и не уронить. Поднявшись на первый этаж, мы прошли через две решётки, возле каждой из которых нужно было остановиться, встать лицом к стене и подождать, когда откроют дверь. Меня подвели к двери камеры и открыли сначала одну дверь, а потом и решётку, которая отделяла эту дверь от помещения камеры. Я зашёл в камеру и поздоровался со всеми. Меня сразу спросили, какая у меня статья.

— 111, часть 3.

— Ого. Ты что, Брюс Ли что ли? По тебе не скажешь. Или просто ножом порезал?

— Ножом порезал.

Мне показали свободную шконку на втором ярусе. Ужин уже прошёл, и я был голодным, поэтому спросил у всех, есть ли что перекусить. Мне предложили картошку, которую давали на ужин, и заварили крепкий чай. Я поставил на стол свой пакет с печеньем. Один из обитателей этой камеры спросил меня, нет ли у меня наркотиков, я ответил, что не употребляю. Когда мы пили крепкий горький чай, передавая кружку по кругу, мне рассказали, что я нахожусь в так называемом карантине. Здесь я буду от одной до двух недель, и у меня будут брать отпечатки пальцев, анализ крови, сделают флюорографию, а также будут решать, в какую камеру меня переводить. Также мне рассказали основы поведения, например, если я иду в туалет, я должен точно знать, что в это время никто ничего не ест и не пьёт. Если же кто-то ест, то нужно подождать, когда он доест, а потом только пойти. Если же совсем невтерпёж, то нужно попросить того, кто ест, на время остановиться, и сходить в туалет. Всего в камере вместе со мной было десять человек, ровно столько же было спальных мест. Большая часть сидельцев этой камеры состояла из мусульман, и несколько раз в день они читали намаз. Когда настал вечер, сверху раздался громкий стук — постучали три раза. Один человек встал у двери и стал смотреть в маленькую щёлку, а другой взял пластиковую палку, оторванную от пластикового окна, и залез повыше к окну. Всего в камере было два окна, и на обоих были приварены решётки внутри и снаружи, а между этими решётками были пластиковые стеклопакеты. На конец палки была прикреплена ложка, согнутая в виде крючка. Этой палкой, которую называли «удочкой», через решётку затянули внутрь верёвку, к концу которой был привязан груз в виде камешка, завёрнутого в целлофановый пакет и бумажка. Один из нас развернул эту бумажку и стал вслух читать, что там

написано: «Доброго времени суток, братва. Мир дому нашему общему. Не сочтите за наглость, но хотим мы братана своего с днём рождения поздравить. Порядочный арестант. Но передача нам только завтра должна прийти. Если есть возможность, помогите насущным. С искренним арестантским уважением, хата», — и номер камеры. Все стали обсуждать, что у нас есть, и что мы можем им отправить. В целлофановый пакет насыпали чай, в другой пакет завернули сигареты, привязали к этой верёвке и постучали в потолок три раза. Через какое-то время сверху раздалась стучалка в ритме футбольной кричалки, мы ответили точно такой же стучалкой в потолок.

На следующий день после пробуждения мы услышали звонок в коридоре, и все начали закатывать брюки до колен и снимать футболки и носки, мне сказали делать то же самое. Дверь камеры открылась, и мы все вышли в коридор, выстроившись в два ряда. Перед нами стояло несколько сотрудников в синем камуфляже, большая кавказская овчарка и врач. У одного из охранников была в руках огромная деревянная киянка. Вид этой киянки был такой суровый, что я даже не обращал внимания на всех остальных. Тот, кто последним вышел из камеры, начал доклад: «Здравствуйте, гражданин начальник. В камере номер 7 десять человек. Жалоб, заявлений нет. Дежурный Иванов». Затем человек с киянкой сказал всем встать лицом к стене и зашёл в камеру вместе с дежурным. Я слышал, что он спрашивал его, где у нас лежит «удочка», и говорил, чтобы дежурный её отдал. Дежурный сказал, что не знает никакой удочки, тогда человек с киянкой сам залез на окно и нашёл там спрятанную «удочку». Он вышел из камеры и кинул «удочку» в мусорный бак, а нам сказал заходить обратно в камеру. Это не был плановый обыск, это была обычная утренняя проверка. Как оказалось, большая киянка нужна только для того, чтобы ударами по решётке на окне определить хорошо ли она держится на стене и не откручена ли. А про удочку они, скорее всего, узнали потому, что они иногда ходят по улице и

смотрят, от какой до какой камеры тянутся верёвки... Дверь камеры закрыли, и все, кто был в коридоре, пошли к следующей камере. А мы стали думать, из чего теперь сделать новую удочку. Размышления продолжились, когда мы пошли на прогулку до обеда. Всех вывели в небольшой треугольный дворик, вход в который был в одной из вершин этого треугольника. Напротив входа была железная скамейка, у входа железная урна, а на потолке решетка из арматуры, сверху которой дополнительно была положена мелкая рабица. Мы вдесятером гуляли в дворике в виде равнобедренного треугольника с высотой примерно пять шагов. Я и ещё один пожилой таджик решили не терять зря время прогулки и стали отжиматься от скамейки.

К вечеру я уже точно знал распорядок дня в этой камере. Утром сначала завтрак, потом утренняя проверка, на которую выходят с оголённым верхом, в обуви, но без носков и с закатанными до колена штанами. Потом прогулка в дворике, продолжительностью один час, потом обед. После обеда и до ужина делай, что хочешь, общайся, играй в домино или ещё что-то, читай и тому подобное. Вечером сначала ужин, а потом вечерняя проверка, на которую уже можно выходить одетым, а потом отбой.

На следующий день меня и ещё двоих вызвали на сдачу крови и дактилоскопию. После спокойной сдачи крови нас позвала какая-то нервная тётка, которая снимала отпечатки пальцев. Она сначала проводила по разным пальцам моей руки роликом, потом прижимала пальцы к бумаге. Когда она прикладывала пальцы к бумаге, она постоянно на всех кричала, чтобы расслабили руку. Я изо всех сил старался расслабиться, но у меня это не получалось. И это ещё сильнее злило эту тётку, но потом другой зек в чёрной робе мне сказал, что она всегда такая, и не одна она выпускает свой пар на тех, кто здесь сидит. Я заметил, что в этом заведении работает много людей, у которых на лице написано, что у них масса комплексов неполноценности, которые они компенсируют наличием власти над арестантами. Потом нас

двоих сфотографировали для личного дела с табличками, на которых была написана фамилия, инициалы и дата рождения. А когда мы вернулись в камеру, сотрудники выяснили, что я и ещё один таджик вообще не должны сидеть в этой камере. Как оказалось, вместе не сажают не только первоходов (которые впервые сидят) с рецидивистами, но и стараются не сажать людей с насильственными статьями, типа нанесение телесных повреждений или убийство, вместе с людьми, арестованными по «наркоманским» статьям. Тогда ближе к вечеру меня с этим таджиком, которого подозревали в убийстве мента в Таджикистане, перевели в соседнюю камеру. В этой камере было не десять мест, а восемь, и стены были не такими обшарпанными. Вместе с нами посадили ещё одного человека, которого подозревали в убийстве. Нас обрадовало только то, что в камере стоял радиоприёмник, на полке стояло несколько книг, а унитаз был не в виде скалы, а нормальный, как в обычных квартирах, только вместо сливного бачка труба с краном. Ещё одно правило, касаемо хождения в туалет, — это сначала нужно включить воду, чтобы она сразу смывала всё, а потом только начинать делать всё, что собирался. И только после всего этого нужно закрыть воду и идти мыть руки.

Глава 48. Неожиданная встреча.

На следующий день двери камеры открылись, и сотрудник назвал мою фамилию. Я сказал, что это я, и он сказал мне выходить, но без вещей. Я вышел, и меня повели на третий этаж в какой-то кабинет. В кабинете меня ждал тот самый опер из центра «Э», который был и на обыске, тот самый Вася. К этому моменту я уже знал его фамилию и звание — капитан Трифан. Я никак не ожидал его увидеть и приготовился к худшему.

— У нас есть информация о твоём участии ещё в нескольких драках, так что скоро мы ещё увидимся.

Потом он стал меня расспрашивать про разных активистов. Я про всех говорил, что не знаю таких, тогда он

мне пообещал, что покажет мне фотографии, на которых я вместе с этими активистами на одной акции, но я сказал, что такие фотографии мне ни о чём не говорят. И в конце разговора он сказал, что недоволен результатом нашего разговора, после чего меня отвели обратно в камеру. А через несколько минут меня опять позвали и повели уже в другой кабинет. Там сидел какой-то мужик в штатском, я сначала подумал, что опять какой-то опер, но он представился адвокатом. Я спросил, откуда он, и адвокат назвал имя моего знакомого правозащитника. Адвокат сказал, что сейчас мне предъявят обвинение и переведут в камеру на верхнем этаже. Сказал, что написание явки с повинной было моей ошибкой, хотя я к этому моменту и сам это понял. Поэтому он предупредил меня, чтобы я с этого момента всегда ссылался на 51-ю статью Конституции и ничего не говорил на допросах. На самом деле, это самый лучший вариант, особенно в самом начале, признаваться никогда не поздно, но часто бессмысленно. Поэтому самое плохое, что можно сделать — это сдать своих, чуть получше — признаться самому, а самое выгодное — просто сослаться на 51-ю статью Конституции и в течение всего следствия просто ждать и наблюдать, после чего уже выстраивать свою версию. Я ему рассказал, что только что ко мне приходил опер и спрашивал у меня про различных активистов. Адвокат предположил, что этот опер попытается испортить мне жизнь в этом изоляторе, но пообещал, что всеми силами помешает ему это сделать. Ещё он сообщил, что мне уже сделали передачу, и мне её скоро принесут. Всё это дало мне надежду, потому что с самого задержания я почти ничего не слышал от своих товарищей, но верил, что они меня ищут и скоро начнут мне помогать, хотя эта вера постепенно таяла, но теперь она окрепла. А когда человек теряет надежду, он медленно умирает. В комнату вошла следователь в мини-юбке, и я сразу подумал, как жаль, что такая красавица работает на систему. Мне дали обвинительное заключение, в котором указывалась статья 111, часть 3 (нанесение тяжких телесных повреждений

группой лиц по предварительному сговору). Адвокат сразу сказал, что мы будем пытаться перебить статью на более лёгкую. Я вернулся в камеру, и почти сразу мне принесли передачу, в которой было всё самое необходимое: тапочки, электрокипятильник, нормальное полотенце и еда с большим сроком годности. Всё это время я скрывал от сокамерников свои политические убеждения, и когда меня спрашивали про причины драки, я просто говорил, что поругались на улице и подрались. Я скрывал это с целью избежания ненужных разговоров и провокаций.

Через несколько дней, 13 ноября вечером меня позвали с вещами на выход. Я собрал вещи; чтобы легче было нести матрац, я в этот раз перевязал его простыней. Меня повели на верхний этаж и открыли двери камеры и решётку. Я прошёл внутрь и поздоровался. Передо мной встали несколько человек, один из них был в футболке «Outlaw Heroes Standing» — новомодной нацистской фишки, представляющей собой что-то вроде культуры хардкорщиков с их экологическими идеями, идеями sXe, защиты животных и танца, но с прибавлением ультраправых идей. Как и многое другое, это было не более чем культурным плагиатом. Ведь если вспомнить историю, у нацистов очень мало своего, они чаще забирают какие-то модные направления и прибавляют к ним свои идеи о превосходстве одной расы или национальности над другими. Так было и со свастикой, которую фашисты забрали у буддистов, и со скинхедами, которые изначально были аполитичной субкультурой. А в 2010-м году нацисты нередко стали доходить до маразма и создавали группы наци-рэпа, наци-sXe, наци-веганов и даже наци-автономов и националистического Чёрного блока, который всегда был анархическим и назывался по цвету анархического знамени, а автономами обычно называли участников анархо-коммунистического движения «Автономное действие». И данная футболка также была обычным плагиатом идей. Но в моей ситуации это меня не утешало.

Из-за его спины вышел широко улыбающийся высокий

бородач со словами: «Да ладно. Здорово. Ну, вот мы и встретились. Узнал меня?»

— Нет, — я старался не нервничать.

— Я Веганист. Слышал о таком?

— Слышал.

— По какой статье заехал?

— По 111-й.

— Что, бона толпой порезали? — ухмыляясь, спросил Веганист.

— Не толпой, — ответил я.

Меня внимательно рассматривал огромный мускулистый узбек и тот таджик, с которым я был в карантине, а его подняли на пару дней раньше. Все, кто был в камере, очень заинтересовались, когда Веганист им сказал, что я антифашист. Он о чём-то пошептался с другими, потом мне показали на свободное место на третьем ярусе. Я сразу заметил, что в камере много нерусских, и Веганист с ними, скорее всего, в хороших отношениях. Он позвал меня, и мы присели на шконку в уголке от всех и стали общаться. Он сразу озвучил и мою мысль, что менты не просто так посадили нас вместе, поэтому, чтобы не поддаваться на их провокацию, нам лучше избежать политических дискуссий. Веганист пожаловался мне, что здесь просто невозможно жить вегану, потому что в каждой баланде (тюремной еде) всегда есть малость животного происхождения. Максимум, что здесь возможно, это придерживаться вегетарианства. Потом он стал мне рассказывать основные правила поведения: никогда ни с кем нельзя спорить, максимум можно спорить без интереса. Именно без интереса, а не «просто так». Обязательно нужно соблюдать личную гигиену, после еды всегда мыть свою посуду. Всё, что происходит в камере, не должно выходить за её пределы. То есть никому никогда нельзя рассказывать, что здесь происходит. Если будут спрашивать, давал ли девушке себе минет делать, лучше сказать нет, потому что если скажешь да, то окажется, что после этого ты свою девушку в губы целовал, а значит сам

себе минет делал. Во время нашего общения по телевизору шли новости, и показали акцию у магазина «Буквоед» в Питере. Сегодня была пятая годовщина убийства антифашиста Тимура Качаравы. Веганист показал мне в телевизор и сказал: «О. Смотри! Совпадение какое, что именно в этот день тебя подняли».

Глава 49. Недружественные хаты.

На вечерней проверке мне сказали, что закатывать штаны не надо, только футболку снять. Потому что раньше закатывать штаны вообще не надо было, а теперь непонятно зачем ввели это новшество. Многие сходились во мнении, что таким образом администрация СИЗО постепенно навязывает свой режим, и чтобы не давать ей перекрывать воздух арестантам, нельзя соглашаться на закатывание штанов. Многие арестанты нашли компромисс и стали носить не штаны, а шорты. Остальные просто не закатывали штаны, и чаще всего сотрудники изолятора на это не обращали внимание. В отличие от камеры карантина, здесь было не 8 мест, а 15 в три яруса, и все места были заняты. У стены был общий стол, рядом с которым была тумбочка с телевизором. И тумбочка, и телевизор не были установлены здесь по инициативе администрации. Все «затягивалось» через родных и друзей с воли самими арестантами. Обычно просто, когда к кому-то приходили на свидание, которое длилось 1 час, арестант просил родных связаться с администрацией изолятора и передал на его имя телевизор. Иногда это делали через посылку.

В камере было два прохода, в котором жили две «семьи», у каждой свой общак, свой обеденный стол. Иногда, когда одна семья в чём-то нуждалась, она могла попросить другую. Так жили много камер, но не все. В каждой камере своя жизнь. Ещё одно отличие с карантином — это наличие кроме раковины душевого поддона, только без душа. Здесь можно было стирать одежду и иногда мыться из ведра, в котором

предварительно грелась электрокипятильниками вода. В остальном всё то же самое. Раз в неделю смена постельного белья (белая наволочка и две белые простыни). На следующий день, когда мы пошли гулять, я сначала подумал, как же мы поместимся в этих малюсеньких двориках. Но потом нас повели в какой-то другой прямоугольный дворик с такой же скамейкой и железной урной. Здесь уже было более просторно, и на потолке была более крупная рабица, а в двери был глазок, в который можно было даже увидеть, кто гуляет в дворике напротив через такой же глазок в противоположной двери. Здесь постоянно были крики — арестанты перекрикивались между собой на разных языках. Пока человек не осудится, его запрещено садить с подельниками в одну камеру, вот и приходится им общаться перекрикиванием в двориках. Веганист встал посередине дворика и стал кричать номер какой-то камеры. В окне через решётку я увидел человека в майке. Веганист взял меня и поставил рядом с собой.

— Знаешь, кто это? — крикнул он, показывая на меня, после чего крикнул моё имя, которое уже было знакомо тем, с кем он перекрикивался. Я это понял потому, что почти сразу после этого через решётку они стали мне вскидывать правую руку в своём дурацком приветствии.

Потом он рассказал мне, что это камера, в которой сидят только боны, среди которых в том числе и те, кому светят большие сроки вплоть до пожизненных. Присутствие такого контингента я заметил и по обилию нацистских надписей, нацарапанных на железных дверях дворика. Боны из-за решётки стали кричать, защищал ли я пидарские марши. Я крикнул, что таким не занимался. Когда мы вернулись в камеру, здоровый узбек спросил меня, что такое они мне кричали про пидаров? Я ответил самую выгодную правду — в движении есть такие, но я к ним не отношусь. А Веганист мне тогда объяснил, чтобы я не боялся подобных провокаций, если я на самом деле не занимался этим. Потому что просто сказать какой-то слух здесь не катит, здесь за каждое слово

можно ответить. И если кто-то скажет про тебя слух, который он не сможет ничем подтвердить, то ему же будет хуже. Именно поэтому всем, кто недавно заехал в тюрьму, рекомендуют больше слушать и наблюдать за другими, а если что-то не понятно, лучше сразу поинтересоваться. Веганист мне заодно посоветовал, что если меня будут переводить в другую камеру, чтобы я запомнил номера камер, в которые мне заходить ни в коем случае нельзя: это та самая камера бонов и особенно камеры обиженных. «Обиженные» — это самая низшая масть в тюрьме, иногда их ещё называют «петухами», но слово «обиженные» используется чаще. Поэтому никогда нельзя употреблять слово «обижаться» и однокоренные с ним слова в «вольном» смысле. В тюрьме и на воле эти слова имеют разные значения. Те случаи, в которых на воле говорят «обидеться», в тюрьме лучше подходит «огорчиться». К обиженным чаще всего попадают, когда не могут отдать долг от игры или спора, либо по собственной глупости и незнанию, как, например, в разговоре про минет самому себе, про который меня предупреждал Веганист. У обиженного нельзя ничего брать, ему можно только дать, но без возврата. Обиженные не имеют доступа к чему-то общему, у них есть только своё личное. Поэтому они и сидят в отдельных камерах, просто чтобы случайно или не случайно не задеть чью-то посуду, стол или даже предметы личной гигиены. Веганист меня предупредил, что если меня приведут к одной из этих камер, я должен буду отказаться туда заходить, а в крайнем случае, если меня будут туда заталкивать, нужно достать лезвие, которое заранее вытаскивается из бритвенного станка и вскрывать себе либо низ живота, либо руки, но так, чтобы крови было много. Тогда меня сначала положат в лазарет, а потом отведут в нормальную камеру, потому что администрация может легко получить взыскания, иногда даже серьёзные, в случае смерти арестанта.

Глава 50. Новая профессия, новые уроки.

Мне предстояло ещё очень многому научиться, чтобы не совершить ошибок, находясь в этом месте. Через какое-то время мне уже и самому резало слух слово «камера», которое используют только менты. Сам я использовал только слово «хата». Постепенно мой лёгкий шок от посадки стал проходить, и я стал осваиваться в новой обстановке, постоянно сравнивая взгляды порядочных арестантов с анархическими. Я даже стал привыкать к распорядку дня этого заведения. Большую часть времени я читал книги, чтобы не терять время зря, а развиваться духовно. На прогулках занимался спортом. От скудной еды я особо не страдал. Я даже отказывался от завтрака, потому что не мог есть эту кашу, зато обеденный суп и второе (а потом ещё одно второе) на ужин брал, каждый раз следуя примеру Веганиста, напоминая баландёру (рабочему зеку, раздающему баланду), что мне нужно накладывать без мяса. На каждый день каждому арестанту полагалось по трети булки хлеба, чего тоже всегда хватало, особенно когда кроме этого хлеба был ещё и вольный хлеб, полученный через тюремный магазин или передачи.

Через несколько дней отдыха мы всем коллективом хаты решили распределить обязанности между всеми. Меня и одного молодого гопника поставили на палево, один таджик согласился заниматься уборкой, кто-то взял на себя брать на всех баланду, чтобы все не толпились возле двери, несколько человек взяли на себя другие обязанности. Моя задача состояла в том, что я вместе с другим молодым договаривался, чтобы в течение дня разбивать время поровну и стоять своё время возле двери, смотреть в щёлку и внимательно слушать. Я должен был услышать, когда открывается локалка (так называется эта решётка, в коридоре возле которой надо было останавливаться и ждать, когда мент откроет решётку). Мне надо было знать всех мусоров по их должностям и прозвищам, поэтому я стал учить кто такой

корпусной, режимник, опер. И самое главное я должен всех заранее предупреждать, когда к двери хаты подходит мусор. А если он открывал дверь, я должен был громко всем сообщить, что дверь открывается, для того, чтобы если кто-то в это время спал, успел проснуться, чтобы не попасться за нарушение режима. Если мусор или рабочий зек открывал кормушку (маленькую форточку в двери примерно 40 на 30 сантиметров), первый, кого он видел, это был я, поэтому, если принесли кому-то передачу, письмо или кого-то вызывали куда-то, то мне говорили фамилию, а я уже громко называл эту фамилию всем или просто звал того, чью фамилию назвали. С такой обязанностью время пошло чуть быстрее. В перерывах между стоянием на палеве я продолжал читать или играл с другими в домино без интереса.

Однажды к двери подошёл опер, которого я уже мог узнать по кусочку одежды через тоненькую щель. Я заранее всех предупредил, что он идёт в нашу сторону, и когда он стал открывать дверь, все уже готовы были встать — по правилам, когда в хату входил мусор, все должны были встать со своих шконок и стоять на полу. Опер услышал, как я всех предупредил:

— Что, антифашист, на палеве уже стоишь? — улыбаясь спросил он.

Я ничего не ответил. Опер молча оглядел всех и вызвал одного из тех, кто уже давно сидит в этой хате. Все переглянулись. Веганист сразу позвал меня и стал рассказывать, как себя вести, если вызывает опер:

— Если вызовет, помни, что ты ничего ни про кого не знаешь, и кто чем занимается не смотришь. Просто сидишь и ждёшь или телик смотришь. И обязательно запоминай, что у тебя опер будет спрашивать, потому что все, с кем ты сидишь, должны быть в курсе, о чём ты с ним разговаривал, и не пытайся что-то скрыть — не получится. Всё равно узнают, что ты скрываешь, а когда узнают, тебе же хуже будет оттого, что скрыл что-то. Всё понял? — серьёзно спросил Веганист, глядя мне в глаза.

— Всё понятно.

— И если тебя вдруг переведут в другую хату, никогда не рассказывай, что происходило здесь — это относится ко всем хатам: всё, что говорится или происходит в хате, должно оставаться в ней.

Я ответил, что понял, и Веганист закончил свою лекцию словами: «Смотри, я тебя обо всём предупредил. Потом не говори, что не знал».

Опер вернулся в хату и привёл того, кого вызвал. Он показал пальцем на ещё одного, и все опять переглянулись, а тот, кого он первым вызывал, спокойно улыбался. Когда дверь закрылась, все у него поинтересовались, что же хотел опер. Оказалось, что он просил его просто присматривать за мной и Веганистом, чтобы мы «не порезали друг друга ночью».

— Ты меня не будешь резать? — сразу спросил Веганист.

— Да я не собирался даже.

— А то опасные вы, антифашисты.

Все над этим посмеялись, потому что сложно было представить, что я, низкий и лёгкий, нападу на Веганиста, которому я по грудь. Подобный юмор был единственным вариантом, когда мы с Веганистом затрагивали тему своего идеологического противостояния на воле.

В тюрьме не приветствуется разделение людей на расы и нации, но и за нацистские взгляды предъявлять не будут, если эти взгляды не мешают жить остальным. Здесь судят, прежде всего, по поступкам, а какие у тебя убеждения — это твоё дело. Конечно, отношение к тебе могут сформировать по тому, как ты мыслишь, как себя ведёшь, но это будет просто отношение и не более. Никак наказывать или спрашивать за взгляды никто не будет, потому что это тоже не приветствуется. Наказать могут именно за поступок, если, например, взял чужое без спросу, сдал кого-то мусорам, заставил кого-то несправедливо страдать физически (иначе говоря, избил без причины или даже сделал болевой приём для развлечения без согласия того, на ком ты его применил).

Также предъявить могут (и, скорее всего, так и сделают)

за то, что «западло». Все слышали это слово, но даже в тюрьме не все знают, что именно западло, а что нет. Поэтому про это слово нужно помнить простое правило — западло в тюрьме три вещи: «в жопу ебаться, голодным остаться и на вахту ломиться».

Теперь про эти три вещи подробнее. Первое — это всем понятно, что гомосексуальные отношения в тюрьме это западло. Про второе мне лично объяснили так: «В тюрьме у каждого есть своя пайка. Это та еда, которая тебе положена, и никто не имеет права её у тебя забрать, специально или по недоразумению. Если кто-то съел твою пайку или даже просто уронил её, в результате чего её стало нельзя употреблять, он оставил тебя голодным. А значит, ты можешь легко сказать ему, чтобы он восстановил твою положенную пайку. Где и как он будет её восстанавливать — это его проблемы. Если в срок не восстановит, будет наказан по всей строгости».

Третье западло означает, что в какую хату тебя посадили, там ты и должен сидеть, даже если не складываются отношения с сокамерниками. Для того, чтобы ломиться из хаты, нужны более веские причины. Например, если ты по незнанию зашёл в хату обиженных, но не успел ещё к чему-то прикоснуться, нужно из этой хаты ломиться. По поводу так называемых пресс-хат, в которых выбивают показания сами эки, у разных арестантов я слышал разные мнения и сделал вывод, что всё зависит от ситуации. Если попадаешь в такую хату, лучше даже не ломиться в дверь, а вскрываться, резать лучше руку, чтобы залить всё своей кровью, или внизу живота так, чтобы кишки было видно. Иначе говоря, это должна быть не царапина какая-нибудь, а реально серьёзная рана, хотя можно и не смертельная. А если ты начинаешь ломиться из хаты просто из-за личной неприязни, значит, ты считаешь всех обитателей этой хаты недостойными людьми. В этом случае ни у кого нет гарантий того, что тебе можно доверять, ведь точно так же ты можешь сломиться из любой хаты и, значит, все для тебя будут какими-то «не такими». Естественно такое твоё лицемерное отношение к

окружающим, мягко говоря, не прибавит тебе уважения.

Всё это я узнавал не сразу, а в ходе общения с более опытными арестантами. Конечно, первоходов не сажают с теми, кто уже не в первый раз сидит. Но бывает и исключения, когда сажают человека, у которого прошлая судимость была погашена, а значит, его посадили как «ранее не судимого». Такие арестанты, понятное дело, всегда более старшие по возрасту и научить они могут не только тюремной жизни, но и жизни вообще.

Глава 51. Встреча с терпилой.

Вечером после проверки я стоял у двери и слушал шаги. Корпусной начал обходить двери камер и возле некоторых останавливался и что-то говорил. Когда он подошёл к соседней камере, я услышал, что он называет фамилии тех, кому завтра с утра нужно ехать в суд. Он подошёл к нашей двери и назвал мою фамилию.

— Есть такой, — сказал я.

— Это ты? Завтра в 7:30 утра будь готов в суд ехать.

Корпусной пошёл дальше, а некоторые люди в хате сразу у меня поинтересовались, почему у меня так скоро суд. Я достал своё постановление о мере пресечения, и оказалось, что у меня просто заканчивается срок следствия.

— Ну, всё понятно. У тебя, скорее всего, продлили срок следствия и завтра будут продлевать срок заключения под стражей, если не отпустят, но вряд ли отпустят, — сказал самый опытный арестант.

На следующее утро я сразу после завтрака собрал все свои бумаги для суда и стал ждать. Дверь хаты открыл корпусной, и я вышел. Возле других дверей тоже уже стояли несколько арестантов с пакетами и разными документами. Всех нас повели вниз на первый этаж, и я снова увидел то помещение, в котором я сидел, когда меня только-только привезли сюда. Всех разделили на несколько маленьких камер, которые здесь называли «собачниками». В эти малюсенькие комнатки

забились по 15 человек, и было так же тесно, как в вагоне метро в час пик. Так нам нужно было простоять около двух часов, пока за нами не придет автозак. Время от времени дверь открывалась, и нескольких человек выводили по фамилиям. Всех сразу не выводили потому, что всем нужно было ехать в разные суды.

Когда почти всех уже вывели, в собачнике уже было свободно, и даже были места для сидения. Я сидел в этом собачнике и пытался не заснуть. Дверь открылась, и вызвали меня. Когда я вышел, я увидел опера Ваську из отдела «Э» и ещё одного опера, который всё время был с ним, как Чип и Дэйл. Они надели на меня наручники и вывели на улицу. Но меня повели не к автозаку, а к обычной машине этих оперов. Почему — мне было не понятно. Мы поехали в сторону суда, и по пути я догадался, что сразу после суда меня повезут на очную ставку с потерпевшим боном.

В суд мы приехали пораньше, когда ещё не было ни следователя, ни адвоката, ни судьи. Я сидел на одной скамейке, а опера сели напротив меня. Вася пытался меня сфотографировать, а я закрывал лицо рукой. Потом ему всё-таки удалось это сделать, и он успокоился, но я на это внимания не обратил, потому что привык к тому, что опера всё время пытаются кого-нибудь сфотографировать. Чуть позже пришли следователь и адвокат. Вместе с адвокатом пришли несколько моих знакомых, которых я больше остальных был рад видеть. Мы все зашли в зал суда, и меня завели в клетку, закрыли дверь и сняли наручники.

Я даже не помню, как проходил суд, потому что всё время я просто пытался не заснуть. А когда суд закончился и мне продлили срок содержания под стражей, мне опять надели наручники и вывели на улицу.

— Я приду к твоей очной ставке с потерпевшим, — сказал мне адвокат сразу после окончания суда.

Два опера, которые привезли меня в суд, посадили меня в машину, и мы поехали к Следственному комитету. Там я долго ждал, когда опера на улице найдут людей, похожих на

меня. Примерно через час они завели какую-то троицу таджиков и старательно объясняли им, что их не задерживают. Но когда следователь проверила их паспорта, оказалось, что они граждане Таджикистана и не имеют права участвовать в следственных действиях. Людей, которые хоть как-то на меня похожи, удалось найти только через три часа поисков.

Странно, но я плохо помню, как проходило опознание и очная ставка, только помню отдельные моменты. Помню, как терпила с маленькими туннелями в ушах зашёл в кабинет и сразу внимательно посмотрел на меня, а я не смог отвести взгляд от его татуировки на шее — лаврового венка. Он почти сразу опознал меня, и меня это насторожило. Как он смог меня опознать, если он меня не видел в 2008 году, а с ним разговаривал другой панк. Я решил, что он просто посмотрел на мою одежду, и раз я одет как представитель антифа, значит это я. Потом понятые ушли, и в кабинете остались только пара оперов, я, адвокат и следователь. Помню, как на очной ставке адвокат задавал терпиле много уточняющих вопросов, в результате чего тот путался в своих показаниях.

— Когда вас ударили ножом, что вы почувствовали? — вот этот вопрос адвоката меня впечатлил больше всего, и именно его я больше всего и запомнил.

У терпины от такого вопроса аж дар речи пропал, и он смог только еле-еле выдать из себя что-то невнятное. Когда вопросы закончились, все по очереди расписались в протоколе, и следователь с каким-то сочувствием смотрела на мои закованные в наручники руки. Она сделала копию протокола, и опер скрепил листы степлером.

— Им же нельзя так скреплять? — спросила следователь.

— Почему? Он вскрыться может, что ли?

— Да всё нормально. Можно так скреплять. А если я захочу вскрыться, то там более удобные вещи для этого есть, чем какая-то канцелярская скрепка, — я уже устал от всех следственных действий и хотел поскорее обратно в изолятор отдохнуть.

Адвокат ушёл почти сразу, а опер Васька посмотрел на меня и сказал, что скоро он соберёт информацию о моём участии в других драках, и скоро мы снова увидимся. Я его слова не принял в серьёз.

Мы вышли из здания Следственного комитета и сели в ту же машину, на которой меня везли в суд. Вася снова сидел за рулём, и мы ехали так, как будто правила дорожного движения вообще отменили, а когда мы доехали до тюрьмы, у меня оставался только один вопрос: «Как это мы умудрились так промчаться и никуда не врезаться?» Меня опять провели в собачники, в которых мне пришлось ждать около часа, пока меня не заберут в камеру. Когда меня всё-таки отвели — это было после ужина, — мой баул уже начали разбирать, потому что подумали, что меня уже отпустили. Так всегда делают, если кто-то уезжает на суд и не возвращается. Его оставшиеся вещи достаются нуждающимся. Все встретили меня с удивлением и вернули всё, что успели разобрать.

Глава 52. Начало давления.

К двери нашей хаты подошёл человек в форме опера. Только это был какой-то другой опер, не тот, который раньше к нам приходил. Он открыл дверь и назвал мою фамилию. Я вышел вместе с ним, и он меня повёл в какую-то комнатку со столом и двумя прикрученными к полу стульями. Этот опер сел напротив меня и представился.

— Как сидится? Чем в камере занимаешься?

— Да обычно сидится, как в тюрьме. Ничем не занимаюсь, сплю, читаю и телевизор смотрю.

— Я работаю вместе с оперативниками Центра по противодействию экстремизму ОРБ Санкт-Петербурга. У них есть данные о твоей причастности к другим эпизодам. Так что сидеть тебе ещё предстоит долго. Если хочешь облегчить себе участь, можешь мне рассказать про эти эпизоды.

— Я вообще не понимаю, о чём вы говорите.

— Здесь раньше уже сидел один из твоих

единомышленников. Так вот сиделось ему не очень хорошо. Зато врагов твоих здесь сидит очень много, и вероятность того, что ты с ними встретишься, может повыситься, — я ничего не ответил, и тогда он продолжил: — Короче, ты понял, если хочешь признаться, можешь меня вызвать через корпусного. И в твоих интересах, чтобы о нашем разговоре никто не узнал.

Он отвёл меня обратно в хату, и я пересказал наш разговор всем, кто со мной сидел, и тогда один из самых опытных сразу сказал: «Ну что, всё. Тебя на разработку возьмут. Не завидую я тебе, советую всё-таки рассказать адвокату своему».

И, как на заказ, через несколько минут в дверь постучал корпусной и назвал мою фамилию. Он повёл меня в комнату на первом этаже, в которой встречаются с адвокатом. Там сидел тот самый адвокат в дорогом свитере, которого наняли мои друзья.

— Привет. Тебе привет от друзей и письма они тебе передали, — он протянул мне пачку записок. — Ничего не хочешь передать им?

— Хочу. Ко мне сегодня приходил опер и предлагал написать явки с повинной на какие-то другие эпизоды.

Лицо адвоката мгновенно изменилось, он стал записывать всё, что мне говорил тот опер, и заодно его фамилию.

— На тебя могут оказывать давление, чтобы повесить на тебя другие эпизоды, и если мы ничего не будем делать, то у них это получится. Я составлю жалобу прокурору и Общественной Наблюдательной Комиссии. И на следующем суде по продлению срока об этом скажу. — Я внимательно слушал его и запоминал. — Скоро к тебе ещё придут для проведения судебно-психиатрической экспертизы, на ней скажешь, что всё уже рассказывал на допросах, а на все дополнительные вопросы отвечай «не знаю», «не помню» и тому подобное, а если опера ещё раз придут, говори, что без адвоката ты ничего говорить не будешь.

Мы попрощались, и я уже стал морально готовиться к

давлению со стороны оперов. В голове рисовались различные ужасы про приковывание наручниками к трубе, про закрытый противогаз и электрошокер, а также другие излюбленные мусорские методы раскрытия преступлений.

Когда я пошёл обратно в камеру, меня стали обыскивать, и рядом как раз стоял адвокат. У меня взяли записки от друзей с воли и сказали, что через адвоката передавать письма нельзя.

— Раньше же пропускали, — возразил адвокат.

— Раньше внимания не обращали. Пусть через почту письма пишут.

Я отдал все письма адвокату, и он пообещал, что всё отправят в конверте. Среди моих соседей по хате было очень много людей, которых, по их словам, забыли их друзья. Такие выводы они делали потому, что на воле они часто общались и тусовались вместе, а когда их посадили, то от друзей они уже давно не видели ни передач, ни даже писем. Такое окружение оказывало ещё большее давление на психику, и у многих наступало отчаяние, когда они понимали, что, попав в тюрьму, они остались совсем одни, без поддержки. Поэтому абсолютно любая весть с воли, пусть даже чисто символическая, сильно помогает избежать отчаяния и потери надежды. Когда понимаешь, что ты не один, что на воле есть хотя бы несколько человек, которые тебе помогают, ты продолжаешь бороться за себя и не сдаваться. Поэтому я рад, что правильно выбрал своё окружение в движении. Если у многих друзья — это те люди, с которыми они бухают и в клубы ходят, то у таких, как я, друзья — это товарищи по движению, в котором слово «солидарность» не пустой звук. Когда людей объединяют такие сомнительные вещи, как алкоголь, тусовки, деньги, то в сложной ситуации они легко отвернутся друг от друга, но когда людей объединяет общая идея, их единство более сильное. Многих арестантов бросают не только их друзья, но и жёны, по этому поводу обычно говорят: «Сел в тюрьму — меняй жену». Потому что редкая женщина дождётся своего мужа или парня, если его посадили

в тюрьму, особенно если она не знает, сколько ей нужно ждать. Что уж говорить о неизвестном сроке, если даже девушка знает, что ей нужно ждать парня из армии ровно год, всё равно часто бывает, что не дожидаются. Поэтому я сделал вывод, что мне повезло с друзьями и повезло, что я успел расстаться с Марго за пару месяцев до ареста, и у меня не было смысла думать на темы «дождётся ли?»

Глава 53. Давление продолжается.

Наша и другие хаты стали готовиться к Новому году. Все, у кого была такая возможность, связывались с родными и близкими на воле и заказывали разные вкусности, о списке которых мы договорились заранее. Большинство связывались по телефону, который в хату затащили через опера. И, так как опер знал о телефоне, он потребовал, чтобы этот телефон мне не давали. Я писал письма и отправлял их обычной почтой. Из-за того, что почта работает не очень хорошо, мне всегда делали скидку по времени, когда я смогу затянуть эти вкусности. Хотя я заранее сказал, что, так как скорость доставки письма зависит не от меня, я ничего обещать не буду, но постараюсь заказать у друзей всё необходимое, что можно передать в передаче. При этом я сразу предупредил всех, что не буду заказывать у своих друзей ничего мясного, в том числе колбасу, потому что это противоречит моим жизненным убеждениям и убеждениям моих друзей. Веганиста к этому времени уже перевели в другую хату, и я был единственным в нашей хате, кто не употреблял мясо. Все к этому отнеслись с пониманием и попросили, чтобы я тогда заказал побольше печенья и фруктов, что я и сделал. Во многих хатах тоже полным ходом шла подготовка к Новому году, а заодно к плановым обыскам в хатах, которые регулярно проводятся администрацией, особенно перед праздниками. Администрация СИЗО таким образом надеется найти в камерах заготовленную брагу, телефон, симку или ещё что-нибудь запрещённое.

За неделю до Нового года меня опять вызвали к оперу, но уже не в ту комнатку рядом с камерами, а другую, в отдельной части здания, где нет камер, а только разные кабинеты и столовая для сотрудников тюрьмы. Меня завели в кабинет с обычным окном с жалюзи, обычным офисным столом и стульями. На столе, кроме кучи документов и российского триколорного флага, стоял электрочайник. Словом, самый обычный кабинет опера. В кабинете меня уже ждал опер из отдела «Э» Вася и его помощник. Того опера, сотрудника СИЗО, в этот раз не было.

— Ну, привет. Я же говорил, что скоро мы снова встретимся? Помнишь? Про другие эпизоды с твоим участием, — Васька, улыбаясь, начал свою речь. — Может, ты сам мне всё расскажешь, как и когда ты ещё кого резал со своими друзьями? Так и тебе, и мне легче будет, — ничего более оригинального он, видимо, придумать не смог.

— Я без адвоката ничего говорить не буду, — я сразу приготовился отвечать одинаково на все вопросы опера.

— Адвоката? Я, кстати, давно уже с ним знаком. Он очень деньги любит. — Я сразу вспомнил дорогую одежду адвоката, но, чтобы оперу не удалось меня сломать, я старался не воспринимать его слова всерьёз. — Да он просто у твоих друзей и мамы денег побольше вытянет и никак тебе не поможет. Ты можешь только сам себе помочь, если признаешься.

— В чём? Я уже признался, — я сделал вид, что не понимаю его, тем более что я на самом деле не понимал, о чём он говорит.

— Шутить думаешь? Признаться в драке у метро в начале 2009 года. — В этот момент я аж дар речи потерял — он пытается на меня повесить участие в драке, о которой я впервые слышу.

— Я вообще ничего не знаю об этой драке.

— Про свой эпизод ты сначала тоже так говорил. Но потом же признался? И здесь тоже нет смысла отпираться. Твои поделщики всё рассказали, как ты резал и кого в тот

день. И потерпевший тоже тебя знает. Какой смысл ему врать?

— А какой смысл мне брать на себя то, чего я не делал? Когда эта драка была? — Вася назвал дату, и у меня поднялось настроение: — В этот день я работал на официальной работе по трудовой книжке, так что можете проверить.

— А мы ничего проверять не будем, — я никак не ожидал услышать это.

— Тогда я повторяю, что без адвоката я больше ни слова не скажу. Ведите меня обратно в камеру, обед скоро.

— Не пропадёт твой обед. Я прекрасно знаю, что оставлять тебя без пайки твои сокамерники не будут, потому что не по понятиям это. А ты подумай, очень хорошо подумай, признаваться тебе или нет. Потому что если не признаешься, я сделаю так, что тебя посадят в камеру к нацистам, они, кстати, про тебя уже спрашивали, можно ли тебя к ним посадить. И если ты не признаешься в этом эпизоде, я пойду к ним на встречу, и тебя переведут к твоим врагам. Кстати, некоторым из них светит пожизненно, так что им терять нечего. Я вернусь через неделю перед праздниками, и ты мне скажешь о своём решении.

Я окончательно загрузился, и в этом состоянии меня отвели обратно в камеру. Все сразу увидели, что я весь бледный, и спросили, что случилось. Я рассказал об угрозе опера, и мне посоветовали готовить мойки, чтобы в случае чего вскрываться. Я сделал несколько моек и распахал их в самые разные укромные места и, если одну мойку найдут и отберут, можно будет вскрыться другой мойкой.

Вдруг один из сокамерников залез на решётку окна и крикнул всем: «Смотрите. Что это?» Все сразу посмотрели в окно и увидели вывешенный баннер с написанным на нём анархистским лозунгом «Тяга к свободе крепче всех тюрем». Я посмотрел в окно и сразу узнал этот баннер. Его изъяли мусора во время обыска в день моего ареста. «Как они удачно угадали, в какую сторону у меня выходят окна», —

обрадовался про себя я. Один из сокамерников посмотрел на меня с улыбкой: «Твои отметились?»

— Да, — ответил я и сразу успокоился.

На воле помнят. На воле ждут. И это значительно добавляет уверенности.

Глава 54. Празднование за решёткой.

За пару дней до Нового года я услышал, как по очереди открываются камеры, и всех, кроме одного дежурного по камере, выводят и строят вдоль стены. Обычно это делали в какой-то одной камере, но в этот раз мусора решили одновременно открыть несколько камер и построить всех в разных местах коридора. Это и был тот самый плановый обыск, который все ждали и который отличается от внепланового своей масштабностью. Ещё одно отличие планового обыска — это невозможность откупиться от сотрудников различными мелкими запретами, которые обычно для обысков и готовят. Потому что, во-первых, если арестант добровольно сдаст запрет, он освобождается от ответственности, во-вторых, если запреты уже сдали, то дальше проводить обыск нет смысла, и они спокойно уходят. А во время планового обыска мусоров в несколько раз больше, и от них уже ничем не откупиться. Постепенно из разных камер мусора выбрасывали мойки, в некоторых камерах находили и выбрасывали заточки, куски керамической плитки, об которые обычно затачивались заточки. Мусора подошли к нашей двери и быстро её открыли.

— Все на выход, кроме дежурного, — громко сказал один

из них.

Мы все вышли, и нас провели к небольшому помещению между двумя решётками. Мы стояли там и смотрели, как из нашей хаты вылетают мойки и куски плитки. К этому времени у меня была уже новая профессия — я прятал телефон в тайник. Об этом тайнике мало кто знал в нашей хате, и я каждый раз прятал его максимально тщательно. Поэтому для меня этот обыск стал чем-то вроде соревнования: кто выиграет, тот, кто прячет, или тот, кто ищет?

Из одной из соседних камер послышался крик одного из мусоров — он позвал всех остальных, чтобы показать, что он нашёл заготовленную брагу. Это послужило хорошим отвлекающим манёвром, и к остальным хатам у мусоров интерес упал. Когда из нашей хаты мусора вышли и нам сказали заходить обратно, я думал только об одном: «Только бы они ничего не нашли. Потому что если нашли, виноват буду я, потому что плохо спрятал».

Я зашёл в хату и подошёл к тому, кто оставался дежурным.

— Там они искали? Нашли балалайку? — я показал ему на дыру в стене.

— Искали. Долго туда светили фонариком, шарились, но ничего не нашли.

Я был просто счастлив от того, что осознавал, что прячу я получше, чем мусора ищут. Хотя прятать я стал совсем недавно, а мусоров, скорее всего, даже обучают проводить обыски. Помогло ещё и то, что таких дыр и углублений в стенах по всей тюрьме было множество. Это старое здание было построено ещё при Николае II. И сразу после постройки его стены стали встречать горе и печаль людей, сидящих в нём. Сначала здесь была военная тюрьма, потом психбольница, потом женский изолятор. Двойные кирпичные стены и между этими двумя слоями пустое пространство шириной почти в полметра. Некоторые рассказывают, что раньше это было сделано для того, чтобы через это пространство выходил дым из морга, который находился в

том помещении, где теперь расположен душ. Тот самый душ, в котором моются те, кто только что приехал в этот изолятор. Раньше там сжигали трупы, а теперь там моются арестованные. А само здание теперь обычный изолятор, женщины здесь не сидят, только мужчины и малолетки. На весь четырёхэтажный изолятор есть только 10 камер для несовершеннолетних, и когда им исполняется 18 лет, их переводят во взрослые камеры. Когда слушаешь рассказы этих малолеток о том, что происходит на «малолетке», волосы иногда дыбом встают. Вот, где самый настоящий беспредел.

После этого обыска можно уже было спокойно готовиться к Новому году, хотя праздничного настроения в этих стенах было, мягко говоря, мало. 31 декабря в двери открылась кормушка, и назвали мою фамилию. Когда я подошёл к двери, в кормушку просунули несколько толстых почтовых конвертов — это самый лучший подарок — письма друзей с воли. Я даже сразу понял, что не успею прочитать их все до Нового года, и решил читать их постепенно. Взяв все конверты, я спросил у корпусного, до сколько сегодня можно не спать? От такого вопроса корпусной сначала даже удивился, потому что понимал, что мы всё равно не будем ложиться спать, не смотря на режим.

— До двух часов можно не спать, потом отбой, — по голосу было ясно, что корпусной понимал, что если мы захотим не спать дольше, то спать мы не будем.

Такое учреждение, как это, было создано специально для того, чтобы ограничивать физическую свободу людей. Но все эти люди прекрасно понимали, что настоящая свобода не снаружи, а внутри человека. И если человек сам того не захочет, его внутреннюю свободу у него никто не отнимет. И режим этого учреждения тоже призван для усиления контроля, а значит, для уменьшения свободы людей, которых сюда посадили судьи. Именно поэтому хотя бы малейшее сопротивление режиму позволяет сохранить свою внутреннюю свободу... Как здесь, так и на воле...

Администрация СИЗО решила сделать всем новогодний

подарочек, и на ужин 31 декабря к привычной баланде добавили салат из квашеной капусты.

— Какой щедрый подарок! — шутили арестанты.

Салат из квашеной капусты мы свалили в отдельную миску и начали готовить нормальную еду из тюремной баланды. Мы наделали гору разных бутербродов, помыли фрукты и почистили мандарины. В итоге для новогодней обстановки не хватало только ёлки и Деда Мороза. Обращение президента мы решили не смотреть и не слушать, чтобы настроение не портить его видом. Я вспоминал события уходящего года и успокаивался от того, что опера из центра «Э» так ко мне и не пришли перед Новым годом. Я решил, что, скорее всего, они всё-таки проверили моё алиби и нашли место моей работы. Впереди нас ждало множество выходных, а выходные в тюрьме всегда тянутся долго. Если в будние дни происходит хоть что-то, то в выходные полная тишина и скука. Передач не носят, на суды не вызывают, к врачу не водят, письма не разносят, обычное сидение без каких-либо событий. Но когда новогодние выходные закончились, меня снова вызвали в кабинет опера. Когда я туда пришёл, там уже сидел Васька Трифан, на этот раз он был один.

— Ну что? Подумал? Будешь явку писать? Мы не смогли раньше прийти, потому что дел было много.

— Я же вам говорил, что я в этот день работал на официальной работе. Вы это не проверяли?

— Мы это не будем проверять, пока дело не будет у следователя.

— В смысле? Этого дела нет у следователя? А зачем вы тогда вообще у меня о нём спрашиваете?

— Не важно. Значит, ты берёшь 51-ю статью Конституции? Я правильно понял?

— Правильно поняли.

Он протянул мне лист объяснительной, где было написано, что я отказываюсь давать показания на основании статьи 51 Конституции. Я поставил свою подпись, и меня отвели обратно в камеру.

Глава 55. Переезд.

27 января 2011 года, в день полного снятия блокады Ленинграда, все мы готовились к массовому переезду всей камеры на другой этаж. Как мне рассказали, это происходит примерно каждый год — все камеры всего этажа переводят в такие же камеры на другом этаже, не меняя состава самих камер. По сути, они просто меняли местами этажи, но зачем это было нужно — никто не знал.

К нам в хату постучали и сказали, чтобы мы собирали все вещи и через час чтобы были готовы переезжать. Мы сразу спросили, нас всех в одну камеру так же посадят или будут раскидывать всех по разным.

— Никого раскидывать не будут, — сказал корпусной и пошёл предупреждать другие хаты.

Мы собрали все вещи, и возник вопрос: «Стоит ли забирать нашу тумбочку?», — потому что по идее тумбочки этой в камере быть не должно, но и не запрещено её иметь. А значит, скорее всего, у нас её не будет в следующей хате. Мы решили позвать корпусного и спросить, не знает ли он, есть ли в другой камере тумбочка, телевизор и радио.

— Там всё есть. Собирайтесь давайте.

Мы поверили корпусному и собрали только свои личные вещи, а телевизор, радиоприёмник и тумбочку решили оставить. Дверь открылась, и нам всем сказали выходить из камеры. На тот момент мы даже не знали, куда нас всех переселят, и кто теперь будет в соседних камерах. Нас повели с третьего этажа на четвёртый и провели в ту же по расположению камеру, что и наша. Но когда мы зашли внутрь, то оказалось, что в камере не просто нет тумбочки, телевизора и радио, здесь даже не было стульчака от унитаза и шторки, чтобы отделять помещение унитаза от остальной камеры. Мы стали просить, чтобы нам позволили спуститься вниз и забрать наши оставшиеся вещи.

— Когда всех переселят, тогда и позовёте, — попытались нас успокоить охранники.

Постепенно нам становилось понятно, что, скорее всего, нам не удастся вернуть всё из предыдущей хаты. В этой были только пять двухъярусных нар, стол длиной полтора метра, прикрученный к полу, и скамейка, прикрученная к столу, раковина и унитаз без стульчака. Стены здесь то ли были темнее, то ли мне показалось, потому что было меньше света, чем в предыдущей хате. Одинаковыми и здесь, и там были только два окна с двойными решётками, между которыми стоял стеклопакет. Ну, разве что вид из окна был лучше, потому что можно было посмотреть дальше, чем из окна этажом ниже. Из этого окна было видно даже дорогу у изолятора и людей, ходящих по улице, а в предыдущей хате дальше заброшенной стройки мы ничего не видели. Третьи ярусы нар спилили во всех ещё перед Новым годом, потому что наличие пятнадцати мест в такой маленькой камере не соответствовало нормам. А этот изолятор, как и все питерские, стремился к тому, чтобы нормы выполнялись. И все думали, что все нормы выполняются... Думали...

Когда нас вывели на прогулку, мы стали перекидываться с другими двориками и спрашивать, кто из какой хаты, и какая у них была хата до этого. Оказалось, что большинство хат просто переместили на этаж выше, и они теперь сидели в тех же по расположению хатах. Тот раздел этажа, где сидели боны, тоже подняли, но, так как над ними были камеры малолеток, их перевели на другой раздел четвёртого этажа. А малолеток никуда не переселяли, потому что там, кроме камер, есть ещё и учебный класс, комната психолога, а между камерами даже стоял теннисный стол. Видимо, у малолеток был какой-то график, по которому некоторым разрешали поиграть в теннис. Когда мы вернулись в хату после часовой прогулки, мы увидели, что на полу в хате большая лужа воды, электрический чайник стоит на скамейке, стол откручен от стены и лежит на полу вместе с кучей камней и песка. Мы сразу начали скандал, потому что они привели рабочку в нашу хату, когда нас в ней не было, хотя они не имели на это право. Чтобы входить в какую-либо камеру, в ней должен находиться

хотя бы один из тех, кто в ней сидит. Осуждённые из рабочего отряда СИЗО, которых здесь называли одним словом «рабочка», зашли в камеру и стали спиливать стол, но со стола даже не додумались убрать чайник. Естественно, чайник упал, и вода разлилась. Но режимник вместо того, чтобы решить этот вопрос, сказал нам: «Берите ваш стол и выносите». В коридоре возле каждой хаты стояли новые столы, в хатах старые столы спиливали и ставили новые. Мы опять стали возмущаться:

— Почему мы должны выносить стол, который спилили без нашего присутствия, и уронили чайник на пол? Зови рабочку, которая это сделала, пусть они и выносят.

— Значит, не будете выносить?

— Не будем.

— Тогда сидите со старым столом. — Режимник позвал рабочку и сказал, чтобы они прикрутили наш старый стол обратно, те подчинились и вышли.

Когда режимник закрывал, дверь его спросили: «А убирать всё за рабочкой мы будем что ли? Весь этот песок и камни?»

— Уберёте. Ничего страшного, — он закрыл дверь и ушёл, а мы решили теперь вообще не выполнять режим и жить так, как хотим.

Обычно за мелкие нарушения режима администрация может просто забрать какие-то предметы из хаты, которые в ней не предусмотрены, например телевизор. А потом отдать телевизор тем, кто им деньги заплатит через родных на воле. Я сначала предложил пойти другим путём — просто написать маляву в хату под нами и попросить их передать нам наш телевизор, но все остальные со мной не согласились и решили просто начать отрицать режим. На том и порешили.

Всю ночь мы общались на разные темы, играли в домино и смеялись. Несколько раз к дверям хаты подходил корпусной и говорил, чтобы мы ложились спать. Мы ему отвечали то «не хотим мы спать», то «иди сам спи». А ближе к утру мы устали и легли спать. Утром обычно перед проверкой в коридоре

подавали звонок, и через минут пять начиналась проверка. После подачи этого звонка нужно было встать и заправить постель. Но в этот раз звонок не подавали, и начали проверку не с крайней хаты в коридоре, а с нашей. Дверь быстро открылась, и кто-то из мусоров заорал: «Встали все и вышли на проверку!» Мы со слипшимися глазами еле-еле заправили постель и вышли. Дежурный кое-как прочитал доклад, сколько нас в камере, и мусора зашли в камеру вместе с ним, но почти сразу вышли. Один из мусоров встал перед нами и сказал, что если мы ещё раз будем всю ночь не спать, то такая проверка у нас будет каждое утро. Мы зашли обратно в хату.

— Блин. Мусора, пидарасы, такой сон прервали.

— А что он сказал? Такая проверка каждый раз будет? Это он типа угрожает?

— Наверное. Это мы типа испугались.

Мы расправили постели и опять легли спать...

Глава 56. Бродяга.

Так спать не по режиму мы стали регулярно, но мусора своё обещание не сдержали и стали не обращать внимание на наш режим дня. В очередное утро, когда половина из нас спала, другая половина занималась своими делами, я услышал, что нашу хату открывают, и посмотрел на открывающуюся дверь.

— О! Здорово! — Я увидел за дверью уже знакомого бродягу с матрацем и вещами.

Бродяги в тюрьмах относятся к блатным, то есть они отрицают режим, страдают за мужиков и за порядочных арестантов, и у них можно интересоваться о различных правилах, по которым нужно жить в тюрьме. Этот бродяга — молодой грузин — сидел с нами перед Новым годом, а сразу после Нового года его перевели в другую камеру. А однажды на вечерней проверке у него произошёл конфликт с администрацией СИЗО, и его должны были отвести на комиссию по размещению его в карцер. На время проверки

его закрыли между двумя решётками, разделяющими разные части коридора. И все, кто выходил на проверку, его видели. А через какое-то время после проверки в коридоре слышались крики из камер.

— Беко, ты здесь ещё?

— Здесь. Не ведут меня никуда.

Во всех хатах, кроме обиженки и красной хаты стали долбить по дверям, протестуя против того, что Беко держат в коридоре и никуда не ведут. В коридоре сразу поднялся шум, на который прибежали мусора и стали бегать по всем камерам и спрашивать, кто стучал. Им отвечали, что никто, а в одной хате сказали, что если Беко не отведут в камеру или на комиссию по помещению его в карцер, как они обещали, все продолжат греть по дверям. Через несколько минут такого локального бунта Беко всё-таки отвели на комиссию и дали ему 10 суток карцера.

Пока он был в карцере, весь наш этаж перевели на четвёртый. И вот теперь, когда срок заключения в карцере у него кончился, его привели в нашу новую хату.

Все были рады его видеть, и он тоже был рад видеть всех. Мы сразу же заварили чифир, чтобы встретить бродягу, вернувшегося из карцера.

Он стал нам рассказывать про карцер. По его словам, карцер — это не то место, которого стоит бояться. Там тепло, пол деревянный, а не как в остальных камерах бетонный. Только сидеть приходится на полу, потому что нар там нет. После отбоя там забирают матрац и постель, но те, кто там сидит, наловчились прятать простынь, оборачивая её вокруг тела.

— Вообще, жить можно. Мы там постоянно над мусорами прикалывались. Они фамилию спрашивают, а я говорю Меладзе, у другого спрашивают, он говорит Кикабидзе. Мусора аж бесились с этого, — со смехом рассказывал нам Беко.

После того, как мы попили чифир, он встал возле двери и стал перекрикиваться с другими хатами на грузинском языке.

Его земляки поздравляли его с возвращением из карцера. Он повернулся к нам и спросил, не появилась ли у нас машинка для стрижки волос, чтобы он побрил свою бороду, которая успела у него вырасти за 10 суток. Мы ему сказали, что у нас, кроме электрочайника, вообще ничего нет, и он снова стал перекрикиваться с другими камерами. Потом позвал корпусного, и он передал из соседней хаты машинку для стрижки волос. Он состриг свою бороду, побрился и стал выглядеть как раньше.

— Ты как? — спросил он меня.

— Я нормально.

— Я вот давно тебя спросить хотел. Ты не такой, как остальные, это видно, потому что у тебя жизнь состояла не только из работы и дома. Ты в вольной жизни двигался. И вот теперь ты сидишь в тюрьме. Что ты об этом думаешь? Это хорошо или плохо?

— Я считаю, что ничто в жизни не происходит случайно, просто так, — Беко заинтересованно смотрел на меня, и я продолжил: — Если что-то произошло, значит, в этом есть какая-то необходимость. И не бывает хороших или плохих событий. Бывают просто события и наше к ним отношение, а своё отношение можно регулировать.

— И какое у тебя теперь к этому отношение?

— Раз я сел, значит, в этом должен быть какой-то жизненный урок, который нужно извлечь. Ну, или просто испытание, а непреодолимых испытаний не бывает. Значит, данное мне время нужно потратить на этот урок.

— Ну и правильно, — одобрил Беко. — Вот ещё говорят, что раз сел в тюрьму, значит, бог наказал. Чушь! Мой бог меня не наказывает, он меня любит и даёт мне уроки. А кто считает, что наказывает, тот сам себя этими мыслями наказывает больше всего.

Беко был одним из немногих арестантов, с которыми можно было пообщаться на подобные философские темы, на темы мировоззрений. До этого я на такие темы общался с Веганистом. Не судьба политическим арестантам находить

общий язык с обычными уголовниками, большинство из которых типичные гопники большого города. То есть не такие, как показывают по телевизору и про которых рассказывают анекдоты — спорт, костюмы, туфли, кепка и дорогой телефон. А больше похожие на тусовщиков, при этом оставшихся гопниками, своего рода типичные гопники, сменившие спорт, костюм и туфли на джинсы, кроссовки и не менее обязательный элемент — надписи «D&G» или «Armani», можно даже написанных с ошибками. С такими я вообще не мог найти общие темы для разговоров, потому что всё, что их интересовало, — это автомобили и телефоны. Хорошо, что таких было примерно половина, а с другой половиной я легко общался на более интеллектуальные темы, например, о политике, психологии личности и философии. Так что не удивительно, что мы с Веганистом быстро нашли общий язык. Политическая вражда, конечно, была, но лучше её оставлять на воле, когда садишься в тюрьму. Здесь нужно забывать как личную вражду, так и политическую, потому что жить нам в одной комнате, и конфликты ни к чему хорошему не приведут. Поэтому мы с Веганистом старались не затрагивать в разговорах темы, по которым у нас по определению будут резко противоположные взгляды, но было много других тем. А если бы мы враждовали, это было бы на руку мусорам. Так как мусора в тюрьме — главные враги, то нужно было научиться переступать через желание поддаться на провокацию и включать разум. Мусора здесь специально поставлены для того, чтобы попытаться нас сломать, сломать нашу личность, заставить подчиняться. Многие из них ради этого готовы пойти на крайние меры. И конфликты в наших коллективах значительно уменьшат нашу моральную способность к сопротивлению их давлению. Но им не сломить нас, потому что мы понимаем, что они именно этого и добиваются! Нам дан разум, и мы приобрели идеи, которым тоже не суждено рухнуть. Со своими идеями и с работающим разумом мы будем сопротивляться и дальше, и, в конце концов, победа будет за нами. Мы победим эту моральную

войну против тех, кто поставлен нас сторожить. Они отняли у нас свободу физическую, но внутреннюю свободу у нас не отнимет никто, пока мы не сломлены. И это постоянно говорил всем Беко. Говорил он так, что от этих речей я чувствовал, что становлюсь морально сильнее и устойчивее.

Глава 57. Визит правозащитников.

Срок следствия, который в ноябре продлевали на два месяца, подходил к концу, а меня всё не вызывали на новый суд по продлению срока. Я уже было подумал, что следователь забыла про этот срок, хотя так думать было высшей степенью наивности, и я это понимал. И вот, когда оставался один день, меня всё-таки вызвали на суд.

Утром в день суда всё было так же, как и в прошлый раз. Я, не выспавшись, спустился вместе с остальными в собачники и стал ждать, когда меня позовут. Снова за мной приехал Трифан со своим напарником. Он ещё не знал, что я рассказал о его визитах адвокату. Мы приехали в суд и прошли к двери зала, в котором мне должны были продлевать срок содержания под стражей. Зал был не тот, что в прошлый раз, и я стоял возле двери и читал, какие сегодня дела будут рассматриваться в этом суде. Меня очень впечатлило число рассматриваемых эпизодов в одном деле — несколько десятков. Если следствие со мной тянет, то у того бедолаги с множеством эпизодов ещё больше поводов потянуть время со следствием. В стороне от меня стоял мой друг, а между мной и ним стояли опера. Кроме нас больше никого не было, и мы ждали, когда придут следователь с адвокатом.

Когда они пришли, и суд начался, следователь прочитала своё ходатайство и попросила продлить мне срок содержания под стражей, чтобы закончить следствие. Использовала она все самые стандартные фразы: «может скрывается от следствия», «может продолжить противоправную деятельность». Я на это ответил, что не скрывался и не собирался скрываться, потому что работал на официальной

работе, и задержали меня в квартире, а не на улице. После моих слов слово дали адвокату.

— Как уже сказал мой подзащитный, он не скрывался и не собирается скрываться, — начал адвокат. — Кроме того, на него систематически стали оказывать психологическое давление оперативники Центра по противодействию экстремизму. Они пытались заставить его написать признание в участии в какой-то драке, в которой он не мог принимать участие.

— А вы давали такое распоряжение посещать его? — спросила судья у следователя.

— Нет, ваша честь. Я не давала такого распоряжения и не в курсе, что его посещают оперативники.

— Я написал жалобу в прокуратуру по поводу этих посещений, но пока он будет находиться в СИЗО, ему угрожает опасность со стороны недобросовестных оперативников. И, кроме того, есть справка, что у моего подзащитного участились головные боли в СИЗО. По поводу этих болей он уже обращался в санчасть СИЗО, — адвокат сделал короткую паузу и продолжил: — В связи с выше сказанным и с наличием поручительства знакомого моего подзащитного (в этом поручительстве сказано, что его знакомый гарантирует, что мой подзащитный не будет заниматься противоправной деятельностью и не будет скрываться от следствия), прошу освободить моего подзащитного из под стражи на время следствия.

Когда адвокат говорил про посещение меня операми, я видел, как эти опера сидели и переглядывались между собой. Судья выслушала адвоката и попросила, чтобы он продолжил заниматься вопросом посещения меня этими операми, потом она встала и вышла из зала.

Хотя адвокат говорил абсолютно убедительно, по выражению голоса судьи было понятно, что ей абсолютно всё равно, что говорит адвокат, и решение своё она сделала ещё до начала суда. В этом я убедился, когда она вернулась в зал суда и удовлетворила прошение следователя. Ко мне подошли

Трифан со своим напарником и через решётку клетки стали надевать мне наручники.

— Что, давление на тебя оказываем? Давление оказываем, да? — Трифан был сильно раздражён и так затянул мне наручники, что у меня руки посинели.

Все мы снова поехали в следственный отдел, чтобы там прошла очная ставка с одним из свидетелей. Когда мы вошли в кабинет следователя, Трифан снял с меня наручники со словами: «Я злой, но отходчивый».

Когда пришёл свидетель, сначала меня спросили о том, что произошло 4 ноября 2008 года, и я сослался на 51-ю статью Конституции, отказавшись отвечать на все вопросы. Тогда спрашивать стали свидетеля. Он рассказал, что был вместе со своим другом в центре, и на них напала толпа молодых людей, от которой они сначала хотели спрятаться в магазине. Но этот магазин закрывался, и их выгнали, после чего я нанёс его другу ножевые ранения. А после очной ставки опера меня отвезли обратно в тюрьму.

Через пару дней корпусной открыл дверь хаты и позвал меня. Я спросил, куда меня ведут, на что он ответил, что я сам скоро узнаю. Меня провели по лестнице до первого этажа и вывели на улицу. По пути корпусной меня спросил, жаловался ли я куда-то?

— Я никуда не жаловался. Адвокат жаловался, — тогда я стал догадываться, что сюда пришли либо правозащитники, либо прокурор по жалобе адвоката.

Потом мы прошли через проходную, и я даже успел увидеть волю. Рядом с самой тюрьмой было ещё одно административное здание этого изолятора. Мы зашли туда, и в нос ударил вкусный запах борща. На стенах висели горшки с живыми цветами, а лестница была не обычной бетонной, как у нас в корпусе, а выложенная керамической плиткой. На стене были прибиты доски с художественной резьбой, и перила тоже были деревянными, вместо ржавых железных в корпусе. Меня провели на второй этаж, там был длинный коридор с красной ковровой дорожкой.

Когда меня завели в кабинет начальника СИЗО, я сразу увидел в кабинете нескольких правозащитников. Среди них был известный правозащитник Юлий Рыбаков. Раньше я его видел на различных акциях, обычно на маршах против ненависти. Марши против ненависти организовывали правозащитники, друзья убитого этнографа, правозащитника Николая Гиренко, которого застрелили нацисты на пороге собственной квартиры. Ежегодно различные организации, считающие себя антифашистскими, приходили на эти марши. А анархисты чаще приходили, чтобы показать, что они только против ненависти на почве расизма и нацизма, но к самим нацистам и расистам испытывать ненависть — это нормально и абсолютно естественно. И вот здесь состоялась наша следующая встреча. Меня сразу попросили рассказать, когда и с какой целью меня посещали опера из центра «Э». Я рассказал про все посещения и рассказал, что они обещали посадить меня в камеру к нацистам.

— А что, есть такая камера? — удивились правозащитники.

— Ну, я слышал, что есть, и там в том числе сидят те, кому пожизненное светит, а значит, по сути, им терять нечего.

— А кто тебе рассказал про эту камеру? — спросил сам начальник СИЗО.

— Да все же о ней знают, — совершенно не сомневаясь ответил я.

После моего рассказа они всё записали и стали задавать вопросы.

— Сотрудники администрации оказывают давление?

— Нет. Только оперативники из центра «Э».

— В камере вода и канализация работают?

— Работают, но у нас нет стульчака от унитаза, а забрать свой из предыдущей камеры нам не разрешают.

— Прогулки не сокращают по времени?

— А мне нечем время засекают, поэтому не знаю.

Правозащитники попрощались со мной, и меня повели обратно в камеру. Вся хата с большим интересом слушала мой

рассказ про соседнее здание и про правозащитников.

Позже я узнал, что они приходили ко мне и ещё одному активисту из арт-группы. У нас с этим активистом был один адвокат, но я ничего о нём не знал и не связывался с ним. А незадолго до переезда на четвёртый этаж я узнал, что этот идиот умудрился взять телефон в своей хате, сфотографировать на него свою камеру и... выложить фотографии в Интернет. Такого халатного отношения к запретам я себе даже представить не мог. Я всем новеньким делал замечания, когда они употребляли запретные слова вместо кодовых. В нашей хате все знали, что это не «телефон», а «балалайка», и по нему не «звонят», а «общаются». И когда я прятал телефон, я даже следил, чтобы никто не видел, куда я его прячу, а чтобы никто это и не слышал, я включал в унитазе и в кране воду, а к двери ставил палёвщика. Поэтому для меня было абсолютно дико и не понятно, как можно не понимать всю ситуацию, в которой находишься. Это совершенно естественно, что, находясь в тюрьме, ты не можешь получить многие блага цивилизации, потому что они запрещены. А это означает, что когда эти блага появляются, их нужно беречь как зеницу ока. После такого серьёзного косяка этого активиста из арт-группы во всех камерах, где телефон получали через опера, телефоны забрали, потому что их потребовал опер. Тех, кто не соглашался отдавать телефон, который им загнал сам опер, ждали тотальные обыски вплоть до разбивания кувалдой унитаза и всего, где можно было что-то спрятать. Сами такие хаты «раскидывали» — то есть всех, кто в ней сидел, расселяли по разным камерам. Это тоже один из способов психологического воздействия на арестантов, когда им вновь и вновь приходится привыкать к новым соседям.

Меня даже не удивили поводы, по которым правозащитники посетили этого идиота. Потому что поводы были абсолютно детские, например, какой-то отказ администрации выдать ему книжки. Лично мне всегда книги из библиотеки давали, хотя их там было ничтожно мало.

Благодаря своей невнимательности и излишней расслабленности, горе-активист заслужил недоверие и даже ненависть со стороны остальных хат этого СИЗО. А когда правозащитники захотели узнать о жалобе моего адвоката про посещения меня операми, им ответили, что это невозможно. Но тогда правозащитники стали изучать моё личное дело, и администрации пришлось признать, что меня действительно посещали. Причём схема, по которой опера, не работающие в самом СИЗО, могут посещать арестованных, оказалась до неприличия простой. В моём деле находилась специальная бумажка от следователя, который к моему делу никакого отношения не имел. В бумажке было указано, что Трифан «направляется в СИЗО для работы с обвиняемым». При этом выдана эта бумажка была за год до того, как возбудили моё уголовное дело. Почему так получилось, становится ясно, когда оказывается, что в этой бумажке не указано по какому именно делу направляется оперативник, и самое главное — к кому именно из обвиняемых он направляется. То есть получается, что у каждого опера, желающего прийти в СИЗО и начать оказывать давление на любого обвиняемого, есть специальная универсальная бумажка. В этой бумажке написаны только фамилия опера — и всё. А оперативнику СИЗО, который работает в самой тюрьме и имеет доступ ко всем личным делам подозреваемых и обвиняемых, остаётся только по просьбе других оперов с воли переключать эту бумажку из одного дела в другое. Всё, таким образом любой оперативник получает полный бессрочный доступ к любому человеку, содержащемуся в этом СИЗО. Значит, любой опер может в любой момент начать давление на абсолютно любого, и то, что СИЗО отделили от МВД, никак не спасает обвиняемых от бесконтрольного давления МВД.

Глава 58. Неподчинение.

Прогулочные дворики здесь были не одинаковыми по площади. Некоторые были побольше, некоторые поменьше. В

одних двориках можно было сделать 7-8 шагов, и упираешься в стену, в других можно было даже побегать и поиграть в самодельный мяч, который делали из носка. Играть в мяч здесь было запрещено, потому что во время игры арестант мог упасть и получить травму. И чтобы у администрации не было проблем с увечьями у арестантов, они просто запретили подобные игры в двориках. Но многие всё равно играли, лишь бы внимание к себе не привлекать во время игры и всё. А когда идёшь до дворика и от него, этот мяч просто прячут под одежду и его не видно.

Обычно, если в хате мало человек вышло на прогулку, их ведут в маленькие дворики, а если много, то в большие. В нашей хате было 10 человек. После того, как в хатах спилили третьи ярусы нар, это количество стало максимально допустимым, хотя раньше максимумом считалось 15 человек. А так как наша хата почти всегда выходила на прогулку полным составом, нас всегда должны были выводить в большие дворики. Иногда, если кто-то болел, ему давали освобождение от прогулки, он мог по своему желанию остаться в камере. А чтобы он в одиночестве не вскрылся и не повесился, с ним оставляли ещё одного — такие были правила, что одного человека в камере оставлять не имели права. Одного могли оставить только в одиночке. Если камера не является одиночной, в ней либо вообще никого не будет, либо будет минимум два человека.

Но в последнее время, несмотря на то, что у нас всегда выходит на прогулку вся хата, нас стали выводить в маленькие дворики. Так как мы просто не помещались все вместе в таком дворике, нас разделяли на два маленьких дворика, объясняя это тем, что все большие дворики заняты. В одну из прогулок, когда нас опять так разделили, Беко стал бить ногой в стену, за которой был большой дворик, чтобы узнать, гуляет ли кто-нибудь в нём. Оказалось, что этот большой дворик был пуст, а нас всё равно разделили на два маленьких. Это возмутило всю хату, и мы решили бороться против такой дискриминации. Перед очередной прогулкой мы

уже понимали, что, скорее всего, нас опять поведут в маленький дворик, и морально приготовились к сопротивлению. Пройдя по всем коридорам уверенной решительной походкой, мы вышли на улицу, и нам открыли дверь маленького дворика. Мы остановились перед этой дверью и сказали, что не будем заходить в этот дворик.

— Как не будете? Вы гулять собираетесь? — попытался было возмутиться мусор, открывший нам дверь.

— Собираемся, но не в этом дворике. Сам посмотри — нас много. Мы не можем поместиться в этой комнатухе, — в ответ мусор отошёл и стал говорить что-то по рации.

Через пару минут к нам прибежали несколько мусоров, в том числе опер, режимник и ещё кто-то из администрации.

— В чём дело? — спросил один из них.

— Мы не будем гулять в дворике, в котором мы не можем поместиться.

— Либо вы заходите в этот двор, либо вообще не пойдёте гулять и возвращаетесь обратно в камеру. Будете заходить?

Мы решительно ответили отказом, и этот мусор сказал всем остальным, чтобы они отвели нас обратно в камеру. Когда мы подошли к двери камеры, перед тем, как её открыть, опер спросил, кто является зачинщиком всего этого.

— Никто. Мы все не хотим заходить туда. Мы требуем, чтобы нас выводили в нормальные дворики, в которых мы сможем гулять всей камерой. Пока нас не начнут водить в такие дворики, мы не будем заходить в маленькие.

Опер молча открыл дверь камеры, и мы зашли. Сразу же мы стали готовиться к тому, что нас начнут вызывать к оперу или вообще к администрации, чтобы выяснить, кто это всё придумал. Мы понимали, что теперь наши взаимоотношения с администрацией станут ещё хуже, но отступать мы не собирались. Мы уже сделали свой выбор — мы не намерены терпеть и готовы идти дальше.

Через пару минут дверь хаты открылась, и к нам вошёл опер. Он показал на троих из нас и позвал. Остальные остались в камере и стали готовиться, что скоро и их вызовут.

Минут через пять дверь опять открылась, и те трое вернулись. У них было хорошее настроение и взглядом они дали всем понять, что всё в порядке. Опер вывел ещё одну партию из нас, в том числе и меня. Мы прошли в конец коридора, и опер завёл одного из нас в кабинет с прикрученными к полу столу и стульями. Я и ещё трое остались ждать снаружи. Очень быстро четвёртый из нас вышел, и опер позвал меня и сказал присесть на стул.

— Ну что скажешь? — он пристально посмотрел на меня.

— А что надо говорить? — у меня даже не получалось отнестись серьёзно к этому разговору.

— Почему в дворик не заходили?

— Этот дворик маленький, а нас много, и мы в нём не помещаемся. И так уже несколько раз было, когда нас выводили в эти маленькие дворики.

— Понятно, — он встал и сказал мне, чтобы я позвал следующего, а я даже удивился, что это всё, что его интересовало — даже не интересно как-то.

Когда я вышел и сказал следующему заходить, он спросил меня, что спрашивал опер.

— Да ничего особенного. Всё то же самое, — я махнул рукой и стал ждать, когда все остальные тоже поговорят с опером.

Когда все прошли через кабинет опера, он отвёл нас обратно и позвал тех, кто ещё у него не был. Вскоре они тоже вернулись в хату с хорошим настроением. А настроение у всех было потому, что было непонятно, зачем он вообще вызывал нас по одному, если мы всё объяснили ещё на улице. А то, что мы уже приготовились к психологическому давлению со стороны опера, которого так и не дождались, ещё больше нас веселило.

Прошло ещё несколько минут, и к нам в хату снова пришли несколько человек из администрации и вместе с ними опера.

— Значит, вам просто не нравится, что вас выводят в маленькие дворики?

— Да, — почти хором ответили мы.

— Тогда сегодня пойдёте гулять после обеда, и с сегодняшнего дня вас будут выводить в нормальные дворики. Устраивает вас это? — Редко когда слова каких-то мусоров так меня удовлетворяли.

— Да, устраивает, — ответили мы, и все они вышли из хаты, а мы стали заваривать чай, чтобы отметить нашу победу.

Мы верили, что победим, мы были готовы идти до конца, и мы победили. И к следующим конфликтам с администрацией мы были уже готовы. В большинстве случаев в конфликтах с администрацией виновата сама администрация, так любящая устраивать провокации.

Глава 59. Новые конфликты и провокация.

Провокаций долго ждать не пришлось. В одно утро после бессонной ночи на проверке присутствовала какая-то женщина в офицерской форме. Она с нами поздоровалась, и мы с ней тоже, но тихо, потому что все не выспались. Ей это не понравилось, и она подошла вплотную ко мне и в лицо мне сказала: «Здравствуйте». Я из принципа не стал отвечать на такое приветствие. Она опять повторила и, не дождавшись моего ответа, подошла вплотную к другому. Но ни один из нас не стал с ней здороваться. Мы были согласны здороваться один раз со всеми, но когда к нам показательно подходят, чтобы каждый здоровался по-отдельности, с этим мы были не согласны.

Эта женщина отошла от нас и сказала оперу, чтобы он раскидал нашу хату. Мы зашли обратно в хату и стали ждать, когда нас станут раскидывать. Через несколько минут дверь хаты открылась, и мне и ещё одному человеку велели собираться с вещами на выход. Нас перевели в хату напротив и, когда мы выходили из хаты, корпусной сказал ещё двоим собираться с вещами.

Я и ещё один пожилой таджик зашли в новую для себя

хату, и все в ней присутствующие нас узнали, потому что видели нас через щёлку в двери во время проверок. Мы стали знакомиться, и нам заварили крепкий чай. Пока мы пили чай, они натянули дорогу до соседней хаты (так называют верёвку между окнами, по которой из хаты в хату передавали малявы и какие-нибудь грузы). Они интересовались у соседней хаты, знают ли они нас, и если знают, то что могут о нас сказать. Когда они читали ответные записки, я заметил, что они смотрели на меня с подозрением. Потом они собрались отдельно от нас, пошептались о чём-то и позвали меня.

— У нас есть подозрения, что ты с опером работаешь, — я ожидал услышать всё, что угодно, но только не это.

— Да не может такого быть. Никогда не работал с ним и не собирался.

Мне они рассказали, что в соседней хате сидит кто-то, кто меня знает, и он так же знает, что я сотрудничаю с опером. Я всё отрицал, и мне сказали, что будут за мной присматривать, и если меня вызовет опер, они его попросят, чтобы меня перевели в какую-нибудь другую хату. Я сказал, что пусть тогда делают, что считают нужным, но меня опер к себе не вызывает. Он вызывал меня раньше, до того как ко мне приходили правозащитники, но после этого он перестал меня вызывать. Да и вызывал он меня только для того, чтобы предлагать мне написать явку с повинной. Пока я думал, кто же мог придумать такой бред про меня в соседней хате, я решил, что если опер захочет сделать провокацию и вызвать меня к себе, я скажу, что никуда в одиночку не пойду, потому что у меня нет секретов от тех, с кем я сижу. Теперь мне можно было выходить из хаты только вместе с кем-нибудь ещё, чтобы не усиливать подозрения. Беко мне рассказывал, что раньше многие именно так и делали, не выходили из хаты в одиночку, чтобы было больше доверия друг другу в хате.

После этого разговора прошла неделя, и меня ни опер, ни кто-либо ещё к себе не вызывали. Зато я к этому моменту уже стал догадываться, откуда появился такой слух про меня. Как оказалось позже, в соседней хате сидел человек, который

раньше сидел с нами, но он у всех стал вызывать подозрения, потому что он у всех пытался выяснить подробности их уголовных дел. А такой интерес всегда будет вызывать подозрения. Особенно он пытался узнать у меня все подробности, как о моём деле, так и о том, кто нашёл мне адвоката, о моих друзьях. Проще говоря, интересовало его именно то, о чём меня спрашивали опера из центра «Э». И постепенно становилось понятно, что это именно он и пытается испортить мне репутацию. В течение этой недели в этой хате все связывались и с другими хатами, где есть кто-то, кто со мной сидел и может про меня что-то сказать. В конце концов, моя репутация была полностью восстановлена, и ко мне подошёл один из сидельцев этой хаты.

— Мы всё узнали и тебя больше никто трогать не будет. Я тебе обещаю.

Я недавно был на грани полной утраты доверия со стороны остальных арестантов, но мне повезло. В эти дни я понял, как легко здесь могут подставить другого различные мутные личности. Но я не собирался ему отвечать чем-то, что испортило бы ему жизнь здесь, потому что когда я только-только сел, я дал себе слово, что ни один арестант не пострадает от моих каких-то действий. Арестанты не должны страдать от действий друг друга, это выгодно мусорам. А я на поводу у мусоров идти не собираюсь, и поддаваться на провокации я не буду, какими сильными они бы ни были. Для того, чтобы арестанты страдали, и созданы мусора, а я не мусор и никогда им не был и не собираюсь им быть, поэтому из-за меня ни один арестант не пострадает.

Такое слово я дал себе, когда только сел в этот СИЗО, и слово своё я был намерен держать вплоть до самого моего освобождения.

Глава 60. Конец следствия.

Постепенно наступила весна. Весь день в хатах были открыты окна, и мартовский воздух входил в душные хаты

вместе с пением птиц. Скоро должны были снова продлить мой срок заключения, а я даже не знал, как идёт следствие, и идёт ли оно вообще. И когда я уже перестал ждать адвоката или следователя, к нашей хате подошёл корпусной и позвал меня и ещё одного человека к адвокату. Мне не пришлось говорить, что я не пойду в одиночку, потому что и без этого позвали нас двоих. Когда я зашёл в комнатку для встреч, там были адвокат со следователем. Адвокат мне сразу сообщил, что моё дело перебили с особо тяжкой статьи на тяжкую. Кроме того, недавно Госдума приняла изменения к уголовному кодексу, в которых был отменён нижний предел наказания за эту и многие другие статьи. Таким образом, когда меня посадили, мне грозило минимум пять лет. Когда мою статью перебили на менее тяжкую, мне грозило уже от двух до восьми, а после изменений к Уголовному кодексу мне уже грозило от нуля до восьми лет лишения свободы. А с учётом смягчающих обстоятельств, восемь лет мне никак не могли дать. Получается, что раньше для меня пять лет было минимумом, а теперь для меня срок в восемь лет был максимальным, который мне, скорее всего, не дадут. Так получилось сделать только потому, что раньше статья была «Нанесение тяжких телесных повреждений группой лиц по предварительному сговору», а теперь просто «Нанесение тяжких телесных повреждений». Группа лиц исчезла благодаря тому, что я взял всю вину на себя и никого не сдавал. А один панк, которого задерживали до меня, в первых же показаниях сдал меня, назвав меня по имени и даже подписал обязательство, что он поможет следствию в поисках меня.

Я вспомнил, что за пару дней до моего задержания я встретил его на улице, и мы пообщались на разные темы. Я тогда ему сказал, где я сейчас живу, и через два дня меня в этой квартире задержали. Всё постепенно вставало на свои места.

Следователь дала мне результаты экспертиз ножа, который изъяли у меня при задержании, и ещё нескольких

ножей, изъятых у самых разных антифа за последнее время. Раньше я думал, что такая экспертиза следствию ничего не даст, потому что от ножа я избавился почти сразу после того, как нанёс им удары по бону. Но в экспертизе было сказано, что по форме повреждений одежды и по форме шрамов бона, удары могли быть нанесены именно моим ножом. И это не смотря на то, что среди всех ножей были ножи с формой лезвия абсолютно такой же, как у моего. Тем более, что я помню, каким был тот нож, и по форме его лезвие было другим, не таким как у ножа, изъятого у меня при задержании. О какой независимости экспертизы может идти речь? Адвокат попросил следователя оставить ненадолго нас наедине, и она вышла из комнаты.

— Теперь смотри, какая у нас ситуация, — начал сразу адвокат. — Ты уже отсидел почти полгода, и у тебя нет отягчающих обстоятельств, зато есть смягчающие. Напомню, что основная наша задача состояла в том, чтобы изменить тебе статью на более мягкую. Нам это удалось. Теперь у тебя есть возможность, которой раньше не было — это попросить судить тебя в особом порядке.

— А это что значит? — на меня обрушился такой поток информации, что я старался ничего не упустить.

— Это значит, что ты полностью признаёшь вину, и никакого судебного следствия не будет, а сразу суд начнётся с прений. При этом тебе не могут дать больше двух третей от максимального срока, предусмотренного за эту статью. Это получается, максимум тебе смогут дать пять лет. Но это максимум. Скорее всего, тебе просто зачтут отбытую часть наказания или дадут условный срок. Потому что претензий у потерпевшего на суде не будет, и на суде ты сможешь у него попросить прощения, а если потерпевшего на суде не будет, то будет даже ещё лучше. Тогда просто скажешь, что если бы потерпевший пришёл, то ты бы извинился перед ним и всё.

Я сразу стал размышлять, стоит ли пытаться доказать свою невиновность с такими «независимыми» экспертизами и с учётом того, что даже потерпевший на опознании меня

якобы узнал благодаря оперу Трифану. Но я на том опознании не обратил внимания на то, что Трифан перед судом меня фотографировал, а перед опознанием он был вместе с потерпевшим и мог ему показать фотографии, поэтому говорить об этом было уже поздно. А результатам экспертизы суд поверит больше, чем логичному утверждению, что среди ножей было несколько с одинаковыми формами лезвия, но экспертиза загадочно выделила именно мой нож. Я решил, что со спецификой российского правосудия, которое никогда не было справедливым, мне легче признать вину, — тем более, что я уже писал явку с повинной, — и ещё больше понизить максимально возможный для меня срок. Я согласился на рассмотрение дела в особом порядке, и следователь дала мне бумагу, чтобы я написал об этом заявление.

— Теперь, если потерпевший не будет против особого порядка, суд будет в этом особом порядке, — сказала следователь.

— Но потерпевший же, скорее всего, не будет против? — поинтересовался у неё адвокат.

— Скорее всего, не будет. Он вообще уже на всё будет согласен, потому что просит, чтобы от него просто отстали и всё.

Адвокат и следователь со мной попрощались и ушли, а меня провели в специальную клетку шириной полметра, длиной около двух. В этой клетке обычно арестанты ждали, когда их поведут обратно в камеры. В этой клетке уже стоял мой сокамерник.

— Ну что? — спросил он.

— Мне статью на более лёгкую перебили.

— Ну, поздравляю.

Когда адвокат со следователем ушли, клетку открыли, и мы прошли через рамку металлоискателя, за которой нас обыскали и повели обратно в камеру. Когда я интересовался у сокамерников об особом порядке рассмотрения дела, все сходились во мнении, что в любом случае моя судьба будет зависеть от того, кто у меня будет судья. Многое даже зависит

и от личных убеждений судьи, от её взглядов на жизнь и даже от настроения. Как многие говорят: «суд — это рынок, на котором торгуют свободой, не зная её цены».

Глава 61. Бывшая пресс-хата.

Находясь в этой хате, я узнал, что Беко перевели в хату, которая раньше считалась пресс-хатой. Там было три человека, которые пользовались привилегиями опера взамен на информацию, которую они вытаскивали из остальных сидевших в этой хате. Я даже один раз видел через щёлку двери, как из этой хаты выносили кого-то на носилках. А те, кто сидел в камере через стенку от пресс-хаты, рассказывали, что по вечерам слышали крики тех, кто там страдает. Потом совсем недавно одного из тех козлов прессовщиков отправили на зону. Хотя он сильно просил его не отправлять, потому что понимал, что, скорее всего, либо во время этапа, либо в самой зоне его ждёт возмездие за всё, что он сотворил, за всех, кого он прессовал. Но ему не удалось найти общий язык с администрацией СИЗО, и они его кинули и отправили на этап. Он доставал нужную им информацию, и когда он сам оказался им не нужен, они от него избавились. Хотя так происходило со всеми, кто шёл на сотрудничество с администрацией. Администрации СИЗО и операм нужны такие агенты только до поры до времени, и при первом удобном случае они поспешат от своего агента избавиться. Кроме того, многих из тех, кто сотрудничает с операми, в определённый момент начинают ещё и шантажировать, мол, либо деньги давай, либо мы тебя на этап отправляем, и там ты встретишься с теми, кого ты подставлял или прессовал. Но, к сожалению, не все знают, что опера, как и вся администрация, не должны заслуживать доверия, и идут на сделку с ними. Естественно, в конечном итоге большинство этих доверчивых ждёт обман, но тогда уже будет поздно, поэтому нужно всегда думать заранее и помнить одну простую истину: «мусорам веры нет».

Беко раньше уже был в этой хате, перед тем, как его после

карцера перевели к нам. Он в ней провёл одну ночь, потому что посадили его туда по ошибке и места для него не было. И когда его перевели в нашу хату, Беко рассказывал нам, что там остались два козла, а несколько других арестантов их просто терпели или делали за них всю работу, заправляли их постель, мыли их посуду, стирали их одежду. В хате был телевизор, и эти два козла повернули его себе, чтобы никто, кроме них, его не смотрел. Беко зашёл в камеру, увидел этот телевизор, подошёл к нему и развернул его ко всем. Когда козлы стали возмущаться, он им сказал, что давно не видел телевизора и хочет его посмотреть. По арестантским понятиям никто из арестантов не может никому ставить запреты, в том числе и запрет смотреть телевизор. Запреты ставят только мусора, арестанты живут и не мешают жить другим. После одной ночи в бывшей пресс-хате Беко перевели к нам, а когда мы отказались показательно здороваться на утренней проверке, его перевели обратно. На этот момент ещё один козёл был осуждён, и его взяли в отряд рабочие этого СИЗО. По слухам, он даже смог там занять одно из самых удобных мест. В этой хате остался только один козёл, и по вполне понятным причинам он уже не мог так просто прессовать людей, но всё равно с операми продолжал открыто сотрудничать.

Через несколько дней после того, как я согласился рассматривать дело в особом порядке, за мной пришёл корпусной и сказал мне собираться с вещами. Я сначала подумал, что меня переводят обратно в предыдущую камеру, но меня повели к дверям этой бывшей пресс-хаты. Я знал, что там, во-первых, из всех козлов остался только один, во-вторых, в этой хате сидит Беко, поэтому у меня не было страха, когда я перешагивал порог этой хаты. Передо мной сразу встал огромный двухметровый миксфайтер — тот самый козёл, это сразу было понятно, потому что он отличался от всех остальных своими размерами. Он встретил меня с широкой улыбкой и в позе руки на поясе.

— Заходи, заходи. Не бойся, — радостно сказал он и я

понял, что он заранее знал, что меня сюда переведут, а значит, это было не случайно.

Из-за спины этого амбала выглядывал и улыбался Беко. Я положил матрац и баул на пол и спросил у всех, где я могу разместиться. Этот здоровяк велел одному молодому арестанту переместиться с нижней полки на верхнюю и сказал, чтобы я занимал нижнюю полку.

— По поводу чего ты на оперов жаловался? — сразу в лоб спросил козёл.

— Я не жаловался. Жаловался адвокат, — я сразу понял и возможную причину помещения меня в эту хату, и попытку этого козла выставить меня терпилой, то есть тем, кто жалуется на кого-то, превращаясь в потерпевшего по какому-то делу, а статус потерпевшего в тюрьме не приветствуется.

— Ну а по какому поводу-то он жаловался?

— По поводу того, что они пытались меня заставить писать ещё одну явку с повинной. Он мой защитник, работа у него такая — защищать, он за это деньги и получает, — я пытался следить за каждым своим словом, чтобы он ни к чему не смог придраться, потому что такие, как он, чаще общаются не для самого общения, а для того, чтобы за что-то зацепиться и выставить собеседника в чём-то виноватым.

— Ты не подумай только, что я тебя затынул и всё такое... — он не закончил фразу и замолчал. Беко позвал меня в угол хаты и попросил всех отойти, чтобы мы с ними пообщались на его полке.

— Только не долго там шепчитесь, — попросил здоровяк.

Беко меня спросил, что происходило в другой хате, в которой я сидел, потом сделал предположение, что меня поместили в эту хату потому, что мне очень часто приносят передачи мои товарищи. По правилам приличия, передачами желательно делиться, чтобы не посчитали одиноличником, это ведёт к тому, что с таким жадным человеком тоже никто не будет делиться и вообще редко будут разговаривать. А тем более политическим рекомендуется в тюрьме помогать нуждающимся по мере возможности. А тем более, что по

понятиям брать ничего нельзя только у обиженных, поэтому человек, который никому ничего не даёт, ведёт себя как обиженный. Поэтому и говорят, что в тюрьме всё общее, как в коммуны, а своё личное есть только у обиженных.

— Ты сам видишь, что сейчас в этой хате нормально всё. Так что можешь не беспокоиться, — успокоил меня Беко.

Я принял к сведению уже две версии, почему я оказался в этой хате. Первая — это как-то связано с операми из центра «Э», и вторая — просто этот миксфайтер занимается здесь спортом и очень любит поесть, вот и затащил к себе того, кому часто передачи приходят.

Глава 62. Развязка дела Трифана.

Я быстро освоился в этой хате. Здесь от старой жизни ещё оставались отголоски, например, этому козлу до сих пор заправляли постель и мыли ему посуду. Всё это делали два человека. Третий — узбек — каждый день мыл пол. С мылом. Никто из них не высказывался против такого положения вещей, и поэтому можно было сделать вывод, что их самих это устраивало, ведь невозможно одновременно быть несогласным и молчать. А раз их это устраивало, то я предпочёл не обращать на это внимания, хотя для меня было странно смотреть, как кто-то добровольно делает за другого всю его работу. Миксфайтер запрещал всем курить в камере. Он говорил, что задыхается от дыма. И только с Беко он нашёл общий язык на эту тему: Беко согласился курить возле решётки у двери. Таким образом, этот спортсмен не ставил запрет, а просто нашёл приемлемый для всех сторон компромисс. Только вот с остальными, кто сидел в этой камере, он такой компромисс искать не собирался. Вот курящие и жили от прогулки до прогулки, потому что спортсмен не был против курения в дворике на улице — весь дым быстро уходил. Но когда этого спортсмена вызывал к себе опер, все втихаря начинали курить в форточку, чтобы только миксфайтер об этом не узнал. Мне было даже смешно

на это смотреть, как, с одной стороны, все они хотели курить, с другой, боялись это делать и курили втихаря.

Некоторые в школьном возрасте начали курить, чтобы не отделяться от стада, но в стаде всегда ходили бараны, а в одиночку летают только орлы — это тоже я знал со школьной скамьи. Поэтому такие люди сами сделали этот выбор — стать зависимыми от курения, значит пусть теперь с этим и живут. Конечно, большинство курящих посчитают такие мои размышления дикими или смешными, но это мои убеждения, и меня ещё никто не смог убедить в их неправильности. Каждый человек сам выбирает свой путь. Я выбрал, и они тоже выбрали. Беко тоже смотрел на них всех со снисхождением, когда видел, как они прячутся, как подростки, чтобы покурить. Мы с Беко одинаково относились к поведению этих курящих сокамерников.

Через несколько дней меня вызвал корпусной и повёл в комнаты для встреч с адвокатом. Но в этой комнате моего адвоката не было. Там сидел какой-то другой мужик в свитере и папкой бумаг. Я прошёл в эту комнату и сел напротив него. Он представился следователем и сказал, что пришёл взять у меня объяснения по поводу визитов оперов с центра «Э».

После посещения меня правозащитниками неделей позже ко мне по этому же вопросу приходил прокурор, и я ему рассказал всё то же самое, что и правозащитникам. И вот теперь, как я понял, он отправил какой-то запрос в следственный комитет, чтобы они решили вопрос о возбуждении уголовного дела. Я ему стал рассказывать, когда меня посещали опера, и что они предлагали мне написать явку с повинной. Потом следователь задал ключевой вопрос, угрожали ли мне эти опера чем-нибудь. Он имел ввиду угрозу оперов посадить меня в боновскую камеру.

— Советую сказать, что не угрожали, — после недолгой паузы с серьёзным лицом сказал следователь.

Тут я сразу понял основную причину помещения меня в эту хату. Я точно знал, что я даже не успею дойти до своей хаты, как этот двухметровый козёл узнает все подробности

моего разговора со следователем и даже получит инструкции от опера. Я стал взвешивать все «за» и «против». Стоит ли мне рисковать своим здоровьем и ещё чем-нибудь ради попытки наказать уголовно Трифана? Ко мне уже перестали приходить «эшники», что мне и было нужно. А наказывать кого-то за что-то в мои планы не входило. Поэтому я решил, что правильнее будет отбросить идеи наказать Трифана, которого впоследствии, скорее всего, оправдает наш «самый гуманный и справедливый суд в мире».

— Не угрожали, — сказал я, хотя и остался неприятный осадок оттого, что я всё-таки сказал это под давлением.

Следователь записал это в протокол, и я его подписал. Вернувшись в хату, я сразу же посмотрел на миксфайтера. Он делал вид, что на меня не смотрит, но было видно, что наблюдает за мной боковым зрением. Это был конец истории с «эшниками», и, не смотря на то, каким этот конец получился, я не чувствовал себя проигравшим. Потому что моя цель была достигнута, а цель состояла в прекращении попыток оперов повесить на меня лишние эпизоды. Кроме того, теперь я знаю, как именно опера с воли получают доступ к посещению любого из арестантов. А это значит, что правозащитники, которые, возможно, ещё не в курсе такой схемы, тоже теперь могут принять это к сведению.

Ничто в нашей жизни не происходит просто так, всё имеет свои последствия. И я уверен, что последствия того, что вскрылась эта оперская схема, будут хорошими в будущем. Если у меня с адвокатом удалось огородить меня от оперов, значит и многим другим это тоже по силам.

Глава 63. Суд.

Наконец мне назначили дату суда — в начале апреля. Мне об этом сообщил адвокат. Он пришёл ко мне и посоветовал, чтобы я заранее подумал, что я буду говорить на последнем слове. Но он не дал совет, что желательно упомянуть в этом последнем слове. А когда я спросил адвоката о его прогнозах

на результат суда, он в каждую нашу встречу говорил абсолютно разное. То он говорил, что, скорее всего, мне просто дадут условный срок и зачтут уже отсиженное, то он мне говорил: «Готовься получить реальный срок».

Я не понимал, чего мне ждать, и это волнение занимало все мои мысли. При этом я осознавал, что если постоянно думать о предстоящем суде, то ни к чему хорошему это не приведёт. Чтобы отвлечь себя, я стал вспоминать всё, чему я научился, когда стал увлекаться трудами Кастанеды и Ошо. Благо в этой камере тоже было несколько книг на подобные темы. Наш миксфайтер тоже интересовался самопознанием и философией, при этом у него это вполне гармонично сочеталось с просмотром его любимой передачи — «Дом 2». Когда я впервые узнал, что он не пропускает ни одного выпуска этой передачи, меня это не на шутку удивило. По сути, он делал всё подряд: смотрел «Дом 2», сотрудничал с опером, занимался спортом, ежедневно медитировал и выполнял упражнения для развития интуиции. Весьма разносторонне развитый козёл...

Практики контроля над своими мыслями очень помогли мне избежать паники в ожидании суда. А такие паники бывают в этих местах очень часто. Я лично даже видел, как одного человека в ночь перед его судом несколько раз обильно тошнило, из-за чего он утром поехал на суд невыспавшимся. А после суда он не вернулся, потому что его отпустили. Многие здесь прекрасно понимали, что самое главное во время ожидания суда — это как можно меньше думать об этом суде.

Я заранее писал письма всем своим питерским друзьям и просил их только об одном — прийти на мой суд. У меня были подозрения, что на суд могут прийти «эшники», чтобы отомстить за жалобу адвоката. И чтобы уменьшить шансы «эшников» на какую-либо провокацию, я хотел, чтобы на суд пришло как можно больше друзей.

Наконец, подошёл день суда и мне корпусной сказал быть готовым ехать. За день до этого я попросил одного из

сокамерников сломать мою зубную щётку, если вдруг я не вернусь после суда (есть такая примета в тюрьме — ломать зубную щётку освободившегося, чтобы он не вернулся больше). Беко к этому времени перевели в другую камеру.

Утром меня и ещё несколько человек провели в собачники. Когда стали называть фамилии, кого везут на суд, мою фамилию назвали в списке нескольких других, и нас всех повели в автозак, стоявший возле ворот на улице. Это был первый раз, когда меня везли на суд в автозаке. Раньше меня везли туда опера на своей машине, а теперь им запретили меня посещать, и я еду в автозаке. Мы все разместились на узких скамейках внутри автозака, и конвойный закрыл дверь коридорчика, в котором все и размещались. Сам конвойный сидел возле двери на улицу.

Мы доехали до здания суда, и он снова открыл дверь. Мы стали выходить по одному. Улицы здесь не было видно, потому что автозак заехал в арку здания суда. Конвойные всем крикнули, чтобы никто не смотрел вверх, и все выстроились лицом к стене возле двери. Когда все вышли из автозака, нас завели в здание на первый этаж. Я успел заметить часы на стене, до моего суда было ещё три с половиной часа.

Мы все выстроились в небольшом помещении, и женщина в форме спросила у нас, есть ли некурящие. Таковыми были я и ещё два человека. Всех остальных, предварительно спрашивая фамилии, заводили в маленькие собачники суда. Размером они были значительно меньше, чем в СИЗО и намного темнее. Одна железная шконка, цементные рельефные стены и темнота. Здесь, конечно, была небольшая лампочка, но она светила так тускло, что невозможно было даже почитать документы для суда. Всех некурящих завели в отдельный собачник. Нам сильно повезло, потому что в курящих собачниках было намного больше народу, а если они в этих собачниках собирались ещё и курить, то нахождение там превращалось в пытку.

Я ждал в этом собачнике суда и время от времени слышал,

как из других собачников вызывают по фамилиям других. Вдруг кормушка в двери открылась, и какой-то мусор спросил, пойдём ли мы в туалет. Я согласился, хотя и не очень хотелось, но когда в следующий раз можно будет пойти в туалет, было неизвестно. В туалет выводили по одному, и перед заходом туда и после выхода всех тщательно обыскивали. Я сходил в туалет, умылся, чтобы не заснуть, и продолжил ждать.

Наконец, дверь открылась, и мусор назвал мою фамилию. Я, уже в предвкушении, что увижу знакомых, вышел из собачника. Мне сказали взять с собой только то, что мне необходимо будет на суде, и я взял все свои бумаги. На меня надели наручники, и мы пошли по закрытой лестнице на верхний этаж, где находился зал суда. Впереди шли два здоровых мусора и сзади ещё один. Мы прошли по коридору и подошли к залу суда. Возле него сидели несколько моих друзей, пара правозащитников и моя мама. Со всеми я поздоровался взглядом, и меня провели в зал и завели в клетку. Пока мусора закрывали клетку и снимали с меня наручники, в зал зашли все, кто пришёл меня поддержать. Я ожидал увидеть больше своих друзей, но я не увидел ни одного из тех, кому я писал в письмах просьбы прийти. Но я был рад видеть всех, в том числе маму, своего друга, у которого я жил, Веганшу и пару других знакомых и незнакомых людей.

В зале уже сидели адвокат, прокурор и секретарь с глубоким декольте и большой грудью. Ни потерпевшего, ни какого-нибудь его представителя не было. И хорошо, что не было, не надо будет извиняться ни перед кем. В зал зашла судья, и все встали, суд начался.

Сначала стали выяснять подробности произошедшего 4 ноября 2008 года. Когда судья спросила, почему мы стали выяснять отношения, я сказал, что просто поругались, не нашли общий язык и всё. Прокурор зацепился за то, что это было на людной улице, практически в час-пик, да ещё и в праздничный день, значит, преступление имело дерзкий

характер. А адвокат настаивал на том, что я признался, якобы раскаялся, и если бы здесь присутствовал потерпевший, попросил бы у него прощения. Дополнительно он предоставил чек на почтовый перевод от моего имени на имя потерпевшего, чтобы было видно, что я пытался сгладить свою вину и возместить ущерб. Но потом ещё стало известно, что потерпевший подал иск на возмещение ущерба, в котором указал сумму в триста тысяч рублей. Судья посмотрела на этот иск, и оказалось, что составлен он не правильно, потому что никакого обоснования такой суммы нет, иначе говоря, мой терпила взял эту сумму с потолка.

В конце мне дали последнее слово, но я так и не придумал, что можно сказать, поэтому повторил уже сказанное адвокатом, добавив только, что я после этого якобы отказался от насилия, потому что раскаялся. Тогда судья спросила: «А зачем ты вообще достал нож?» Именно в этот момент я не понимал, что ей ответить, потому что на самом деле я достал нож, чтобы порезать того, кто посчитал, что он может вот так просто выйти на улицу Питера и начать кричать «Зиг хайль» и вскидывать правую руку. Но, по версии, выстроенной адвокатом, я не собирался его резать и нанёс удары ножом случайно после того, как меня залили из газового баллончика. Что мне нужно было ответить? Почему ещё можно было достать нож?

— Чтобы его испугать, — я не смог найти более разумной версии.

От моего ответа у судьи вытаращились глаза:

— Ты, вроде, взрослый человек, ты понимал, что это уголовно наказуемо? — спросила судья.

— Ну, теперь я это понимаю, — виновато ответил я и стал думать, что же мне надо было ответить, но так и не придумал ничего.

После этого прокурор попросил для меня пять лет лишения свободы в колонии общего режима. Ни я, ни адвокат, ни кто-либо из присутствующих даже не ожидали, что прокурор попросит самый максимально возможный для меня

срок. Слегка опешивший адвокат попросил, чтобы мне дали условный срок, и судья вышла принимать решение. Из зала вышли все, кроме мусоров и секретарши. Я постепенно приходил в себя после просьбы прокурора и смотрел на декольте секретарши. «Сколько ещё времени я не смогу увидеть такое? Что вообще решит судья? Что будет дальше?» — в моей голове крутилась куча вопросов и ни одного ответа. Ответ предстояло ждать ещё несколько минут. Через несколько минут решится моя судьба, и зависит она теперь от одного человека в мантии.

Все вернулись в зал суда, и после них в зал зашла судья. Она стала оглашать свой приговор.

— ...Назначить наказание в виде двух лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима...

— Пока судья отсутствовала, я уже успел успокоиться и смириться с любым сроком, поэтому к таким словам я уже был готов.

После суда на меня снова надели наручники и повели обратно в собачники. Когда мы прошли к ним, мусор, который ждал там, спросил: «Ну, что у него?»

— Два года, — ответил один из конвойных.

— Реальный? — опять спросил он, потому что, скорее всего, тоже думал, что мне дадут условный срок.

— Игрушечный, — почти смеясь ответил ему конвойный.

Меня завели обратно в собачник. Нам оставалось подождать ещё одного суда, чтобы нас всех повезли обратно в тюрьму. Долго ждать не пришлось, и нас тем же составом повели к автозаку. Никого сегодня не отпустили. В автозаке уже было несколько человек с другого суда, которых везли в «Кресты». Туда мы заехали по пути, высадили всех, кто из «Крестов», и поехали дальше...

В хату я вернулся перед самым ужином. Миксфайтер сразу спросил, сколько мне дали, а когда я ему ответил, он меня поздравил. Сам он о таком сроке мог только мечтать, потому что ему грозило минимум десять лет.

— Два года не срок, а жизненный урок. Дольше посидишь

— больше увидишь, а потом ещё и книгу напишешь. Не думал над этим? Чтобы книгу написать? — спросил миксфайтер.

— Да как-то даже не думал раньше над этим, — сказал я и соврал, на самом деле я стал думать о написании книги, когда ко мне только-только стали приходиться «эшники».

Я просто в последнее время стал замечать, что этот козёл, увлекающийся медитацией и развитием интуиции, уже стал достигать определённых успехов. Да таких успехов, что возникали ощущения, как будто он читает мысли. Через десять дней приговор должен был вступить в силу, после чего меня будут отправлять отбывать наказание.

Глава 64. Этапная хата.

Я уже отсидел почти полгода, и значит, мне осталось ещё посидеть полтора. На условно-досрочное освобождение я могу рассчитывать после отсидки половины срока, а значит, примерно через полгода. И теперь я стоял перед выбором: либо отправляться на зону, куда пошлют, и моим друзьям придётся меня как-то искать, либо просить, чтобы меня отправили на зону поближе к месту моей прописки, либо оставаться здесь в рабочке. Тогда я ещё не знал, что такое «рабочка». Для меня это были обычные осуждённые на небольшие сроки, которые решили по каким-то причинам не отправляться на зону.

Через 10 дней после суда в хату принесли бумагу, в которой было написано, что приговор вступил в законную силу. Но после суда мне адвокат сказал, что они уже с моей мамой написали кассационную жалобу, чтобы просить сделать мой срок условным. Как же тогда приговор вступил в силу?

А на следующий день меня позвал корпусной вместе с вещами. Куда меня переводят, я не знал. Мы спустились на третий этаж в тот же корпус, в котором мы когда-то сидели до того, как всех переселили.

Я зашёл в свою новую хату и поздоровался.

— Какой срок тебе дали? — сразу спросил какой-то пожилой человек с тростью.

— Два года общего, — я даже не понял, откуда они знают, что у меня уже суд был.

— Здесь все со сроками, — сказал пожилой человек, как будто понял, о чём я думаю. — Это этапная хата, здесь все ждут этапа на зону. За что тебе два года-то дали.

— За 111-ю, первую.

— Ну, понятно. Порезал кого-то что ли?

— Нациста порезал.

Пожилой сразу расцвёл в улыбке и поправил очки:

— Аааа. Так ты у нас политический значит?

— Ну, да.

— Понятно, будем знать. Располагайся где хочешь.

Хата была почти свободна — из 10 мест занято было только 4. Я занял последнюю оставшуюся нижнюю полку и стал доставать свою посуду и продукты. Пожилой спросил, нет ли у меня случайно колбасы.

— Я мясо не ем, — сказал я.

— Так ты ещё и зелёный? А когда баландёр еду приносит, и если там мясо, ты что делаешь?

— Если он мне мясо положит, я мясо кому-нибудь отдаю, а сам ем всё остальное. Отдаю либо нуждающемуся, либо кто первый попросит.

Пожилой рассмеялся, ударил в ладоши и, потирая руки, сказал: «Ну, тогда считай, что я первый». Один из других молодых посмотрел на меня с улыбкой:

— Шустрый дед, да?

— Да уж пошустрее многих молодых, — радостно сказал пожилой.

Я раньше отказывался от мяса, потому что не хотел спонсировать эксплуатацию животных. А здесь я понимал, что вне зависимости от того, буду я есть мясо или нет, его всё равно будут добавлять в еду, как положено по норме. У администрации есть чёткий список заключённых, и на каждого предусмотрено определённое количество еды, в том

числе и мяса. Полностью отказываться от еды, потому что там было мясо, означало бы, что я буду питаться только тем, что мне передают друзья. А чтобы мне этого хватило, мне пришлось бы всю еду зажимать и ни с кем не делиться. Кроме того, нужно было бы крайне сильно экономить. А учитывая, что объём продуктовых передач строго ограничен, то, скорее всего, пришлось бы есть раз в несколько дней. Об этом мне и говорил Веганист. Здесь невозможно быть веганом, потому что если у кого-то удаётся быть здесь веганом, значит, он откуда-то регулярно получает еду, что вызывает подозрения. Я не хотел лишней раз напрягать своих друзей, чтобы они носили мне передачи и делали заказы в магазине. Но, несмотря на то, что я понимал, что от моего отказа от мяса здесь ничего не зависит, я всё равно от него отказывался. Если на воле вегетарианство и веганство можно было назвать личным действием против обогащения тех, кто убивает животных, то здесь это превращается в дело принципа. Я понимал, что от моего вегетарианства никому не станет лучше, и относился к этому как к испытанию моих убеждений.

В этой хате был один человек, которому дали срок в колонии-поселении (или проще — «посёлок»), у остальных был общий режим. В соседней хате сидели люди со строгим режимом, а с другой стороны была хата с особым режимом. В обычных камерах, где сидят обвиняемые, первоходы и те, кто раньше сидел, содержались отдельно, в разных камерах. А здесь разделение было только по режимам содержания. Пожилой, например, имел за плечами уже четыре ходки ещё с девяностых. Раньше он и вымогал, и грабил, а теперь вот попробовал уколоться героином и подхватил ВИЧ, а потом ещё и инвалидность. Теперь он сидит за хранение наркотиков и ходит с тростью. Обстановка в этой хате была крайне не постоянной, потому что все, кто здесь сидел, просто ждали своего этапа, и большинство не задерживалось в этой хате дольше трёх недель. Каждый вечер все ждали, когда корпусной начнёт ходить по камерам и говорить, чтобы утром

собирался кто-то на этап.

Когда кого-то называли, он всю ночь готовился к этапу: проверял все свои вещи, чтобы не брать лишней одежды (то есть цветной, с рисунками и тому подобным), брал с собой сигареты, немного еды, чай. Многие брили головы, чтобы не пришлось стричься в зоне, так как, по рассказам, в зоне стригут козлы и могут разодрать на голове кожу машинкой. Вся хата провожала того, кто отправлялся, с утра, многих провожали всю ночь. А после того, как кого-то отправляли на этап, на его место приводили ещё кого-то, у кого недавно был суд. Таким образом коллектив хаты менялся постоянно, как в конвейере.

Но у меня должна была быть ещё кассация, значит, меня в ближайшее время не должны были отправлять куда-то. Кроме меня кассацию здесь ждали двое: пожилой и тот, у кого был посёлок.

Этот пожилой время от времени ходил на приём к врачу и каждый раз качество работы этих врачей его так шокировало, что он даже возмущаться перестал — всё равно бесполезно. Я тоже сталкивался со своеобразием врачей этого СИЗО, когда пару месяцев назад ходил вырывать больной зуб. В местах лишения свободы зубы не лечат, а только вырывают, поэтому очень многие здесь ходят с больными зубами до последнего и мучаются. У некоторых в заключении зубы начинают гнить. Вообще подорвать здоровье в тюрьме можно в два счёта, а вот восстановить его до освобождения бывает крайне сложно. Поэтому и приходится заботиться о здоровье больше, чем на воле. Желательно вести здоровый образ жизни, соблюдать правила личной гигиены, заказывать с воли побольше витаминов и пореже отказываться от прогулки. Один человек целый месяц под разными предложениями отказывался от прогулки, в итоге у него ни с того, ни с сего начались кровотечения из носа. Но самый впечатляющий случай в этой тюрьме, связанный с местными врачами, свидетелем которому я был, — это когда в бывшей пресс-хате молодой парень простудился и пошёл на приём к врачу. Когда он пришёл

обратно в хату вместе с бумажкой — освобождением от прогулок, он посмотрел, что на этой бумажке написано, и стал смеяться. Нас всех это заинтересовало, и он нам показал своё освобождение, а было там написано: «Диагноз: заболевание». Вот такие вполне логичные диагнозы ставят в местах лишения свободы.

Глава 65. Рассказ пожилого о псевдо-историке.

Постепенно коллектив в хате менялся, неизменными были только трое нас, ждавших рассмотрения кассации. Так как я в этой троице был самым молодым и умел плести канаты из распущенных старых свитеров, я стал дорожником. В этапной хате обязательно должен быть дорожник, который будет отвечать за связь с соседними хатами. Я постоянно был начеку и слушал стуки с разных сторон. Наша хата постоянно держала связь с одной соседней хатой строгачей, с двумя нижними хатами (это карантин на первом этаже и обычная хата), а также с обычной хатой, которая была над нами. Когда от соседей слышался стук, я вставал на решётку окна, брал «удочку» и затягивал в хату верёвку с малявой или каким-то грузом. Я снимал с верёвки маляву и читал, чьё имя на ней написано, после этого отдавал адресату маляву. Иногда был написан номер другой хаты, тогда я привязывал маляву или груз на свою верёвку, которая в тюрьме называется «дорога» (отсюда и название — «дорожник») и посылал всё дальше в сторону нужной хаты. Однажды, когда я отправлял дальше грузы, пожилой начал со мной разговор об антифашизме.

— ...Я вообще считаю, что о людях нужно судить не по их расе или национальности, а по их поступкам, — объяснил я ему свою основную позицию по этому вопросу.

— А как думаешь, почему некоторые люди вступают в нацистские группировки? — спросил пожилой.

— Ну, скорее всего, все по-разному. Подростки,

например, хотят, чтобы взрослые считали их опасными, а значит, по их собственному мнению, крутыми. Люди постарше просто телевизора насмотрелись и стали думать, что если несколько человек нерусских плохие, то и все остальные люди такой национальности такие же плохие. Ну, это уже типичный недостаток интеллекта.

— А как можно сделать, чтобы люди судили не о группах людей по отдельным её представителям, а просто чтобы судили о каждом человеке отдельно? — постепенно мы переходили в более запутанную фазу разговора.

— Ну, получается, что нужно повышать уровень интеллекта населения.

— А зачем же вы тогда били нацистов на улице? — сразу спросил пожилой.

— Это уже другое. Повышать интеллект населения нужно, чтобы нацисты не появлялись. А насилие на улицах нужно для того, чтобы они понимали, что вокруг них есть много людей, которые не дадут им спокойно ходить по улицам и распространять свои гнилые идеи. Чтобы они помнили своё место, им постоянно надо об этом напоминать.

— Понятно. А ты знаешь, кто такой Борис Соколов? — мой собеседник очень резко сменил тему разговора.

— В первый раз слышу, — я сначала подумал, что он спрашивает про кого-то, кто сидит в этой тюрьме, потому что обычно, когда здесь спрашивают, знаешь ли кого-то, именно это и имеют в виду.

Но мои предположения оказались неправильными. Пожилой наркоман на самом деле не менял тему разговора, а просто подошёл к основной его части, а предыдущие вопросы были своего рода подготовкой к разговору.

— Борис Соколов это та ещё сволочь, — начал пожилой.

Он мне рассказал, что это некий историк, который знаменит тем, что искажает историю Второй Мировой войны. Его даже обвиняли в искажении исторических фактов после выхода его очередной книги. В своём труде этот псевдо-историк написал выдуманную цифру, когда сообщал

количество убитых бойцов Красной армии. Причём это число даже превышало количество призванных бойцов в эту Красную армию. Вот и получилось, что по фантазии Соколова Советский Союз потерял в Красной армии больше людей, чем было в этой армии! Но, к сожалению, мало кто знает об этом его обмане, и его книги продолжают продаваться. Пока собеседник мне рассказывал про Соколова, я постепенно и сам стал понимать, для чего надо было этому псевдо-историку так завышать число жертв.

— Это всё для того, чтобы показать, что Сталин был намного хуже Гитлера? — спросил я.

— Вот именно, — одобрил пожилой. — Причём это только начало. Следующий шаг — это реабилитация Гитлера. Мол, сначала люди должны поверить, что Сталин хуже, чем Гитлер. А потом будет легче им внушить, что Гитлер на самом деле был хорошим.

— А ведь в Латвии и Эстонии именно так и получилось? — в моей голове сразу стала выстраиваться логическая цепочка.

— Молодец. Я вижу, ты умеешь размышлять, — обрадовался пожилой. — Вот если ты освободишься и напишешь книгу, вспомни меня и этот наш разговор.

Меня сразу удивило, что уже второй человек говорит мне о написании книги. Я кивнул головой и стал размышлять об этом псевдо-историке провокаторе. Да, Сталин на самом деле был кровавым диктатором. Но ведь и Гитлер был кровавым диктатором. Зачем же кому-то понадобилось реабилитировать его личность? Видимо, кому-то это очень выгодно. И в прибалтийских странах после вторжения советских войск стали ненавидеть всё советское. А по принципу «враг моего врага — мой друг», прибалты стали создавать образ героя в лице гитлеровца, солдата СС. При этом они забывали, что немецкие фашисты тоже убивали много невинных людей. Но кому-то удалось убедить их в правильности выбора одного из двух зол, и теперь мы имеем то, что имеем. И созданный кем-то образ врага в виде всего советского для сплочения

народных масс сделал своё дело.

Меня так впечатлил этот разговор, что мысли о нём захватили меня на несколько дней.

Глава 66. Подготовка к этапу.

Только через полтора месяца сидения в этапной хате городской суд стал рассматривать кассацию моего адвоката. Я ещё до этого рассмотрения понимал, что скорее всего суд не удовлетворит её. Такой вывод я сделал, когда прочитал ходатайство адвоката о кассации. А указал он в нём всё то же самое, что говорил на суде, при этом в приговоре было сказано, что суд это учёл и назначил мне наказание. Зачем тогда городской суд будет изменять решение районного суда, даже мне было не понятно, а судьям тем более не будет никакого резона это делать. Поэтому меня ни капельки не удивило, что приговор оставили без изменений.

К нам в хату пришёл режимник и стал всех спрашивать, кто хочет остаться в этом СИЗО на рабочку. Все ответили, что не хотят, а я ответил, что не против, и режимник дал мне бланк заявления на принятие в трудовой отряд СИЗО. Я написал это заявление и передал через одного из рабочих.

— А зачем тебе оставаться в рабочейке? Ты же, вроде, нормальный. Или я ошибаюсь? — спросил один из сокамерников.

— Ну, чтобы остаться в Питере. А в рабочейке ненормальные? — не понял я.

— Как сказать? Конечно, где бы ты ни был, нужно всегда оставаться человеком. Но есть места, где человеком оставаться сложнее, — начал мне объяснять сокамерник.

— Да что ты его грузишь? Скажи проще. Когда кто-то из рабочейки как-нибудь накосячит или поссорится с администрацией, его отправят на зону. А на любой зоне к бывшей рабочейке относятся, мягко говоря, плохо. Такое отношение к ним сложилось потому, что опера постоянно держат их в страхе, что отправят на зону. Вот и заставляют

рабочку сотрудничать и стучать. А если кого-то из рабочейки всё таки отправляют на зону, никто не будет разбираться, стучал он или нет. Раз рабочка, значит, скорее всего, стучал, — стал объяснять другой сокамерник.

— Предъявлять, конечно, ничего не будут, если не найдётся тот, на кого бывший рабочий стучал. Но отношение к этому рабочему с первых дней будет построено не в лучшую сторону, — закончил объяснения пожилой.

Но я уже отдал заявление, и мне даже пообещали, что, скорее всего, меня в рабочку возьмут, потому что недавно из рабочего отряда освободились условно-досрочно несколько человек. Но мне повезло, и через несколько дней я получил известие, что меня не берут в рабочку. А причиной оказался отказ главного опера СИЗО, что меня ни капельки не удивило. Я уже доставил им массу проблем, и они просто жаждали от меня избавиться.

Только в конце июня, когда в хате не осталось никого из тех, кто здесь был в день моего перевода сюда, я дождался, когда меня позовут на этап. Я ждал этого очень долго. И когда корпусной сказал мне, чтобы утром я был готов с вещами, я, с одной стороны, почувствовал облегчение, с другой, лёгкое волнение. Впереди меня ждала неизвестность. Всю ночь я писал письма всем своим знакомым и маме, чтобы сокамерники отдали их на проверку, когда меня в камере уже не будет. Я писал всем, что не знаю, куда меня повезут, и что когда я приеду на зону и у меня появится возможность написать письмо, я сразу же это сделаю. Я взял несколько своих чистых конвертов и в графе отправитель написал свою фамилию, чтобы на этапе эти конверты не стащили какие-нибудь козлы. Особенно заставляли нервничать рассказы об этапах тех, кто не в первый раз сидит. Они рассказывали, что раньше в питерской зоне в районе Обухово этап встречали не мусора, а козлы с палками и бейсбольными битами. И часто было, что они кричали всем: «Пидарасы налево, козлы направо». Если кто-то оставался стоять посередине, всех били битами. Потом все вещи прибывших по этапу раскидывали по

большому столу, и козлы рылись в этих вещах и забирали себе всё, что их заинтересует. За всем этим молча наблюдали мусора. В большинстве зон встречается тюремный спецназ и бьют всех подряд, чтобы подавить волю осуждённых с первых же минут. В одной зоне в Карелии всех мужиков заставляют есть за одним столом и из одних тарелок с обиженными. По тюремным понятиям это делать нельзя, потому что всякий, кто ел из одной посуды с обиженным, сам становился обиженным. Если кто-то отказывался есть или пытался получить свою посуду в посылке, его избивали как бунтовщика. Особо упорные осуждённые становились инвалидами. Такое у нас государство. Если человек оступился разок в жизни, его посадят в тюрьму и сделают инвалидом. А ведь среди тех, кто сидел в этом СИЗО, далеко не всех можно назвать угрозой для общества. Несколько человек, например, здесь сидели за то, что украли велосипед. Одного бомжа приговорили к нескольким годам строгого режима за то, что он рылся в помойке, нашёл там жестяные банки и пошёл сдавать. По пути его задержали менты и нашли в этих банках наркотики. В камере напротив сидел бывший опер, который подбрасывал на проспекте Просвещения в Питере людям наркотики и требовал деньги. Всех, кто не смог ему заплатить, он сажал в тюрьму и повышал таким образом себе раскрываемость. В разных хатах вокруг него сидело и ждало свои этапы несколько человек, которых он подставил. Никого из них уже не оправдают, несмотря на то, что опер, их посадивший, теперь сам сидит. И до него никто не сможет добраться, потому что его повезут в специализированную колонию для бывших сотрудников. От таких мусоров никто не застрахован. Чтобы сесть в тюрьму ни за что, нужно просто попасться в нужный момент нужному мусору и всё. Никто не поверит тебе, если ты вообще никогда не употреблял наркотики. Их же у тебя нашла наша доблестная милиция, а значит, ты преступник и должен сидеть в тюрьме.

Глава 67. Отправка на этап.

Собрав все необходимые вещи и побрив голову, я дождался утра после бессонной ночи. Всех, кого отправляли на этап, вывели из камер и повели с вещами на первый этаж в собачники. Нас было десять человек, среди которых общий режим был только у меня. У остальных был либо строгий, либо особый. И сроки были не такие маленькие, как у меня: у одного был срок 18 лет особого режима. Я даже не мог себе представить, как можно 18 лет сидеть, да ещё и на особом режиме. Мы все по очереди сдали матрац, кружку и миску, которые получили здесь при поступлении, и расписались, что не имеем претензий к администрации. Через полчаса за нами приехал специальный конвой, и всех по очереди стали заводить в отдельную комнату с вещами и полностью обыскивать нас самих и наши сумки. Затем нам раздали по три набора сухих пайков, в которые входили гороховый суп и овсяная каша быстрого приготовления, четыре пачки армейских галет, пакет чая и порционный сахар. Кашу и суп есть было невозможно из-за их отвратного вкуса.

Мы сели в автозак, там было несколько человек из «Крестов», которых тоже отправляли на этап. Автозак доехал до вокзала, и конвойный открыл дверь. Между автозаком и столыпинским вагоном было расстояние сантиметров пять. Из этой щели слышился лай нескольких собак, но я ни одной не успел увидеть. Все по одному с вещами перешагивали это расстояние и бегом направлялись в открытое купе. Когда в одном купе набивалось 12 человек, зарешёченную дверь быстро закрывали на замок и открывали следующее купе. Дальше опять по одному под громкий лай собак в купе забегали осуждённые. После такой беготни на время всё успокоилось. Купе в вагоне расположены с одной стороны, окон нет. С одной стороны купе стена, с другой узенькая дверь с маленькой кормушкой и решётка от пола до потолка. Этой решёткой купе отделены от продола, по которому ходят конвойные. У продола есть окна, как у обычных вагонов,

только с решётками. Один из конвойных стал ходить по продолу и кричать фамилии. Из разных купе раздавались голоса тех, кого называли. Когда конвой выяснил, кто где находится, они стали некоторых из нас переводить из одного купе в другое. Как оказалось, они разделяли всех на разные режимы. Так как из «Лебедёвки», где я сидел, с общим режимом был я один, когда меня перевели в другое купе с общим режимом, там не было ни одного знакомого лица. Половина тех, кто ехал в этом купе, были из областного СИЗО «Горелово». По их лицам было видно, что они счастливы, что уехали из этого СИЗО. Когда поезд не отправлялся уже около часа, они шутили между собой:

— Это просто тебя по ошибке на этап назвали. Сейчас тебя обнаружат, и обратно в Горелово поедешь, — шутил самый разговорчивый из них.

— Ага. Типун тебе на язык. Сейчас сам туда и поедешь, — отвечал ему другой.

Когда стало понятно, что конвой сгруппировал всех нас по режимам, мы стали знакомиться. Кроме меня в купе было большинство гореловских и несколько человек из «Крестов».

Купе было трёхярусным, на втором ярусе была дополнительная откидная полка. Чтобы все 12 человек не толпились на нижнем ярусе, четыре человека залезли на верхние полки, а все сумки мы запихали под нижнее сиденье и несколько сумок поставили на полки. Поезд ещё долго не отправлялся.

Гореловские стали рассказывать, что творилось у них в СИЗО. В отличие от всех других изоляторов, там были камеры размером в несколько раз больше, поэтому в них находилось не 10-15 человек, а около 50. Главным в камере считается так называемый «старший». Этим словом называют главного козла, которого назначают опера изолятора. На должность старшего назначают самого физически крепкого арестованного и желательно того, кому светит большой срок. У старшего есть несколько подручных амбалов — «дневальных». По сути дневальные помогают старшему держать всех под контролем. Вся камера контролируется этими козлами и они имеют внутри камеры даже большее влияние, чем администрация СИЗО. Если появляется кто-то, кто не согласен с таким положением вещей, сначала с ним разбираются козлы, а потом только об этом узнаёт администрация. Все остальные сидельцы находятся на полностью бесправном положении. Бесцельно ходить по камере запрещено, ходить в туалет когда вздумается запрещено. В туалет можно ходить только по очереди. Чтобы записаться в эту очередь, нужно шёпотом позвать дневального и он запишет в очередь в туалет. При этом туалет в камере не один. Есть ещё один туалет, но он только для дневальных и старшего, потому что они не записываются в очередь и у них туалет всегда свободен. Но даже если этот туалет свободен, другим всё равно приходится ждать в очереди в свой туалет. Если кто-то совершит то, что запрещено, например, слишком громко что-то скажет или задаст вопрос козлу, который ему не понравится, провинившегося заставляют присесть. Причём количество приседаний начинается от 500, если провинившийся попытается сказать что-то в своё оправдание,

его на полуслове перебивают и заставляют присесть 1 000 раз. Потом идет 2 000, потом 3 000, и так далее. А последняя цифра звучит как «Пэ Жэ», что означает «пожизненно». Это значит, что провинившийся должен присесть весь день каждый день, останавливаясь только на приём пищи, который в этом месте тоже ограничен по времени. Он будет приседать до тех пор, пока старший не смилостивится над ним и не разрешит ему перестать приседать.

Когда кому-то приходила передача, тот, кому она приходила её даже не видел, потому что большую её часть отбирали козлы, а то, что их не заинтересовало в передаче, отдавали адресату.

В разных камерах козлы устанавливали и другие самостоятельно выдуманные должности для остальных сидельцев. Кроме обычных должностей, вроде писаря, который мог без ошибок написать любое заявление, были и необычные. Например, так называемый «храподав». В его обязанности входило не спать ночью и слушать когда кто-нибудь из спящих начнёт храпеть. Когда он услышит храп в камере, он должен был сделать так, чтобы спящий перестал храпеть, чаще всего он просто толкал храпящего.

Постепенно в вагоне становилось невыносимо жарко и конвойных просили принести воды. Сначала они стали разносить воду и наливать всем в пластиковые бутылки и стаканы из чайника. А потом сказали, что вода закончилась и нам придётся воду экономить. Жаркое июньское солнце нагревало вагон и все начинали потеть. Те, у кого были шорты, надевали их. Остальные, в том числе и я, высоко засучивали штаны. Жара была невыносимая. А отсутствие воды её ещё больше усиливало. Да и поезд, как назло, постоянно останавливался и в окна переставал дуть ветер. При этом мы проезжали примерно 100-200 метров, останавливались и ехали обратно. И так несколько часов мы не могли выехать из Питера. В туалет выводят в столыпинском три раза в день. Из каждого купе выводят по одному и впереди идёт один конвойный, а сзади другой.

Дверь в туалете закрывать нельзя. Воды, чтобы умыться, в кране тоже нет. От стен и потолка веяло теплом. В этой парилке нам надо было ехать чуть больше суток.

К вечеру настала долгожданная прохлада. Поезд всё таки выехал из Санкт-Петербурга и дальше мы почти не останавливались. Только несколько раз остановились, чтобы высадить нескольких человек и взять других.

Глава 68. Первая пересылка.

На следующее утро мы приехали в Кировск. Никто ещё не знал, что это за город, а когда спрашивали у конвоя, они не отвечали. Поезд остановился, конвой сказал всем собрать вещи и приготовиться.

— Выбегать по одному и только когда я скажу. Все передвижения бегом. Не останавливаться. При попытке к бегству оружие и собаки применяются без предупреждения. На улице тоже бегом до автозака и заходить внутрь него. Первый пошёл!

Все по очереди стали выбегать по одному из купе и мы слышали громкий лай собак на улице. По звукам было понятно, что собак здесь больше, чем в Питере. Когда подошла моя очередь выбегать, конвойный крикнул: «Следующий», — и я побежал. Улицу толком я увидеть не успел, хотя от вагона до автозака было несколько метров. Собаки лаяли в нескольких сантиметрах от меня и казалось, что вот-вот они дотянутся до моей ноги, пока я бежал до автозака.

Потом мы около получаса ехали до пересылочной тюрьмы. А когда приехали, нас при входе всех проверили по сопроводительным карточкам, которые находятся у конвоя и поместили в их собачник.

Собачник в этой тюрьме был побольше, чем в питерской. Было большое окно, чистый унитаз и раковина с краном. Как только мы сюда зашли составом в 15 человек, все сразу же стали пить воду из крана, потому что всех сильно мучила

жажда после столыпинского. Напившись воды, все почувствовали облегчение. Мы решили, пока ждём в собачнике, подогреть воду и попить чай прямо здесь. Так и сделали. Взяли самую глубокую посуду, налили воды и стали подогревать её кипятильником. Потом достали леденцовые конфеты, которые в тюрьме называются «барабульками» и употребляются во время распития чифира или купца (тоже очень крепкий чай, но не такой крепкий, как чифир).

Наконец мы дождались когда за нами придут и всех вывели из собачника и повели в подвал. Вместе с нами спустили людей из соседнего собачника — тоже этапников. В подвале с арочного потолка капала вода и везде воняло сыростью, потому что недавно, по словам сотрудников СИЗО, прорвало трубу и всё залило водой. Мусор открыл дверь какой-то кладовки и перед нами оказалась гора сырых, вонючих и грязных от ржавой воды матрацев и подушек. Нам сказали брать по одному матрацу и одной подушке и все стали выбирать матрацы посуше. Подушки достались не всем, потому что в этой кладовке их было меньше чем матрацев. Потом всех, у кого был общий режим, а это около 20 человек, завели в одну камеру, в которой уже было несколько человек, которые только что проснулись. Мы все зашли в камеру, в которой и стена и потолок были в виде арки, и положили матрацы на одну огромную шконку. Здесь не было отдельных спальных мест. Была только одна полка шириной около двух метров и длиной около десяти. На стене напротив этой полки были расчерчены краской пронумерованные места. Таких мест было десять, а нас было больше 20-ти. Мы расстелили матрацы в два слоя вдоль этой шконки и стали знакомиться с теми, кто приехал на день раньше нас.

Это оказались блатные, которых переводили из одной зоны в другую. Все ехали из зоны в Микуни. По всей России эта зона долгое время считалась самой «чёрной», то есть главнейшими здесь были воровские законы, а порядки, устанавливаемые администрацией, большинство отрицали. Но в Микуни зону закрыли и стали строить на её месте женскую

колонию. Это дало повод администрации отправить всех блатных на самые красные зоны страны, то есть те, где ничего воровского нет, а есть только мусорское. Блатных на такие зоны отправляют для того, чтобы их сломать, чтобы они отреклись от своих убеждений. Если кто-то отрекается, то назад ему пути уже нет и теперь он, в лучшем случае, будет или обычным мужиком, а скорее всего вязаным. «Вязанными» называют тех, кто живёт по законам администрации. Среди таких очень много активистов или бывших активистов, козлов и тому подобное. Как рассказали микуньские зеки, были среди них и такие, кто боялся уезжать в красную зону и отрекались от своих убеждений, чтобы их оставили хотябы на то время пока будет строиться женская колония. Тех, кто так отрекался, оставляли и отправляли строить эту самую колонию. Зеки участвовали в строительстве колонии, где потом таким же зекам и сидеть. Естественно это, мягко говоря, не приветствовалось порядочными зеками, которые оставались верны своим убеждениям.

Все стали общаться и посыпались рассказы о разных местах, кто где сидел и что видел. Многие стали сравнивать два абсолютно противоположных места: Микунь и Горелово. Контраст был очевиден. И вот, в этой камере встретились несколько человек из красной тюрьмы и из чёрной зоны.

Микуньские также рассказали нам, что в этой тюрьме посуда келишованная, то есть из неё ели в том числе и обиженные. А это значит, что есть из неё нам было нельзя.

Признаться честно, я понимал многие тюремные понятия и с большинством был согласен. Потому что если режим призван сделать жизнь арестантов сложной, то понятия призваны эту жизнь облегчить, сохранив арестантам здоровье и моральное, и физическое. Но есть убеждения, которые мне так и не удалось понять. Например, если обиженный хотя бы прикоснётся к какой-нибудь посуде или (не дай Бог!) из неё поест, то всем, кто не является обиженным, из этой посуды есть нельзя, потому что тогда они тоже станут обиженными. Но все остальные придавали этому очень большое значение.

Даже если человек не знал, что посуда келишованная и поел из неё, то он всё равно становился обиженным. Сама посуда могла стать келишованной не только из-за того, что из неё ел кто-то из обиженных, а даже из-за того, что она хотябы краешком прикоснулась к другой келишованной посуде. Конечно это можно объяснить тем, что у обиженных был бы какой-то опасный вирус, который так легко передавался бы. Но ведь вируса такого нет.

Все стали собирать всю имевшуюся у нас посуду в виде стаканчиков и пластиковых тарелок, если они у кого-то имелись. Так как посуда была не у всех, в каждую миску набирали несколько порций, а потом из неё по очереди ели несколько человек. В других камерах, где посуду не находили, собирали еду в пакеты и ели из них.

На следующий день нас повели в душ. Душ тоже сильно отличался от питерского. Если в Питере большой душ с несколькими лейками был только в морге, а на всех других этажах были дополнительные душевые комнаты с тремя лейками в каждой, то здесь был только один огромный душевой зал с двумя десятками леек. В Питере нас в душ водили партиями по три или четыре человека, в зависимости от того, сколько человек сидело в камере. А здесь в душ пошли около 20-ти человек. После душа нашу камеру раскидали на несколько других и всем выдали постельное бельё и новые матрацы и подушки. В других камерах тоже были такие длинные шконки, только уже двухъярусные. Когда я пришёл в новую камеру, то встретил ещё нескольких микуньских. Они рассказали, что их будут везти в местную красную зону и у них в этой тюрьме последние дни спокойной жизни. А через несколько дней всех нас из подвала перевели на верхние этажи в обычные камеры с капитальным ремонтом, деревянными полами и радиоприёмником. Микуньским эта камера не понравилась, потому что она больше была похожа на медицинскую палату.

— Переведите меня обратно в подвал! Я хочу сидеть в тюрьме, а не в больнице. Я хочу, чтобы по углам бегали

крысы и были исписаны стены. А здесь слишком чисто. Это не тюрьма, а психбольница! — стал кричать на мусоров один из микуньских.

Мусора посмотрели на него как на сумасшедшего и пообещали, что подумают над этим. В этой камере мы просидели несколько дней, коротая время за игрой в нарды и шашки, слушая популярную музыку из летнего кафе с улицы.

— Кому это взбрело в голову размещать летнее кафе рядом с таким местом? — заинтересовался один из нас.

— Я думаю, большинство посетителей этого кафе даже не задумываются о том, что это за место и кто в нём сидит. Они веселятся и им хорошо, а что вокруг них происходит — они не хотят об этом думать. У них от этого вся картина их весёлой жизни разрушится. — Так я сформулировал своё мнение.

Здесь же мы застали один плановый обыск, который тоже проходил не совсем так, как в Питере. Одинаковым было только то, что в камере с мусорами остался один человек, а все остальные вышли. Но в отличие от Питера, все не просто вышли, а взяли с собой на продол свои сумки и матрасы. Мусора в камере обыскивали камеру, а на проходе обыскивали наши вещи. Так как мы собирались в спешке, кто-то решил спрятать самодельные карты в мой пакет и на обыске эти карты нашли.

— Чей это пакет? — спросил мусор.

— Мой, — ответил я.

— Что это? — мусор показал мне карты.

— Не знаю. Не моё.

Все с удивлением смотрели то на меня, то на карты. Мусор спросил мою фамилию и я ему ответил. Карты изъяли и всем сказали забирать свои вещи и возвращаться в камеру. А когда мы зашли, то с удивлением обнаружили, что на столе лежит зажигалка, что тоже во всех тюрьмах и зонах является запретом, а для получения огня все пользуются спичками. Но как оказалось, в этой тюрьме, по неизвестным причинам, зажигалка не являлась запретом и даже продавалась в

тюремном магазине.

Через несколько дней вечером всех питерских и нескольких микуньских назвали с вещами на этап. Нас снова отвели в собачники, в которых мы встретили ещё целую толпу питерских. Я даже встретил своих бывших сокамерников. Возникало ощущение, как будто всех из Питера гонят в одни и те же зоны, даже если они находятся за пределами Ленинградской области.

Мы стали интересоваться у мусоров, когда нас повезут на этап и оказалось, что в собачниках нам суждено просидеть всю ночь и только утром отправиться на этап. Постепенно из собачника вызвали по несколько человек для проведения обыска. Всех, кого обыскали, пересаживали в другой собачник. Эти обыски продолжались до самого утра.

Утром мы опять поехали к столыпинскому и по той же схеме, что и в Питере, в него загрузились.

Глава 69. Вторая пересылка.

Опять мы ехали в раскалённом от июньского солнца столыпинском. И опять в вагоне кончилась вода. У нас оставалось только немного воды, которую мы взяли с собой в собачниках и ещё немного нам дали в начале пути конвойные. Время от времени мы останавливались и то высаживали некоторых этапников, то брали новых. Постепенно в купе не осталось места, чтобы брать ещё людей. Но наши и без того маленькие пространства стали забивать людьми ещё больше. К нам посадили одного старого зека, почти полностью забитого наколками. По наколкам можно было определить, что первый срок у него был в малолетке, а потом было ещё несколько и теперь он наркоман рецидивист. Зайдя в купе он сказал, что он обиженный. Все сразу стали возмущаться и требовать, чтобы его пересадили в другое купе.

— Нет такого статуса «обиженный», есть «осуждённый». И режима такого нет, у вас режим общий и у него тоже, так что никуда пересаживать его не будем, — не соглашался

конвой.

Несколько человек из нашего купе попытались убедить конвой пересадить от нас обиженного, но те были непреклонны. Обиженному сказали, чтобы он сидел смиренно и ни к чему не прикасался. Его угостили сигаретами и стали с ним общаться «за жизнь». А через пару часов, когда мы проезжали какую-то колонию, его высадили.

Утром мы приехали в Екатеринбург. Дверь открылась и конвой стал открывать купе и выпускать из него по одному человеку. Мы пробегали по продолу с вещами и выпрыгивали из вагона. Рядом с поездом стояло несколько человек в форме. Но здесь уже были не только люди в обычной синей камуфляжной форме ФСИНа, но и пара человек была в шлемах, с щитками на конечностях и в масках, скрывающих лицо. В руках у них были дубинки. Всех нас посадили возле вагона прямо на рельсах на корточки с руками за головой. Собаки ни на секунду не переставали лаять. Свои вещи нужно было поставить на землю перед собой. Когда все выпрыгнули из вагона, нас рассадили в шеренги по десять человек и такими шеренгами мы ещё какое-то время сидели на корточках, держа руки за головой.

— Вещи брать в правую руку.левой рукой взять за локоть того, кто рядом с вами. Голову не поднимать, на нас не смотреть. Шаг в сторону считается попыткой побега. При попытке к бегству оружие и собаки применяются без предупреждения. Общая команда: встали! — громко крикнул кто-то из мусоров.

Все встали и нам сказали идти за конвоем. Мы пошли строем не поднимая головы за ногами в камуфляжных штанах и одинаковых ботинках. Мы подошли к месту, где стояло несколько автозакков. Всем опять сказали положить перед собой свои вещи на землю и сесть в той же позе, что и у вагона. Мусора начали громко читать фамилии, и тот, кого называли должен был встать, взять свои вещи и побежать к автозаку. Один мусор читал фамилии, другой показывал бегущим в какой автозак ему заходить.

Когда все забились в автозаки и мы доехали до тюрьмы, я к своему удивлению даже не услышал на улице ставшим уже таким привычным лай собак. И вправду, на улице не было собак и мусора были какие-то спокойные. Нас всех завели в подвал и посадили в собачники. В этом моменте ощутилась разница собачников в Кировске и Екатеринбурге. Если в Кировске собачники были небольшими, но чистыми, светлыми и с хорошим санузлом, то в Екатеринбурге было всё наоборот. По площади собачники были в несколько раз больше, и везде был сантиметровой слой грязи. Раковина с унитазом не уступали всей остальной территории этого помещения. Они были чёрного цвета с редкими светлыми пятнами — небольшими участками, на которых ещё не было грязи. Над раковиной из стены торчала ржавая труба с вентиляем, покрытым какой-то слизью. Мы не решились попробовать попить из такого крана. Время от времени вдоль стены пробегали крысы. Многим стало понятно уже по этим собачникам, что мы приехали в чёрную тюрьму. Если бы те микуньские, которые в Кировске просились обратно в подвал, оказались здесь, они бы по достоинству оценили обшарпанные стены и протекающий потолок. В таких тюрьмах как эта, убирать собачники некому, потому что все «отрицают» работу на администрацию и убираются только в своей камере.

Мусора нам сказали, что пока все не пройдут через душ, никого в камеры поднимать не будут. Душ был весьма кстати. Но все проходили через душ очень долго, потому что здесь было две душевые комнаты, по три лейки в каждой.

Когда последняя партия приняла душ, всем сказали выходить с вещами. Нас повели наверх по грязной бетонной лестнице, заваленной камнями, песком и каким-то строительным мусором. Мне даже показалось, что мы не в тюрьме, а на воле зашли в заброшенное здание, чтобы его засквотировать. Всех приехавших в этом этапе распределили в три камеры.

Судя по количеству мест, камера была рассчитана на 12

человек. Нас в ней было около 30-ти. Всё здесь было как в Питере на Лебедева, только шконки были в виде каркаса, сваренного из труб. А между трубами были намотаны верёвки, которые и образовывали спальные места. В стенах чуть выше пола были отверстия идеально круглой формы и затыкались алюминиевой кружкой с отломленной ручкой. Отверстия предназначались для упрощения сообщения между хатами. Здесь можно было не тянуть дорогу между хатами в виде верёвки, а просто постучать в стену и открыть крышку этого отверстия. Чтобы эту крышку было меньше заметно, дно кружки было измазано белой зубной пастой, такой же белой, как и стены в этой камере. Мы быстро убрались в камеру и раскидали на шконках матрацы в несколько слоёв. Несколько матрацев положили в скрученном виде на пол, чтобы были дополнительные места для отдыха. Спать решили сменами — когда одни спят, другие бодрствуют, пока не проснутся спящие, после чего ложатся на их место.

План тюрьмы был не в виде креста, как в «Лебедёвке», а в несколько параллельных друг другу корпусов. Напротив нас находился корпус малолеток и мы даже могли в окна разглядеть их камеры. На окнах были широкие подоконники, на которых можно было даже сидеть. А расстояние между внутренней решёткой окна и наружной было таким маленьким, что можно было высунуть руку на улицу аж до локтя. Тогда как в Питере рука высывалась только на длину кисти.

Как только настал вечер, из плотной бумаги были скручены трубки, в которые были заряжены бумажные кульки с привязанными верёвками. Эти кульки выстреливались в окна корпуса напротив, чтобы сделать дорогу. Мы натянули дороги с несколькими камерами напротив и между корпусами получилась целая паутина дорог. Жизнь в тюрьме закипела. Один из нас стал писать «курсовую» — стал у всех спрашивать имена, погоняла, откуда кто едет и статьи. Такие курсовые нужны для того, чтобы все в тюрьме знали кто едет по этапу. По ним также некоторые встречали своих знакомых.

В курсовой записали всех и отправили в другие камеры. Нам прислали карту тюрьмы с обозначением где какая хата, где сидят красные, где обиженные, чтобы мы не тянули дорогу с этими хатами. А ближе к утру дорога была натянута и по продолу с камерами по другую его сторону. По этой дороге мы передали различные грузы, которые нас попросили передать разные хаты. Как только грузы были переданы, дорога была срезана, чтобы не привлекать лишнего внимания мусоров. Утром одна смена проснулась и освободила шконки. Я, наконец, дождался этого момента и свалился спать. Проспал я до обеда и проснулся оттого, что все собирались на прогулку.

Прогулочные дворики в этой тюрьме располагались на крыше. Скамейки были в них не с краю, а посередине. Во всём остальном дворики были такими же как и в Питере. Бетонные стены, железная дверь, на потолке решётка из арматуры, на которую дополнительно положена рабица. Возле двери стояла заплёванная урна. Сверху ходил мусор и наблюдал за прогулкой. После часа свежего воздуха мы вернулись в хату на обед. В этой тюрьме мы узнали, что дальше нас повезут в одном из двух направлений. Первое, это «Двойка» — красная зона, в которой встречают не мусора, а козлы. В эту зону чаще всего отправляли тех, кого нужно сломать, очень часто отправляли тех, у кого статьи связаны с наркотиками. Второе направление — это обычная зона №53. На стене висел лист с расписанием того, в какие дни куда отправляются этапы. В день отправки в «Двойку» в хату пришёл мусор и назвал нескольких человек на этап. В основном это были гореловские.

— Из огня да в полымя. Ну что ж, нам не привыкать страдать. Судьба такая, — сказал один из гореловских и они стали собирать вещи.

Всех остальных назвали на этап через несколько дней. Ранним утром нас вывели из камеры и отвели в собачник. Там уже была толпа зеков-этапников. Это были какие-то другие этапы, многие были местными. У многих уже было несколько

тюремных наколок. Собачник был набит битком и нам нужно было ждать несколько часов. Днём нас всё-таки обыскали, посадили в автозаки и отправили к столыпинскому. На этот раз в столыпинском не было жарко, потому что погода была облачная. И вода здесь была, хотя её не особо хотелось пить. Доехали до места можно сказать с комфортом.

Глава 70. Лагерный карантин.

Было раннее утро, до рассвета оставалось пара часов. Автозак подъехал вплотную к вагону и мы бегом поперешагивали через щель между вагоном и автозаком. Один из зеков зацепился сумкой за дверь автозака и мусор сказал ему не задерживать остальных.

— Вежливее будь, — ответил ему зек, весь забитый тюремными наколками.

— Что, кусаться любите? Пизда вам всем, — улыбнулся конвойный.

Автозак остановился и двери открылись.

— Быстро, бля! Бегом, бля! — заорал конвойный.

Первым стал выходить тот, кто при посадке в автозак попытался сделать ему замечание. Конвойный ударил его рукой по затылку и добавил ногой в спину, когда тот выпрыгивал на улицу. Вокруг опять раздался лай собак. Я стал выпрыгивать и увидел несколько силуэтов людей в шлемах, за которыми ярко светил прожектор. Мне сказали подбежать к двоим из них.

— Фамилия, — спросил один из них.

Я сказал свою фамилию и он стал искать мою карточку.

— Из Ленинграда?

— Да.

— Что да? Громче, бля! — заорал кто-то в маске.

— Из Ленинграда, — громче ответил я.

Мусора мне указали на всех остальных и я сел на корточки, так же как и все с руками за головой.

— Общая команда: встали! Косметички свои похватали и

бегом, бля! — заорала маска.

Всех завели в белые деревянные вольеры и посадили в той же позе лицом к стене. Я слышал, как в соседнем вольере избивают всех подряд.

— За что? Что я сделал? — спросил один из зеков.

— Если бы ты, бля, сделал, я бы тебя убил нахуй и сказал бы, что ты на меня напал, бля!

Мы сидели и слушали звуки ударов и крики тех, кто только что ехал в автозаке вместе с нами. Потом звуки прекратились и я краем взгляда увидел, что несколько одинаковых ботинок зашло в наш вольер. Я пошевелил рукой, чтобы согнать комаров, облепивших кисти. Сразу же почувствовал удар ногой сзади в плечо.

— Я что, бля, разрешил двигаться?

Потом я услышал, как за моей спиной ударили ещё нескольких человек. Всем сказали встать, взять свои вещи и забежать в соседнее здание рядом с вольерами. Когда я забегал в здание, из дверей выпал тот самый зек с наколками. Он был в одних трусах и его продолжали бить дубинками две маски. Капля его крови брызнула и на меня.

Меня провели в коридор, в котором было два каких-то зека в чёрных робах. Мусоров здесь не было. Мне спокойно сказали раздеваться, потому что мне выдадут форму. Эти зеки стали составлять список моих вещей и аккуратно складывать их в мою сумку.

— Посмотри, чтобы ничего не пропало. Документы свои и мыльно-рыльные принадлежности с собой бери, — пока я раздевался меня инструктировали эти зеки.

Мне оставили только нижнее бельё, носки, средства личной гигиены и все бумаги. Потом мне дали составленный список моих вещей, чтобы я проверил и расписался. У одного из наших этапников порвалась сумка и зек в робе спросил, нет ли у меня лишнего пакета, чтобы нормально упаковать его вещи. Я дал пакет и расписался за свои вещи. Потом на мою сумку прикрепили бирку с номером и моей фамилией. Меня послали в соседнюю комнату, где был врач. Полная женщина

в белом халате посмотрела на меня.

— Что с руками? — она показала на волдыри, покрывшие всю руку.

— Комары покусали.

Она написала что-то в бумажке и меня повели дальше в коридор. Здесь мне дали ботинки и чёрную робу с белыми полосками. Всё было на несколько размеров больше и я тонул в этой одежде, которая висела на мне мешком. Переваливаясь с ноги на ногу в этих огромных ботинках, я побежал обратно в вольер и сел в ту же позу рядом с другими. Так мы ждали остальных. Время от времени нам разрешали вставать по команде и разминать ноги. Когда все встали в первый раз и посмотрели на меня, все не выдержали и стали смеяться — так комично я выглядел в этой огромной робе.

— А что, по твоему размеру не нашли? — спросил один из микуньских.

— Сказали, что нет.

— Отставить разговоры, а то мы продолжим своё веселье, — крикнули маски.

Когда все получили робы, нас повели в душ. Мы построились шеренгами по пять человек, неся с собой мыльно-рыльные принадлежности, как их здесь называют. Мы пошли по лагерю мимо больших стендов с высказываниями великих людей о раскаянии и признании ошибок прошлого, мимо других зеков, которые смотрели на нас с интересом. Нас довели до бани в отдельном одноэтажном строении. Там мы стали раздеваться и мусор показывал на некоторых из нас и говорил: «Стричься». Все, кому он это сказал, садились по очереди на стул и какой-то зек стриг головы машинкой. Надо сказать, не плохо стриг, видимо, рассказы про плохих парикмахеров были не про этот лагерь. Он срезал мои волосы, которые успели отрасти за три недели. Казалось бы, от Питера до Екатеринбурга не такое большое расстояние, но преодолевали мы его целых три недели. Помывшись, мы снова выстроились на улице. Потом мы прошли за матрацами и вместе с ними нас повели в

лагерный «Карантин».

Все прошли в какой-то домик и вышли на его задний двор, огороженный от остальной территории высоким белым деревянным забором без единой щели. Матрацы и вещи мы оставили по пути в этом домике. В этом дворике, который здесь назывался «локальный участок» поставили большой стол, за который сел один мусор и стал у всех спрашивать фамилию и записывать её на небольшой прямоугольной картонке. Потом давал нам эти картонки с фамилиями и показал образец, как их надо пришивать к груди на робу. Нам дали нитки и иголки и мы стали пришивать свои первые бирки на правую сторону груди к робе. Робы были полностью чёрные, только с белыми полосками на плечах, на спине на уровне чуть выше лопаток и на двух карманах спереди. На чёрных штанах тоже было две белые полоски чуть ниже колена. На головном уборе («феске») тоже была белая полоса прямо над козырьком. Под робой была зелёная рубашка, которую нам сказали всегда застёгивать на все пуговицы. Так же была чёрная майка и огромных размеров трусы чёрного цвета. Чтобы трусы не спадали, их завязывали резинкой. Свои трусы все оставили в бане.

Мусор ушёл и какой-то активист построил нас в пять рядов:

— Вы находитесь в карантине ИК-53, хули. Здесь вы будете изучать правила внутреннего распорядка и готовиться к распределению в другие отряды, хули. — Активист с дополнительной биркой на рукаве стал ходить перед нами и рассказывать о карантине: — Фески должны носить все на улице, когда заходите в помещение, фески сразу снимаете. На улице ходить без фески запрещено, хули. Входя в помещение, снимаете ботинки и одеваете свои тапочки. Кто будет нарушать, будет страдать, так что всё в ваших руках, хули.

Меня даже стала смешить его манера говорить. Зачем так часто говорить слово «хули» мне было не понятно. Чуть позже к нам пришёл другой активист, весь забитый отрицаловскими наколками. Фески на его голове не было.

— Меня зовут Гоша. Я завхоз карантина. По всем вопросам можете обращаться ко мне. Пока будете изучать правила внутреннего распорядка, а через две недели будете сдавать администрации экзамен на знание правил. Кто сдаст, будет распределён в другой отряд, кто не сдаст, будет мозолить мне глаза ещё две недели.

— А тебе не страшно так жить? — выкрикнул из строя один из микуньских.

— А почему мне должно быть страшно? — заинтересовался завхоз. — Ты меня что ли напугать хочешь? Я даже разбираться с вами не буду. Кому что не нравится, кто захочет побродить, будет это объяснять маскам.

— А тебе это надо? — спросил микуньский.

— А мне пофиг. И что с вами случится, мне всё равно. Через меня уже много этапов прошло и я многих видел.

Завхоз ушёл, а другой активист продолжил свой урок:

— Когда будет заходить кто-то из представителей администрации, вам будет дана команда: «Отряд, внимание». Все должны громко хором сказать: «Здравствуйте, гражданин начальник». Когда он будет уходить, будет команда: «Внимание». Все так же хором должны сказать: «До свидания, гражданин начальник». Всем ясно?

— Ясно, — по очереди ответили мы.

— Когда вам всем задаётся вопрос, на вопрос отвечать либо «да», либо «нет». Отвечать хором. Ясно?

— Да, — хором ответили мы.

— Отлично. Если будет вопрос, есть ли жалобы и предложения, всегда отвечать «нет». Потому что иначе свои жалобы вы будете рассказывать людям в масках, но не факт, что они будут вас слушать. Теперь репетируем приветствие.

Несколько раз он давал команды то «отряд, внимание», то «внимание», а мы то здоровались, то прощались. Через несколько минут в локальный участок пришли другие зеки с такими же бирками, как и у нас. Это был предыдущий этап. Они здесь были уже неделю и скоро у них должно было быть распределение. Наши этапы смешали и вынесли папку с

распечатанными правилами внутреннего распорядка. Один взял эту папку и стал читать правила по четыре слова, а все остальные хором его слова повторяли. Это называлось изучением внутреннего распорядка. Так мы повторяли стоя в строю до обеда. В обед стол на улице протёрли тряпкой и поставили посередине локального участка. Сюда принесли стопку мисок и кружек, а также два больших бака с едой и кастрюлю с крепким чаем. Все начали обедать, а после обеда опять стоять в строю и повторять правила внутреннего распорядка до ужина. Так и день прошёл.

На следующее утро мы встали в половине седьмого и все вышли в локальный участок и встали на расстоянии друг от друга в метра полтора. Таким образом, мы заняли всё пространство участка. Началась зарядка. Активист карантина стал показывать нам упражнения и все мы за ним повторяли. А днём я услышал внутри этого дома, как микуньские ругались с активистами карантина и завхозом. А днём старый этап отправили в санчасть проходить медосмотр, а наш этап оставили и построили в локальном участке. В дверь зашли несколько человек в одинаковых ботинках, шлемах и дубинками в руках.

— Отряд, внимание! — крикнул активист и все поздоровались с теми, кто пришёл нас избивать.

— Лежать всем мордой в землю, руки за голову, бля! — крикнул один из масок.

Все легли. Один из масок по очереди подходил к каждому и ударял дубинкой по спине.

— Вы что, бля, в сказку попали, нахуй? Я вам устрою сладкую жизнь, бля! Сейчас буду фамилии называть, кого назову сразу бегут к стене и встают на растяжку.

Мусор стал читать фамилии микуньских. И они бежали к стене и вставали в позу широко расставив ноги и прислонив тыльные стороны ладоней к стене большими пальцами вниз. Мусора стали пинать их по ногам, чтобы расставить ноги ещё шире. Так микуньские стояли крестом прислонившись к стене, а мусора начали бить дубинками их по почкам. Другой

мусор стал идти по спинам лежачих, наступая на каждого. Я лежал и слышал крики микуньских. Когда микуньских закончили бить, их заставили возвращаться на своё место ползком и пока они ползли, мусора их продолжали пинать.

— Кто ещё не понял, мы к вам в гости можем прийти в любой момент. Если кто не хочет пол мыть, мы знаем, как его заставить это сделать. — Сразу стало понятно на какую тему у микуньских с активистами был конфликт. — Пока мы не выйдем, никому не вставать.

Мусора стали выходить и активист скомандовал: «Внимание». Все попрощались лёжа лицом вниз. Когда мусора ушли все встали, отряхивая одежду и лицо, которое тоже было в земле.

После этого мусора больше к нам не приходили. Старый этап распределили, никого не оставив в карантине. Находясь в карантине, мы не только изучали правила внутреннего распорядка, но и учили гимн России по той же схеме, что и правила внутреннего распорядка, учились ходить строем, проходили медосмотр, проходили психологические тесты, фотографировались для изготовления новых бирок с фотографиями. А когда приехал новый этап, нас решили распределить на несколько дней раньше, потому что в новом этапе было слишком много людей и места на всех не хватало.

Глава 71. Распределение в отряд.

Наконец, мы всё-таки дождались распределения. Наш этап вывели из карантина и мы отправились вместе с завхозом в штаб. Без сопровождения активиста по территории лагеря передвигаться было запрещено. Когда мы подошли к штабу, завхоз сначала оставил нас на улице, а сам зашёл внутрь. И нам ничего не оставалось, как стоять на одном месте и ждать какого-нибудь из активистов. Наконец, завхоз вышел и завёл нас внутрь. Все по очереди стали заходить в кабинет, в котором сидели несколько мусоров и завхоз карантина. Заходя, мы здоровались и говорили доклад, как учили в

карантине: называли полностью фамилию, имя, отчество, дату рождения, статью и срок, после чего говорили фразу «на распределение прибыл». В карантине нам говорили, что от того, как мы скажем этот доклад, будет зависеть то, в какой отряд нас распределят и распределят ли вообще. Когда я зашёл в этот кабинет и начал доклад, меня мусор сразу остановил и спросил, почему я улыбаюсь. Завхоз заржал и сказал, что я часто улыбаюсь. Мусора переглянулись и один другого спросил: «Ну что? В восьмой?», — другой откинулся на спинку кресла и сказал: «В седьмой пойдёшь». Я вышел и сказал всем номер своего отряда. В седьмой отряд из нашего этапа распределили только меня одного. Мы вернулись в карантин и нам раздали новые бирки, и накроватные таблички с нашими фотографиями и всеми данными. Мы пришили новые бирки на робы и нам раздали наши вещи вместе с матрацами. Из моих вещей ничего не пропало, хотя я не особо помнил, что у меня было, но самые ценные для меня вещи у меня остались. А наибольшую ценность для меня представляли почтовые конверты. Я был готов лишиться всех остальных вещей, лишь бы не лишиться возможности переписываться со своими товарищами. За всеми нами пришли активисты из разных отрядов и повели в свои отряды. По пути я спросил у активистов, что это за отряд, в который меня распределили.

— Отряд режимный, то есть на работу в нём никто не ходит. Все весь день сидят в бараке, выходят только в столовую или по вызову в штаб.

«Неужели меня распределили в режимный отряд только за улыбку?» — думал я, но получить ответ на этот вопрос мне было не суждено, потому что никто не знает, чем руководствуются мусора, когда распределяют этап. Локальный участок этого отряда был больше, чем в карантине и не со сплошным забором, а с решётчатым. Причём с одной стороны участка была решётка с дверью на территорию лагеря, а с другой была решётка, отделяющая локальный участок от запретки.

Мы поднялись в барак, который был на втором этаже длинного здания. Сразу у входа была раздевалка, возле которой я положил матрац и активист завёл меня в комнату к завхозу этого отряда. Внутри была небольшая комнатка с фотообоями на стенах, телевизором, зеркалом и окном с занавесками. В углу стояла одна кровать с накрыватной табличкой завхоза. Он меня спросил, какая у меня статья и спросил мою фамилию. Когда я ответил, он неожиданно для меня обрадовался. Оказалось, что недавно из этого отряда освободился его друг с похожей фамилией. Кроме того, я даже был внешне похож на этого его друга. Тогда он спросил, нуждаюсь ли я в чём-нибудь и я сказал, что нуждаюсь только в робе по размеру. Завхоз сразу сказал активисту, чтобы он срочно нашёл для меня робу и сказал позвать местного портного. Когда портной пришёл, завхоз сказал ему ушить мою робу, пока я буду ходить в чьей-то запасной. Я не ожидал такого приёма, а портной ответил завхозу: «Будет сделано», — и мы вышли. Мой матрац уже кто-то отнёс на спальное место вместе с вещами. Активист сказал мне взять вещи и повёл меня в каптёрку. В каптёрке мне дали чью-то робу моего размера и портной снял с меня мерки. Я вышел из

каптёрки и стал знакомиться со всеми. Меня сразу отвели к блатным. Они интересовались у меня, кто я и где сидел. Я решил пока не рассказывать, за что я порезал своего терпилу, чтобы сначала взвесить все «за» и «против». После общения с блатными мне дали телефон и разрешили позвонить. Я не помнил наизусть номер своей мамы и позвонил адвокату. Я сообщил ему где я нахожусь и попросил отправить мне номер телефона мамы, а моим друзьям сообщить мой новый почтовый адрес.

На обед отряд пошёл строем и остановился у отдельного здания столовой. Один из активистов скомандовал: «Внимание», — и все хором крикнули: «Здрать», — в карантине нас учили абсолютно по-другому. В столовой было множество столов, за каждым сидело по десять человек. А всего в отряде было чуть больше ста. Мне показали куда сесть и сказали запомнить где я сижу, чтобы каждый раз сидеть на одном и том же месте. Ложки у всех были свои. У меня не было своей ложки, поэтому я в качестве ложки использовал корку хлеба. Все сразу заметили, что я откладываю мясо в сторону, а молоко даже не пробовал пить.

— А почему молоко не пьёшь? — спросил один из мужиков.

— Не знаю. С детства не пью. Хочешь, тебе отдавать буду, не пропадать же ему?

После этого я свою долю молока стал отдавать тем мужикам, с которыми сидел за одним столом. После обеда все взяли свои тарелки и понесли в окно, в котором собирали посуду зеки, работавшие в этой столовой. Когда мы строем возвращались в барак я спросил у мужиков, где можно достать себе ложку. Один из зеков сказал, что может дать мне свою ложку, потому что он не ест в столовой, несёт пайку в барак и готовит себе на кухне. Этой привилегией — есть не в столовой, а на кухне в бараке — пользовались только пара активистов, завхоз и несколько блатных.

— Когда зятянешь себе ложку, просто мою вернёшь и всё. Затягивать лучше через посылку. Только ложка должна быть

либо деревянной, либо алюминиевой, — рассказал мне этот зек.

Я понял, что хоть меня и распределили в отряд, которому нельзя трудиться, но приняли меня в нём хорошо, значит мне повезло. Посылки сюда привозили на телеге, запряжённой лошастью, а в лагерьный магазин ходили раз в две недели. В порядке очереди. В месяц можно было тратить только две тысячи рублей, на которые всё равно ничего нельзя было купить. А всё потому, что в магазине почти ничего небыло. И самое необходимое нужно было лучше заказывать в посылке, которую можно было получать раз в два месяца. 30 килограмм в два месяца плюс две тысячи на магазин, в котором ничего нет.

В бараке было две секции: большая и маленькая. В каждой секции стояли в ряд двухъярусные койки с накрывными табличками. Из большой секции можно было пройти в комнату воспитательной работы, в которой стоял телевизор и множество стульев. В этой комнате большая часть времени и проводилась. Кто-то смотрел телевизор, кто-то играл в нарды. Выходить без особой надобности было запрещено. Можно было выходить либо в туалет, в котором было несколько скал с дырами, либо на улицу в локальный участок. А когда в зону приезжала какая-то проверка, в локальный участок тоже нельзя было выходить. В маленькой секции была дверь в кабинет начальника отряда, но он не всегда был на месте. И приходил он не каждый день и на какое-то время. С прохода был вход в умывальник, в котором было несколько кранов и большой бак с водой. В этот бак при первой возможности набирали воду, потому что в городе, в котором располагалась зона, были гнилые трубы и воды в кране часто не было. Когда вода кончалась, мужики брали несколько баков и вместе с каким-нибудь активистом шли в баню за водой, в бане воду отключали значительно реже. Если воды не было и в бане, мужики шли к колодцу и брали воду там. При этом, чтобы пойти за водой, нужно было предварительно сказать это дневальному отряда. Дневальный звонил по местному

телефону в штаб и спрашивал у опера разрешение пойти за водой. И только после получения разрешения мужики выходили на улицу. Активист связывался со штабом с помощью телефонной трубки, прикреплённой к двери локального участка. Он просил открыть локалку такого-то отряда и магнитный замок двери открывался. При возвращении в отряд с баками полными воды, мы ждали, когда активист опять свяжется со штабом, из которого открывали дверь и мы заходили внутрь. Часто приходилось делать в день несколько таких заходов, чтобы заполнить весь огромный бак, стоящий в умывальнике. Вода нужна была всем, при этом она являлась дефицитом, поэтому редко кто отказывался идти за водой.

Через две недели портной ушил мою робу и на ней стало меньше на две полоски, потому что карман портной оставил только один нагрудный.

В баню этот и все остальные отряды ходили раз в неделю. Наш отряд ходил в баню в субботу после обеда и до ужина. Утро субботы начиналось не так как в остальные дни недели. В субботу нужно было снять постель, сложить её и положить в общую стопку. На кровати оставить только подушку, а одеяло и матрац вынести на улицу. Матрац не выносили только те, кому по болезни выписывали постельный режим. На улице нужно было положить матрац в общую стопку других матрацев, а с одеялом выйти за территорию локального участка на футбольное поле и начать его вытряхивать. После этого, сложить одеяло и зайти обратно в локальный участок на зарядку. Зарядка проходила под музыку из громкоговорителей над футбольным полем. В первый раз мы слышали эту музыку, когда нас били в вольерах при приёме. А до карантина звук почти не доходил. После зарядки все поднимались в барак и через полчаса опять выходили на проверку. На проверке мусор быстро читал фамилии, и каждый отвечал, называя свои имя и отчество. Потом мусор уходил и весь отряд поднимался в барак ждать завтрака. На завтрак брали с собой постель всего отряда и по

пути в столовую заносили его в баню для стирки. В баню ходили партиями, чтобы не толпиться. Но всё равно когда приходили в баню, несколько человек успевали по своим карточкам взять тазик, а несколькими другим тазика не доставалось и им приходилось занимать очередь и ждать, когда кто-то закончит мыться. Всё бы хорошо, если бы вода нормально шла из крана, но она текла в лучшем случае тонкой струйкой и чтобы заполнить тазик, каждому требовалось несколько минут. Здесь же все стирали свои рубашки, а потом одевали запасные, пока постиранная рубашка высыхала. И каждый раз приходилось заново пришивать бирку на грудь рубашки. А тем, у кого запасной рубашки не было, приходилось одевать мокрую и она сохла на теле. Тогда я ещё не знал, чем это чревато. Раз в две недели нужно было брить голову, потому что на третью неделю волосы вырастали до недопустимой длины, а это могло стать причиной взыскания. Когда сотрудник администрации делал замечание, он мог забрать у зека его личную карточку, чтобы выписывать это взыскание. Без этой карточки нельзя было передвигаться по территории лагеря, даже вместе с активистом, нельзя было получить тазик в бане, нельзя было получить передачу и посылку и пойти на свидание. После того, как взыскание выписывалось, зек должен был явиться в штаб за своей карточкой. Естественно, её нужно было беречь.

Слегка посушив свою рубашку на батарее, я одел не до конца высохшую и пошёл вместе со всеми в барак. Там я снова снял рубашку и повесил на окно. Но она всё равно не успела высохнуть и на ужин пришлось идти во влажной рубашке. С ужина несколько человек пошли в баню забрать постиранное бельё и часть матрацев, которые сдавали на прожарку. Прожарка матрацев делалась для их дезинфекции. Когда постель приносили в барак, кто-то один перебирал всю постель и читал фамилии, написанные на этой постели, все разбирали своё бельё и заправляли кровати. А вечером была проверка — такая же как и утром.

Так было каждую субботу, а в остальные дни весь отряд

просто сидел в комнате воспитательной работы или гулял в локальном участке. Из ста человек в отряде было шесть обиженных, которые мыли пол в туалете, выносили мусор и делали различную грязную работу. Активистов было человек 15 и примерно столько же блатных. Остальные — мужики. Сроки у всех колебались от 10 месяцев до 12 лет. А статьи в основном были одинаковые. Чаще всего это грабёж, разбой, кража, наркотики или убийство. Такая же статья как у меня была только ещё у одного человека, у которого был такой же срок как и у меня. Но даже у людей с одинаковыми статьями и сроками были абсолютно разные обстоятельства и мотивы. Особенно я это понял, общаясь с разными убийцами. Когда я встретил здесь молодого убийцу из Питера, я обратил внимание, что он хвалился тем, что убил человека. Когда я его спрашивал как и за что он его убил, он рассказывал, что просто был пьяный, не помнит по какой причине поссорился с незнакомым мужиком и забил его до смерти, прыгая у него на голове. Это самое бессмысленное убийство — убийство по пьяни. Как ни старайся, а смысл в нём найти не получится. Второе место по бессмысленности я бы отдал убийствам с целью получить деньги. Потому что если кто-то кого-то убивает ради денег, возникает вопрос: «А сколько же тогда стоит человеческая жизнь в деньгах?» И сразу приводятся примеры, что кого-то на улице убили за сто рублей, какого-то пенсионера зарезали за пять тысяч. И большая часть таких убийств связана с суммами, значительно меньшими даже чем МРОТ в нашей стране. Получается, что жизнь человека настолько дешёво стоит? Да даже если говорить о миллионах рублей, как можно оценить жизнь деньгами? Как можно дать цену жизни в виде конкретного числа бумажек? Такие убийства тоже абсолютно бессмысленны. И единственная причина, почему я их поставил на второе место, а не на первое, это то, что там хотя бы деньги замешаны, а в убийствах по пьяни нет абсолютно ничего.

Дальше идут убийства изменившего супруга с любовником или любовницей, убийства ради любви. С одной

стороны, это говорит о собственническом отношении к тем, кого убийца любит. Но с другой, измена — это предательство, а предательство мало кому удаётся простить. Поэтому правильнее было бы для того, кто изменяет, просто поговорить по душам и расстаться, либо начать полигамные отношения. Главное, что в полигамных отношениях не будет обмана, потому что все всё знают и ничего не имеют против, а если полигамных отношений не получится, то, чтобы избежать обмана и предательства, разумнее всего просто расстаться.

Ну и самое оправданное убийство для меня стало — это убийство во время самообороны. Потому что человек убивает не рассчитывая свои силы во время защиты своей жизни. А инстинкт самосохранения у животных, в том числе и человека, развит сильнее других инстинктов. Поэтому вполне возможно, что работа этого инстинкта на какое-то время может затуманить разум.

Размышляя о смыслах убийств, я при этом так и не смог отнести к какой-либо категории убийства ради какой-то идеологии. Здесь уже всё зависит от самой идеологии. Если она построена на убийствах и уничтожении людей, значит эта идеология неправильная и убийство ради неё бессмысленно. Но если идеология не построена на убийствах, при этом не исключает убийство в целях самообороны, значит это уже именно убийство в целях самообороны. Ну а если идеология против убийства в принципе, значит ради неё невозможно кого-то убивать, хотя из всех правил можно найти исключения. Значит, убийства на национальной почве не имеют смысла, точно так же не имеют смысла убийства на войне, как и сама война. Для того, чтобы эти убийства совершались, всегда находятся люди, которые сталкивают людей между собой. При этом те, кто их сталкивает, сами в этих столкновениях не участвуют. Это и фюреры, и правительства, и президенты, и транснациональные корпорации.

Такие размышления у меня были после общения с

разными убийцами. Я прекрасно понимаю, что на воле мало что могло меня натолкнуть на подобные размышления. Они появились у меня в голове только за решёткой и колючей проволокой. Может, это и есть один из жизненных уроков, которые я должен был получить, сев в тюрьму?

Глава 72. Первый вызов в штаб.

Когда мои друзья уже знали мой новый почтовый адрес, они разместили его в интернете. И через какое-то время мне стали приходить письма от незнакомых мне веганов. В письмах мне стали присылать различные брошюры по зоозащитной теме. Присылать книги возможности не было, потому что книгу можно отправить только бандеролью, а бандероль можно было получать только раз в два месяца и тратить её на книгу не хотелось. Тем более, что небольшие брошюры можно посылать и в обычных письмах. Все письма предварительно читались начальником отряда и, если ему что-то не нравилось в этих письмах, он вызывал того, кому они были адресованы, и задавал очень много вопросов. Когда мне стали пачками приходить письма с веганскими брошюрами, он вызвал и меня.

— Ты чем на воле занимался? — задал стандартный вопрос отрядник.

— Жил, работал, учился.

— Нормально без мяса жилось? — спросил опять отрядник и показал мне присланные брошюры.

— Не жалуюсь, — ответил я.

Дальше пошли стандартные вопросы, которые задают вегетарианцам и веганам, типа «а что, колбасу тоже не ешь?» или «а откуда белки получаешь?» и тому подобные. Он отдал мне все письма, и я пошёл читать их в комнату воспитательной работы. По пути меня позвали активисты, которые сидели на кухне.

— А ты что, мясо не ешь?

— Не ем.

— А молоко?

— Молоко не пью с детства.

— А ты за что своего терпилу порезал? За то, что он мясо ел, что ли? — смеялись они.

— Нет. За то, что он нацист, — я решил, что хватит уже скрывать, кто я такой.

Мой ответ всех удивил, и я пошёл дальше читать письма. А через несколько дней ко мне подбежал дневальный и сказал мне собираться в штаб, потому что меня вызвал какой-то Мазин. Это услышал смотряга и позвал меня к себе.

— Зачем это тебя Мазин вызывает? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил я. — А зачем он может вызывать?

— Чаще всего он вызывает тех, кто что-то нарушил, но и то, только если нарушение серьёзное. В любом случае, это скорее всего серьёзно. На вопросы про барак знаешь, как отвечать? — спросил смотряга.

— Ну да. «Ничего не знаю, с другими общаюсь мало».

— Ну всё. Придётся, расскажешь всё, что он спрашивал. Смотри, не утай ничего от меня, всё равно узнаю. Давай бегом собираться, а то он очень не любит долго ждать.

Я побежал собираться и встретил на проходе взволнованного завхоза. Он меня остановил и завёл к себе в комнату. С завхозом получился точно такой же разговор, как и со смотрягой. Потом я вышел из его комнаты и активист повёл меня в штаб. Поднявшись на верхний этаж штаба, активист заглянул в кабинет с табличкой «Заместитель начальника по оперативной работе Мазин». Мусора с такой должностью коротко называют «зам-побор» и вторая часть этого сокращения не вселяла надежды на что-то хорошее. Мазин оказался занят и мы ждали в коридоре. Мимо нас прошёл какой-то зек и спросил у активиста, чего мы тут стоим.

— Вот, к Мазину вызвали, — ответил активист.

Этот большой зек посмотрел на меня, сказав: «Ого», — и пошёл дальше.

— Это смотряга соседнего отряда, — объяснил мне активист. — Как к Мазину зайдёшь, не забудь спросить разрешения войти и сказать доклад, а то и тебе, и мне достанется.

Вокруг меня чувствовалось напряжение и даже какой-то страх при одном только упоминании фамилии Мазин. Я пока не понимал, почему все так боятся этого Мазина.

Наконец, дверь открылась и какой-то мусор вышел из кабинета. Активист, который меня привёл, сказал мне заходить. Я спросил разрешения войти и невысокий плотный мусор сказал заходить без доклада и сказал сесть напротив него на стул. В кабинете был деревянный шкаф, диван и Т-образный стол. На стене висела резная деревянная картина оленей на природе, а под ней большой металлический герб России.

— Ты чем на воле занимался? — спросил зампобор.

— Работал в основном.

— Ну, это понятно, а как на счёт политической деятельности? Против нацистов боролся?

— Ну, бывало, но давно.

— Я тоже знаком с несколькими нацистами и даже сам состою в организации. РНЕ. Слышал о такой? — Мазин пристально посмотрел на меня.

— Нет. Не слышал, — в этот раз я соврал, так как о «Русском национальном единстве» не знать я не мог.

«Передо мной главный опер зоны, который ещё и РНЕшник. Здорово. Только этого мне и не хватало», — думал про себя я.

— В отряде своём чем занимаешься? — перевёл он тему.

— Да особо ни чем. Телевизор смотрю.

— Со своими питерскими друзьями по политической деятельности общаешься?

— Да мы в основном на обычные темы переписываемся в письмах.

— Я бы тебе рекомендовал общаться с ними только на отвлечённые темы. А лучше вообще не общаться. С блатными

в отряде общаешься?

— Да я вообще мало с кем общаюсь.

— Понятно. Значит либо общаешься, либо хитрый. Но я хитрее. А Лаврентия ты знаешь? — спокойно продолжал спрашивать Мазин.

— Нет. Не знаю.

— Как это не знаешь? А может знаешь?

— Да вообще в первый раз слышу, — сказал я.

— Лаврентий это друг мой. Мы с ним хорошо общаемся. Давай так. Я не буду создавать проблем тебе, а ты не будешь создавать проблемы мне. — Мазин встал с кресла и стал смотреть в окно. — А если что случится, я скажу Лаврентию и как он скажет, так и будет, потому что я ему доверяю больше всего. Понятно?

— Ну да. Понятно. От меня никаких проблем не будет, — это мне было понятно, но я так и не понимал, кто же такой Лаврентий.

— Точно Лаврентия не знаешь? — он повернулся лицом ко мне и показал на сидевшую на диване плюшевую обезьяну в милицейской фуражке: — Вот он, Лаврентий. Это мой лучший и единственный друг, и я ему доверяю. Как он скажет, так и будет. Всё. Свободен.

Я, слегка пребывая в шоке, вышел из кабинета и активист повёл меня обратно в отряд. Вернувшись, я сначала зашёл к завхозу и рассказал весь наш с Мaziным разговор. Он посмеялся над историей с Лаврентием и я пошёл рассказывать всё смотряге. Того тоже развеселила эта история, он только спросил, не бил ли меня Мазин. Я ответил, что нет и мы разошлись. С этого дня весь отряд уже знал, кто я и за что я пробил ножом лёгкое своему терпиле.

Глава 73. Длительное свидание.

Я спросил у активистов по поводу возможности пойти на длительное свидание. Меня занесли в график длительных свиданий и я созвонился с мамой, чтобы сообщить об этом.

Когда я спрашивал у всех, как там на длительных свиданиях, мне все отвечали: «Пойдёшь на свидание, сам всё увидишь».

Когда наконец настал день, когда мне нужно было идти на длительное свидание, я готовился заранее. Перед самым выходом побрился, проверил наличие личной карточки и стал ждать, когда меня вызовут. Когда я этого дождался, я сначала шёл до штаба в предвкушении, что увижу маму. Кроме мамы никого бы не пустили, потому что тогда слишком долго пришлось бы оформлять разрешение на это свидание. Свидание должно было длиться целых три дня. После почти года сидения почувствовать немного воли на три дня было весьма кстати. Я и ещё несколько человек из других отрядов выстроились возле штаба, и к нам вышел мусор. Он отвёл нас в медпункт, чтобы нам там дали справку, что у нас нет чесотки. Когда все получили справки, мы отправились мимо белых деревянных вольеров в то здание, в котором нас принимали по прибытии в зону. На втором этаже этого здания и находились комнаты длительных свиданий. А на первом этаже находились камеры ШИЗО. Вот такой контраст был в атмосфере разных этажей одного здания. Каждого из нас начали тщательно обыскивать, для этого мы должны были раздеться до трусов, а после обыска всей одежды должны были быстро одеться. После обыска мы поднялись на второй этаж и каждому сказали номер комнаты.

Все мы зашли в помещение для свиданий. Обстановка здесь была как в средней гостинице. Был большой коридор с холлом. В холле стоял диван, телевизор и DVD. Здесь же была детская стенка и гладильная доска. А в конце коридора была душевая комната, отдельный туалет, курилка и кухня. На кухне было две раковины, газовая плита, холодильник и микроволновая печь. Я сразу проверил, есть ли в кране вода и к моей радости там хорошо текла и холодная, и горячая вода. Никого из тех, кто пришёл с воли на свидание, ещё не было и я вместе с двумя зеками из других отрядов решили попить купца, пока ждём родственников.

Все родственники осуждённых привезли с собой кроме

вещей и еды различную аппаратуру для колонии. У кого-то это были телефоны с кнопками, у кого-то плазменные панели и кондиционеры. Какую именно технику им везти, они узнавали у тех осуждённых, к которым ехали на свидание. А этим осуждённым говорили мусора. Всё это делалось для того, чтобы показывать различным комиссиям, на что якобы уходят бюджетные деньги, выделяемые на содержание колонии. И никого не интересует то, что на самом деле всю аппаратуру покупают не на бюджетные деньги, а на деньги родственников осуждённых. Ремонт в бараках и других помещениях так же делается исключительно за счёт родственников. Куда же тогда деваются бюджетные деньги, на которые якобы всё это покупается? Вопрос риторический.

Потом я прошёл в свою комнату. Это была обычная комната с двумя кроватями, столом, двумя стульями и тумбочкой с зеркалом. Кроме таких комнат были и комнаты «люкс», в которых были ещё и телевизор с DVD, отдельный душ и кухня, в «полулюксах» был только телевизор. В «люкс» мне попасть не удалось, потому что его забронировали раньше меня. У каждой комнаты была своя цена аренды в сутки. В нашей обычной комнате за сутки нужно было платить триста рублей. Я снял робу, повесил её на стул и стал ждать маму.

Наконец я услышал, что кто-то заходит в коридор, я подошёл к двери, дверь открылась и на пороге стояла моя мама с сумками. Я помог занести сумки и мы стали располагаться в комнате. Мама сразу отнесла в холодильник продукты. Все продукты на весь период длительного свидания нужно было приносить с собой тем, кто приходил на свидание с воли. Пока длится это свидание, из этой «гостиницы» никуда нельзя было выходить, хотя никому и не хотелось. Здесь и так было всё необходимое.

Мамы зеков пошли на кухню и стали готовить обеды для своих сыновей и общаться между собой. Разговоры были об одном: о сыновьях, о сроках, о рецептах блюд в неволе из небольшого выбора продуктов, которые можно было купить в

тюремном магазине. Я достал из тумбочки посуду. Это были обычные фарфоровые тарелки, которых я не видел почти год и по которым успел соскучиться. Здесь были и стеклянные стаканы, и алюминиевые ложки и вилки, по которым я соскучился не меньше чем по фарфоровым тарелкам. Вольная посуда. Никогда бы не подумал, что буду испытывать такую радость просто оттого, что держу в руках вилку или тарелку не из пластика и не из алюминия, а настоящую вольную тарелку. Я пошёл поставить чайник, который имелся в каждой комнате, в том числе и в нашей. Когда мы с мамой поели вольного борща, она испуганно спросила: «Что у тебя на плече?»

Я проверил плечо: по нему ползала вошь. Так я обнаружил, что у меня завелись вши. Это было негативное последствие того, что я после бани одевал не до конца высохшую робу. Я пошёл мыться в душ и поменял всю одежду на вольную, которую привезла мама. После этого я кинул робу и всю одежду, в которой я был в таз и залил кипятком. Сразу же на поверхность воды стали всплывать дохлые вши. Когда вода остыла, я повторно залил одежду кипятком, а потом тщательно постирал. Хотя неделей назад в нашем отряде была массовая проверка на вшей. Мы раздевались прямо на продоле и вся одежда проверялась на предмет наличия вшей или их яиц. У меня вся одежда была чистой и только в майке нашли яйца вшей, но эти яйца были мёртвыми, судя по их цвету. Поэтому мою одежду на прожарку в баню не сдавали, а у нескольких человек, у которых нашли вшей, на прожарку отправилась вся одежда, постель и матрац. Такую тотальную проверку устроил сам завхоз, когда в очередной раз у одного из зеков обнаружили вшей. Причём, как показала практика, они могут появиться у кого угодно вне зависимости от того, как часто зек моется.

Вечером сюда пришёл режимник и подал звонок. Все, к кому пришли на свидание, встали в холле в вольной одежде. Режимник называл фамилии, а мы говорили имя отчество и заходили обратно в свои комнаты. После проверки режимник

предложил всем сделать фотографии за сто рублей. Я отказался. Мне не нужны фотографии на память об этом месте. Оно того не стоит. Эта вечерняя проверка была единственным признаком того, что здесь всё-таки зона, а не гостиница. Ночь я проспал крепко на цветной постели, по которой уже тоже успел соскучиться. В тюрьме есть только полностью белая постель. Проснулся я не в полседьмого утра, как обычно, а часов в девять. Целых три дня я общался с мамой и наслаждался прелестями воли. Например, горячей водой из крана, возможностью ходить в душ каждый день, возможность не ходить на зарядку и вольными постелью, посудой и едой. На третий день мамы на кухне с тревогой обсуждали ночные шумы. Той ночью пришел новый этап. И мамы слышали крики, звуки ударов и стоны избиваемых людей. Естественно, что прощаясь с сыновьями, мамы плакали. Переживали за своих сыновей, которые оставались в руках садистов, исполнявших закон. Никаких писем и записок отсюда родственникам выносить было нельзя. Поэтому мы с мамой составили список того, что мне нужно посылать в посылках, а также всю другую нужную информацию записали в журнале сканвордов. Чтобы это не бросалось в глаза, мы написали в каждой клетке по одной букве. Никто не будет проверять, какие именно слова написаны в этом сканворде. Когда эти три дня подошли к концу, на утро четвёртого дня отсюда выпустили сначала родственников, потом и нас самих. Нас опять обыскали и мы пошли возвращаться в лагерную жизнь после трёх глотков воли.

Глава 74. Пришла зима.

Когда я вернулся в барак и поделился впечатлениями, меня позвал к себе завхоз.

— Слушай, помоги мне с девушкой в интернете познакомиться, — от такой просьбы я чуть дар речи не потерял.

— А почему я?

— Ну ты же программист? И тем более тебе столько девушек письма пишут, — он протянул мне телефон, в котором была открыта страница одноклассников.

В этот момент я на мгновение пожалел, что мне так часто стали писать друзья, но я же не виноват, что чаще всего писали друзья женского пола. Я сначала отпирался и пытался придумать себе отговорки, но ему всё-таки удалось меня уговорить. Я взял телефон и написал нескольким девушкам одно и то же: «О привет. И ты здесь? Наконец-то я тебя нашёл!» Я отдал телефон завхозу и сказал ждать, когда кто-нибудь из них ответит.

— А они ответят? — недоверчиво спросил он.

— Ну из двадцати девушек, которым я написал, я думаю человек пять ответит. Или пять это мало?

— Да нет. Сойдёт. Иди, я тебя позову.

Я вышел, не до конца даже поверив в то, что я это сделал — помог завхозу познакомиться с девушкой. К завхозу чаще всего заходил его земляк дагестанец, с которым я тоже хорошо общался и три раза в неделю вместе с ним мы выходили в локальный участок заниматься на турнике и брусьях. На следующий день он подошёл ко мне и шепнул на ухо: «Наконец-то я тебя нашёл, да? Нормально придумал». Оказалось, что он тоже помог завхозу пообщаться с девушками в интернете и они даже начали близко и откровенно общаться. Хотя большую инициативу проявила сама девушка. Она была замужем и даже имела десятилетнего ребёнка. При этом одни только её сообщения завхозу, а вернее мне и его земляку, потому что завхоз плохо умел читать и не умел писать, можно было принять за настоящую измену. А именно, это был настоящий виртуальный секс по переписке. Мы с завхозом решили её напрямую спросить, не стыдно ли ей вести такую переписку, если она замужем и имеет детей. На что она написала, что никогда и не любила его, но он её любил очень сильно, а теперь она не разводится, потому что жалко ребёнка.

Я сразу вспомнил нескольких людей, от которых ушла

жена, когда их муж сел в тюрьму. Ещё был случай, когда одного арестанта перевели в другую камеру и ему позвонила жена. А когда ей сказали, что её муж переведён в другую камеру, она не упустила возможности пофлиртовать с теми, кто в камере остался. По её голосу было понятно, что она пьяная. Некоторых зеков посадила сама жена.

Все эти истории дали повод к размышлениям на тему «а зачем вообще нужно жениться и выходить замуж?», если большая часть браков кончаются разводами с делением имущества и детей. А большинство тех браков, которые не ведут к разводам, ведут к тому, что супруги друг друга просто терпят. И как следствие, кто-то из них начинает себя вести точно так же, как и эта дамочка по другую сторону интернета.

Вот два человека встречаются, влюбляются и у кого-то из них возникает страх потерять любовь. Сначала он пытается создать романтику и начинаются ухаживания. Но ухаживания не могут продолжаться постоянно, и возникает страх, что после ухаживаний исчезнет любовь. Но у этой парочки есть выход: привязать друг друга с помощью закона. Если несемейным людям расстаться легко, то семейным это сделать сложнее, потому что они ударяются о стену закона. Значит, брак это обман, попытка привязать к себе партнёра или партнёршу, чтобы даже если исчезнет любовь, этот возлюбленный или возлюбленная всё равно оставался рядом, хочет он этого или нет. Если же кто-то решит всё-таки расстаться, он автоматически наваливает на себя гору юридических проблем. Вот почему многие супруги продолжают друг друга терпеть, даже когда любовь переросла во враждебные отношения. Сама попытка привязать к себе партнёра полностью разрушает любовь, потому что это принуждение. Если до брака сохраняется иллюзия любви, за которую люди принимают романтику ухаживаний и влюблённость, то после брака она постепенно будет сходиться на нет. И даже если один из двоих любит по-настоящему, то другому придётся просто его терпеть против своей воли.

Зачем тогда всё это? Зачем жениться? Если два человека

по-настоящему будут любить друг друга, разве для них должно иметь значение женаты они или нет? Если они всё равно женятся, это только из-за страха, что завтра или когда-либо ещё они не будут вместе. А так сыграли свадьбу и всё, никуда супруг не денется, можно делать теперь что хочешь. Это отдавание себя в добровольное рабство. Зачем люди вообще что-то начинают от страха потерять друг друга?

Я могу назвать себя противником брака уже потому, что у него больше минусов, чем плюсов. Да и все плюсы брака можно так назвать только с натяжкой.

Глава 75. В ожидании обыска.

Постепенно становилось холоднее и даже выпал первый снег, а зимнюю одежду нам не выдали. Но в день первого снега из штаба всё таки позвонили в отряд и сказали составить список тех, кто ещё не получал ни разу зимнюю одежду. После обеда этот список был уже готов и мы пошли в баню, но не мыться, а получить одежду, так как её выдавали именно там. Те, кто весной был уже в лагере, пошли забирать свои ранее сданные фуфайки и меховые шапки-ушанки. Все остальные приготовили свои личные карточки и стали ждать, когда всем выдадут новую зимнюю одежду. Мы по очереди входили внутрь и выходили уже в новой фуфайке и шапке. Мне опять дали фуфайку на пару размеров больше, но я решил не ушивать её, потому что большая фуфайка закрывает больше тела, а значит теплее, а рукава полностью скрывают руки до кончиков пальцев, благодаря чему ни перчатки, ни варежки уже не нужны. У некоторых зеков были вольные шапки. Они были такого же фасона, но из другого меха. Например, у смотряги была огромная шапка-ушанка из какого-то рыжего меха. Но мне больше по душе был мех искусственный. Но несмотря на то, что это были шапки-ушанки, их уши нельзя было опускать. Уши шапки должны быть завязаны на макушке шапки, иначе это было нарушением формы одежды, что было чревато взысканием.

Поднимать воротник фуфайки тоже было нельзя, по той же причине, а значит возникала необходимость где-то доставать себе шарф. К фуфайкам оставалось пришить такие же бирки, как и на робах, и можно в них ходить.

Но больше всего весь лагерь ждал даже не выдачу зимней одежды, а планового обыска. По рассказам, в прошлом году во время планового обыска всех с матрацами выгнали на футбольное поле, которое было напротив бараков, и, пока все сидели на корточках на этом поле, маски вместе с операми обыскивали бараки. Все знали, что утром в день обыска подадут три длинные громкие сирены, что будет означать «маски в лагере». В первый раз, когда мы услышали три такие сирены, мы приготовились к обыску, но палёвщики пробили информацию, что маски пошли в СУЗ.

СУЗ — это отряд со «строгими условиями содержания», они сидят в закрытых камерах с прогулкой в небольшой клетке один час в день. В этом отряде посылки и бандероли получают реже, чем в «обычных условиях». Если зек получает несколько взысканий, его могут перевести с «обычных условий» в «строгие условия». А если он сидит в зоне и имеет поощрения, он может написать заявление и попросить о переводе на «облегчённые условия содержания». Тогда он будет получать посылки и бандероли ежемесячно, а не раз в два месяца. Так же он может тратить в магазине столько денег, сколько захочет, и свидания он может получать чаще. В СУЗе всё наоборот. Как выяснилось, в этом отряде кто-то поругался с мусорами, и к ним отправили маски, чтобы они их «поучили». «Учение» дубинками продолжалось больше часа...

В следующий раз мы услышали три длинные сирены и снова стали готовиться к плановому обыску. Но мы так его и не дождались, хотя палёвщики уже начали пробивать: «Десять масок зашли в лагерь...», — потом: «Маски мимо четвёртого отряда в нашу сторону...» Это означало, что все маски не заходили ни в один барак от первого до четвёртого, прошли мимо них и шли в нашу сторону. Все уже начали суетиться в раздевалке, чтобы не толпиться там, когда всех будут

выгонять. Пошла пробивка: «Маски мимо пятого!» Напряжение нарастало и вдруг пробивка: «Все маски на шестом».

Шестой отряд находился прямо над нами. Я не помню уже по какому вопросу к ним пришли маски, но всех выгнали в локальный участок, а нескольких поставили на «растяжку». Всё это мы наблюдали в окно, стараясь, чтобы маски нас не заметили, потому что в этом случае они могли и к нам в гости зайти. Но в этот раз маски никого не били и через какое-то время ушли.

В третий раз мы услышали три длинные сирены, и у некоторых это даже вызвало смех. Всем было понятно, что раз всё это время планового обыска не было, значит его перенесли на весну, тем более, что такое в этом лагере уже было. Все спокойно пошли на завтрак, а после него так же спокойно расселись в комнате воспитательной работы. Те, кто учился здесь в школе (у кого было меньше 9-ти классов образования) ждали, когда их поведут на уроки, а пока заварили крепкие чаи, чифиры и разделились по семьям. Семьи — это небольшие группы зеков одной масти, внутри которых наибольшее доверие. Они вместе пьют и чай и чифир, вместе делят между собой посылки и бандероли. Иначе говоря, живут как постояльцы одной камеры. В масштабах отряда невозможно жить в таких отношениях одновременно со всеми, потому что найдутся те, кто начнёт вами пользоваться. Поэтому все и разделяются на группки поменьше, обычно не больше пяти-восьми человек.

Но постепенно все стали понимать, что возвращаясь с завтрака мы не встретили учителей, как это чаще всего бывает, не было и пробивок, что «учителя вошли в лагерь». Это вызывало у многих беспокойство, но многие их успокаивали: «Что, на измену подсели? Нормально всё».

И вдруг все услышали пробивку: «Шесть масок в лагерь». После неё посыпались и другие пробивки: «Одинадцать масок в лагерь», «Несколько масок на первый, несколько на второй». Напряжение возрастало, хотя всем и так всё стало ясно.

«Маски по футбольному полю в нашу сторону», — все уже даже понимали, что это была последняя пробивка, потому что маски редко ходят, они чаще бегают и пробить «маски к нам» палёвщики просто не успеют.

В этот момент палёвщики прибежали в комнату ко всем и сообщили, что маски уже стоят возле локалки снаружи. Раздался звонок, который всем сообщал, что нужно выходить. Не успел никто выйти из комнаты воспитательной работы, как вошедший в большую секцию отрядник крикнул: «Все взяли свои вещи из каптёрки и матрацы и бегом на улицу!»

Из каптёрки все быстро стали брать свои сумки и побежали за своими матрацами. Похватав матрацы, мы быстро оделись и вышли на улицу. Маска стоял за локалкой и крикнул всем, чтобы положили матрацы на землю перед собой, сверху на них сумки, а сами все чтобы сели во всем уже известной позе. Мы заполнили всю локалку и к нам вышел отрядник:

— Сейчас по два человека будете брать вещи и матрац и заходить внутрь. Первые пойдут те, у кого постельный режим.

Постепенно в локалке становилось всё меньше народу. Дальше отрядник сказал заходить самым старым зекам и тем, у кого не было тёплой одежды. Маска не заходил в локальный участок, а время от времени кричал нам встать и размять ноги. Как выяснилось, на них кто-то написал жалобу, после которой во время планового обыска, который проходил одновременно во всех отрядах, им запретили заходить внутрь. В новой зимней одежде пережить это ожидание в локалке было намного легче. Хорошо, что нам успели эту одежду выдать.

Наконец, моё ожидание подошло к концу, и я взял матрац с сумкой и побежал наверх в барак. Сразу на входе стоял какой-то мусор с добрым лицом. Он стал меня обыскивать, потом проверил мой матрац и постель. По его движениям было понятно, что он не выспался. Он велел достать мне из сумки опись моих вещей и отдать ему, а из сумки всё высыпать на матрац. Потом он по описи называл какую-то вещь, а я доставал её из кучи и ложил в сумку. Когда список

закончился, он посмотрел на матрац и на нём осталась только постель — как раз так и должно быть. Я собрал все вещи и побежал в сторону комнаты воспитательной работы. Кроме этого мусора и отрядника в бараке присутствовал опер. Он тоже обыскивал всех, а заодно следил, чтобы все, кого уже обыскали, именно бежали, а не шли. Если кто не бежал, он его останавливал, давал ему подзатыльник и отправлял дальше. Один из зеков не стал бежать даже после подзатыльника и опер поставил его на «растяжку», велел стоять так до конца обыска и позвал смотрягу.

— Кто это у тебя такой? Отрицает и бегать не хочет? — спросил он у смотряги.

Смотряга посмотрел на стоящего на растяжке и сам стал его отчитывать.

— Ты в ШИЗО бегал? Бегал. На приёмке бегал? Бегал. Так почему ты теперь бегать перестал? Бродить по возможности вздумал? Не выйдет при мне такого! — эти его крики слышали все, в том числе я.

Дело в том, что если зек выбирает путь отрицания всего мусорского, то есть начинает бродить, он должен бродить всегда и везде, даже когда это чревато какими-то нехорошими последствиями для него. Если же он бродит только тогда, когда бродить безопасно, это уже не по понятиям. Таких людей обычно называют приспособленцами, которые сначала сидят тихо как мыши, а как только понимают, что можно побродить, начинают строить из себя отрицал. Но как только появляются трудности, они снова живут по мусорскому режиму. Естественно, такие люди не вызывают уважения.

После обыска все маски вышли из лагеря, в бараке остался только отрядник и опер. А мы стали заправлять свои кровати и приводить всё в порядок. И уже на обед все пошли так, как будто ничего и не было. Если маски в этот раз стали себя так мирно вести из-за чьей-то жалобы, значит, всё-таки есть какой-то в этих жалобах смысл.

Глава 76. Второй Новый год в неволе.

Еще с конца осени мы стали готовиться к Новому году. И, как и в СИЗО, стали заказывать с воли разные вкусы по списку. Каждая семья составляла свой список блюд, который они хотят приготовить на новый год. Кроме этого, был и общий стол, на который каждая семья уделяла что-то от себя. Одновременно с подготовкой к Новому году все отправляли домой в письмах поздравления и получали их с воли. Мне поздравления приходили весьма специфичные. В них не только говорилось о Новом годе, но и о впечатлениях различных товарищей от протестов против результатов выборов в Государственную думу в декабре 2011 года. Мне даже присылали фотографии со спутника площади в Москве, на которой и была акция протеста. Об этих же акциях мы смотрели скудные репортажи по телевизору. У меня даже некоторые просили почитать, что мне в письмах пишут об этих акциях, чтобы получить информацию от участников событий. Я давал читать те письма, где не было ничего личного. Всем уже тогда было понятно, что эти протесты ознаменовали собой новую эру российских протестов. Теперь они должны стать более массовыми. Такого размаха не было даже на первых маршах «Несогласных», после прошлых думских выборов.

Так как сахар в зоне запрещён и здесь вместо него используют заменитель, искать брагу не было смысла. Но обыски, по рассказам, в некоторых отрядах случались. Так, 31 декабря, когда уже всё у всех было готово, на ужине в столовой к нам подошли зеки другого отряда и сказали, что видели, как несколько мусоров зашли в наш барак сразу после того, как мы зашли в столовую. Все стали по-быстрому всё доедать и строиться на улице, чтобы поскорее оказаться в бараке. Но когда мы подошли к своему локальному участку, нас не пропустили внутрь. Дверь локалки не открыли даже, когда по трубке со штабом связывался сам завхоз. Мы какое-то время ждали у локалки и к нам из нашего барака вышел

опер. Он связался со штабом по своей рации и локалку открыли.

— Внутрь заходит только завхоз. Все остальные дальше раздевалки не проходят и ждут либо на улице, либо на проходе, — сказал нам опер.

Все мы столпились на проходе и стали из-за угла смотреть, что делают там в секции мусора. Кровати были сдвинуты, на полу было много опилок и оторванные от пола доски. Стало понятно, что мусора вскрыли пол, чтобы искать телефон. Ничего не найдя, они ушли, а мы остались убирать весь беспорядок, который они учинили. Подмели опилки, прибили обратно доски и стали готовиться к вечерней проверке, которая должна была быть уже через несколько минут. До Нового года оставалось четыре часа, а мы подметали опилки и прибивали доски, оторванные мусорами. На проверке нам сказали, что сегодня можно не спать до двух часов ночи, но из барака на улицу выходить запрещено. Сразу после проверки все стали накрывать столы, которые сделали из больших широких досок, положенных на спинки стульев. Общий стол стоял в комнате воспитательной работы, а семейные столы были в проходах между койками. Один зек переделался в Деда Мороза, сделав бороду из ваты от старых фуфаяк. Он прочитал всем поздравительные стихи собственного сочинения и все стали отмечать Новый год. На этот Новый год я даже получил подарок от освободившегося по УДО семейника — новую робу из качественного материала. Позже эту робу ушил портной и тоже сделал мне подарок — внизу на рукавах пришил мне молнии вместо пуговиц. Такое могли себе позволить очень немногие, поэтому я даже гордился этими молниями. Всё-таки в неволе ценности появляются совсем необычные для воли. Это же можно отнести и к отношению к наказаниям. Например, здесь часто использовали такое наказание для всего отряда: выгоняли на поле и заставляли по нему ходить. В этом не было абсолютно ничего плохого, но только не для тех, кто предпочитает сидеть в помещении целыми днями. Поэтому

многие принимали эту меру как наказание. Я же предпочитаю находиться на свежем воздухе, потому что сидение в помещении провоцирует лень. А лень тормозит развитие личности. Другое дело — свежий воздух, он даёт бодрость и уничтожает лень. Поэтому я относился к прогулкам по футбольному полю только как к разнообразию: теперь я могу гулять не в маленьком локальном участке, а на целом футбольном поле. А то, что ходить там надо строем, так я на массовых акциях по сути таким же строем ходил. Наказание только тогда может быть эффективным, когда оно воспринимается как наказание. Эту тему можно развить, если обсудить наказание «в виде лишения свободы», как написано у нас в приговорах. Для тех, кому «тюрьма — дом родной», разве это будет наказанием? Вряд ли. И отношение к Новому году в этих местах имеет те же корни: если человек видит повод что-то отметить, он отмечает. А если он больше видит не праздник, а решётки и колючую проволоку, то не отмечает. Но размышлять что из этого хорошо, а что плохо — дело неблагодарное. Всё таки у каждого своё мнение.

Это был второй Новый год, отмеченный мной в неволе. Многие отказывались его отмечать в такой обстановке и сразу ложились спать. Остальные отмечали, пили чай, купец, ели вкусности и смотрели телевизор. К этому моменту я уже привык к популярной музыке из этого зомбоящика, хотя раньше прослушивание попсы для меня было пыткой. Я привык к более тяжёлой музыке и пообещал себе, что после освобождения обязательно схожу на какой-нибудь концерт с жёсткой музыкой. А после Новогодних каникул у меня должна была быть комиссия по условно-досрочному освобождению (УДО). Раньше меня туда не пускали, потому что для её прохождения нужно было отсидеть в этом лагере не меньше шести месяцев. Мне оставалось только дожидаться конца длинных новогодних каникул, к которым в тюрьме относятся абсолютно не так, как на воле. Если на воле это праздники и выходные, когда большинство отдыхает от работы и учёбы, то в тюрьме — это время тоски, однообразия

и скуки. Но когда я всё таки дождался окончания этих выходных, я с немалым волнением шёл на комиссию по УДО. Вместе со мной из нашего отряда шли на комиссию ещё два человека. Из всех, кто в этот день пришёл на комиссию, я зашёл в кабинет последним. Рассказав доклад, я стал ждать, когда мне будут задавать вопросы. В кабинете было несколько мусоров, в том числе наш отрядник. Кроме мусоров было несколько женщин, я знал только психолога, потому что с ней мы мило пообщались, когда я сдавал психологический тест для этой комиссии. Мне она тогда сказала, что результаты теста у меня одни из лучших. «Хорошо, что Мазина здесь нет», — подумал я.

— Вот скажи мне, как мы можем тебя отпустить, если ты человека порезал? — спросил один из мусоров.

— Ну, я же осознал свою вину.

— Ну, откуда я знаю. У нас недавно тоже один освободился, и уже через неделю он опять совершил преступление, и теперь опять сидит. — От такого жёсткого нежелания пропускать меня по УДО у меня как будто внутри всё упало вместе с даром речи.

Но за меня вдруг заступился отрядник:

— Да он вообще спокойный и не конфликтный. Мясо даже не ест, — после этих его слов психолог в очередной раз внимательно на меня посмотрела и улыбнулась.

— Спокойный значит. Вот он освободится и так же спокойно пойдёт людей резать, — не унимался глава этой всей комиссии.

Тогда за меня стала заступаться психолог, а потом и другие члены комиссии, и мне всё-таки поставили отметку, что они не возражают против моего УДО. Из кабинета я выходил с неописуемым впечатлением.

Глава 77. Освобождение.

Суд нам назначили только через месяц, хотя обычно его назначают максимум через две недели после комиссии. Нам

же пришлось ждать целый месяц. В день суда была чёткая уверенность в том, что все пройдут суд так же как все прошли комиссию. Так и получилось. В обед мы позвонили в штаб и спросили прошли ли мы суд, на что нам ответили, что суд прошли все. Теперь нужно было подождать две недели и будет освобождение. За неделю до суда я перестал брить голову, чтобы по освобождении не выходить лысым, а с нормальной вольной длинной волос. Несколько человек уже выстроились в очередь за моими вещами, которые я буду оставлять здесь нуждающимся. Так как у меня всё было новое, не изношенное, многие хотели, чтобы я оставил это им и вышел в старой изношенной робе, так как здесь у меня есть вольная одежда, которую у меня взяли на хранение при поступлении в эту колонию. Но пока я продолжал ходить в своей робе. Когда до освобождения оставалось дней десять, в барак позвонил режимник и сказал всем построиться в локалке для внешнего осмотра. Так он делал время от времени, чтобы найти тех, у кого есть нарушение формы одежды, или слишком длинные волосы, или небритость. Если он таких находил, он забирал у них личные карточки и, пока нарушение не будет устранено, не отдавал. После устранения нарушения нужно было пойти к нему в штаб, показать ему, что теперь всё в порядке и получить назад свою карточку. Так как мне до освобождения оставалось совсем чуть-чуть и суд я уже прошёл, я решил особо не заморачиваться по поводу внешнего вида и вышел на это построение. Режимник подошёл ко мне и спросил почему у меня нет двух карманов внизу робы.

— Так их у меня никогда и не было, — ответил я, потому что это было правдой, но он ещё не разу не обращал на это внимание.

Он забрал у меня личную карточку и я, и все остальные стали говорить ему: «Да зачем это надо? Через десять дней всё равно освободиться».

— За десять дней можно и в ШИЗО попасть, — сказал режимник и ушёл вместе с моей и несколькими другими

карточками.

Я зашёл в барак и уже хотел зайти к завхозу, чтобы он помог мне решить этот вопрос, так как все вопросы, касающиеся взаимоотношений с мусорами, лучше решить через завхоза. Но по пути меня встретил один активист.

— Ну что, бедолага? Карточки лишился? Подожди пока, я сейчас пойду к режимнику за карточками, — это услышали ещё несколько мужиков и попросили его, чтобы он и их карточки забрал у режимника. — Я попробую, — ответил активист и ушёл.

Через некоторое время он вернулся с карточками:

— Взыскания в этот раз он не выписывал, его удалось уговорить, — сказал нам этот активист.

Я только что оказался на грани получения взыскания, которое могло перечеркнуть моё УДО. А в следующий раз писать ходатайство на условно-досрочное освобождение можно было бы только через полгода. Поэтому я сделал вывод, что, пока я не выйду за другую сторону колючей проволоки, расслабляться не стоит.

Вечером, за день до освобождения, нас стали провозить семейники. А те, кто освобождался, поставили на стол заранее приготовленные коржи, пропитанные сгущёнкой и посыпанные шоколадными конфетами. Всё это я покупал заранее, чтобы торжественно съесть в вечер наших проводов. Нас поздравляли все, пили чифир за наше здоровье и читали наставление: «Больше не попадайтесь».

Наконец настал тот самый день «Ч», которого мы так ждали. Утром несколько человек из нашего отряда не вышли на зарядку. У пары человек был постельный режим, а три человека готовились к своему освобождению. По традиции те, кто освобождается, на зарядку не выходят, а выходят только на утреннюю проверку. Пока отряд делал зарядку, как обычно один мусор зашёл в барак с фонариком. Он спросил нас, почему не на зарядке.

— Освобождаемся.

— Что, все трое? Ну, давайте, не попадайтесь больше. —

Он ушёл из барака, а мы стали готовить себе купец.

Попив его, мы стали менять матрацы с теми, с кем заранее об этом договорились. Мы отдавали хорошие толстые матрацы и брали тонкие, чтобы их сдать в баню. Я переоделся в старую потёртую робу с демонстративно оторванной нагрудной табличкой и изношенные ботинки огромного размера. Когда весь отряд пошёл на завтрак, мы втроём пошли с ними, но перед столовой мы свернули в сторону бани. Здесь уже было несколько освобожденцев. Они уже сдали бельё и мылись. Мы не догадались взять с собой мыльно-рыльные, поэтому пошли обратно в барак. Весь отряд ещё был на завтраке, а в штаб нам надо было только через полчаса. Мы в последний раз зашли в комнату воспитательной работы и включили телевизор. Отряд вернулся с завтрака, и все стали готовить себе купцы и чифир.

— В туалет не забудь сходить, — сказал мне вернувшийся с завтрака семейник. — Верни администрации то говно, которым она тебя кормила. Знаешь кстати, как из лагеря правильно выходить?

— Нет, — ответил я с интересом.

— Будешь выходить, назад не оборачивайся. У тебя появится желание посмотреть на забор с другой стороны. Непреодолимое желание. Но ты всё равно не оглядывайся! Иначе вернуться можешь. Я с малолетки освобождался, оглянулся — и вот я теперь здесь, — рассказал мне мой семейник.

Я попрощался со всеми семейниками, со всеми, с кем я больше всего общался и мы пошли в штаб. Поднявшись наверх, мы ещё какое-то время ждали, когда придут мусора, чтобы нас освободить. Когда мы этого всё таки дождались, у нас взяли документы, что-то пописали и мы прошли в здание комнат свиданий и ШИЗО. Через это здание мы поступили в это учреждение, через него и освободимся. Всего в этот день освобождалось 20 человек. Все по УДО. Причём, все самых разных мастей. В некоторых зонах УДО считается чем-то плохим, потому что считается, что чтобы его заработать

нужно сотрудничать с администрацией. Но я ещё в «Лебедёвке» понял, что если сотрудничать с администрацией и стучать, то они наоборот попытаются задержать такого ценного агента. И в этом лагере я в этом убедился, когда один активист чуть не лишился УДО после того, как его подставил опер, подкинув ему заточку под матрац. А в нашем отряде по УДО собирался уходить даже смотряга, значит ничего плохого в условно-досрочном нет. Был среди нас и старик инвалид, который был единственным на всю зону, кому разрешали не брить бороду. А разрешали ему это, потому что боялись. Когда он приехал в лагерь и его хотели заставить побриться, он им сказал одну фразу, после которой они свои попытки сразу оставили:

— Я уже достаточно пожил на этом свете и умирать мне не жалко. Поэтому если вы меня будете заставлять бриться, я напишу это в записке и съем её вместе с лезвиями от бритв. И когда меня будут в морге вскрывать, найдут эту записку и вы будете виноваты в моей смерти, — слова старика были так убедительны, что мусора испугались и разрешили ему ходить по зоне с длинной бородой.

Все мы по очереди получили копии постановления суда об УДО и расписались в обязательстве явиться к участковому и встать на учёт по месту регистрации. Дальше мы прошли через дверь с громким звонком при открытии, за которой нам выдали паспорта. Когда все получили документы, мы вышли из здания с другой стороны и прошли в так называемый «вольный штаб». Здесь нужно было пройти в бухгалтерию и забрать деньги, который платила ФСИН при освобождении плюс те деньги, которые были у нас на нашем лицевом счету. Вместе с деньгами нам давали ценные вещи. Мне в этой бухгалтерии выдали журналы, которые мне прислали сюда по почте, но которые не пропустила цензура. Это был журнал «Автоном» с моей фотографией и адресом для писем. Возле этого здания уже стояли родственники освобождённых. Нас троих должен был встретить брат одного из нас. Он должен был быть на машине и обещал отвезти нас до самого

Екатеринбурга, так как он и сам там жил.

После бухгалтерии нас повели на склад личных вещей. Всем показали на кучу сумок, которую очень быстро разобрали. Я своей сумки так и не увидел и спросил кладовщицу: «А где моя сумка? Я же не буду ехать до самого дома в этих ботинках, которые на мне как ... и в этой фуфайке, в которой я утонул.»

Кладовщица спросила мою фамилию, посмотрела в список сумок и сказала, что меня даже в списке нет.

— Как это нет? Вот же я здесь стою, значит и сумка должна быть, — стал уже возмущаться я.

— Спокойно. Не волнуйся. Как выглядит сумка помнишь? — спросила эта женщина в синей камуфляжной форме.

— Помню, — ответил я ей.

Мы вместе пошли искать мою сумку между стеллажей и после долгих поисков всё-таки нашли. К этому моменту все остальные уже переоделись, вышли и уехали. Меня остались ждать только двое тех, с кем я должен был ехать до Екатеринбурга. Я быстро оделся и нашел в сумке пакет с дисками. Эти диски с фильмами мне присылали в бандероли, но их также не пропустила цензура, так как я не предупредил их заранее. В этом складе работали зеки, сидевшие в колонии-поселении, при этом же лагере. Оказалось, что здесь есть лагерь общего режима, а вокруг него была колония-поселение, в котором тоже сидели осуждённые. Я отдал все диски с фильмами этим зекам, потому что теперь у меня будет больше возможности скачать любой фильм из интернета. А если мне эти фильмы прислали мои товарищи, значит их стоит посмотреть и этим зекам они будут очень полезны.

Я вышел из склада и увидел, что на стоянке нет ни одной машины. Но те двое до сих пор меня ждали. Я подошёл к ним с ничего не понимающим взглядом.

— А где твой брат? — спросил я одного из них.

— Я сам хотел бы это знать, — ответил он.

Мы пошли пешком до вокзала города Верхотурья. По бокам дороги ещё лежал мартовский снег, машины здесь не

ездили и возможности доехать до вокзала на попутке у нас не было. Вокруг стояли немногочисленные маленькие деревянные избушки. Мы шли по незнакомой дороге не зная даже, сколько сейчас время, так как часов ни у кого из нас не было. Но издали виделось здание, которое, скорее всего, должно было оказаться вокзалом. Мы никогда раньше не были в этом месте. Точнее, были, но когда ехали в закрытом автозаке в зону. А теперь мы идём по этой улице своими ногами, без сопровождения активиста. Сами. И в любой момент можем свернуть куда угодно, стоит только захотеть. Мы увидели небольшой магазинчик с надписью «Продукты» и зашли внутрь. Оказалось, что из продуктов там были только чипсы и сухарики, а все остальные полки были заняты алкоголем и разными напитками. Я купил себе сок, а двое моих попутчиков взяли по бутылке пива. Мы вышли на улицу и встретили бабушку, торгующую пирожками. Купив у неё несколько штук и спросив дорогу к вокзалу, мы отправились дальше.

Рядом с нами остановилась «Волга», внутри которой сидели три человека в синем камуфляже. Стекло опустилось, и из него показалось лицо нашего опера.

— Ну что? С освобождением! Я смотрю, вы уже отмечаете? Смотрите, опять не попадитесь. — В этих местах никто никому не желает не совершать преступления, потому что все понимают, что для того, чтобы сесть в тюрьму нужно не совершить преступление, нужно на чём-нибудь попасться.

Один из нас сразу попросил опера позвонить и набрал номер своего брата. После разговора он рассказал нам, что у брата сломалась машина и он не смог приехать. Опер уехал на работу, а мы вошли в вокзал, прошли к кассе и купили билет на ближайшую электричку до Екатеринбурга. На поезд мы уже опоздали.

Когда мы сели в электричку и поехали по заснеженной тайге, я сидел у окна и думал.

Думал, что это было. Наказание? Нет, скорее жизненный урок.

Думал о том, что будет дальше. О том, какие уроки я извлёк из своей ситуации. Брошу ли я свою общественную деятельность? Думаю, что нет. Потому что протест против несправедливости наполняет мою жизнь смыслом. Везде, где будет появляться несправедливость, будем появляться мы.

Всё, что мы делаем, всё не зря. Если даже немедленный результат не виден, то его просто не может не быть. Все изменения к лучшему происходят не без помощи обычных людей. Один человек может сделать гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И от каждого из нас зависит то, каким будет этот мир в будущем.

А те, кто слаб и говорит, что ничего нельзя добиться, если не сидеть у власти, пусть и дальше живут по указке других и ждут, когда им всё преподнесут на блюдечке с голубой каёмочкой. Наше будущее в наших руках и будущее нашей планеты зависит от нас.

Одни действия нужны для достижения положительных результатов, другие — во избежание отрицательных, к которым может привести бездействие и наше равнодушие. И те, и другие действия взаимно дополняют друг друга. Ответственность за то, что происходит вокруг нас, лежит на каждом из нас. И от каждого из нас зависит, к чему и когда мы придём.

Мы способны изменить этот мир. Всё в наших руках! Всё не зря! Мы победим!

Мы — живущие протестом.

Оглавление:

От автора.	- - - - -	- стр. 3
Глава 1.	Начало.	- - - - - стр. 5
Глава 2.	Мой первый марш.	- - - - - стр. 6
Глава 3.	История RASH.	- - - - - стр. 9
Глава 4.	Знакомство с антифа.	- - - - - стр. 11
Глава 5.	Эксперимент Стенли Милгрэма.	- - - - - стр. 18
Глава 6.	Возвращение в Питер.	- - - - - стр. 20
Глава 7.	Подготовка к контрсаммиту G8.	- - - - - стр. 23
Глава 8.	Конец «Чёрной коммуны».	- - - - - стр. 25
Глава 9.	Беспредел июля 2006 (саммит G8).	- - - - - стр. 28
Глава 10.1.	Осень 2006. Беспорядки в Кондопоге и их последствия.	- - - - - стр. 33
Глава 10.2.	Осень 2006. «Русский марш» в Питере.	- - - - - стр. 36
Глава 11.	День рождения Гитлера 2007.	- - - - - стр. 38
Глава 12.	Первомай 2007.	- - - - - стр. 42
Глава 13.	Антифа-концерты.	- - - - - стр. 49
Глава 14.	Разочарование.	- - - - - стр. 51
Глава 15.	Subcultures Unite!	- - - - - стр. 52
Глава 16.	День рождения Гитлера 2008.	- - - - - стр. 56
Глава 17.	Поездка на футбол в Петрозаводск.	- - - - - стр. 58
Глава 18.	Оборона от ментов-нацистов.	- - - - - стр. 61
Глава 19.	Я снова в строю.	- - - - - стр. 62
Глава 20.	Концерт в Петрозаводске.	- - - - - стр. 64
Глава 21.	Нож для нациста на «Русском марше» 2008.	- - - - - стр. 66
Глава 22.	«Чёрный Петроград».	- - - - - стр. 69
Глава 23.	День рождения Марго.	- - - - - стр. 71
Глава 24.	Акция против ESCADA.	- - - - - стр. 75
Глава 25.	«Зайцы» против повышения цен!	- - - - - стр. 78
Глава 26.	Знакомство со сквоттерами.	- - - - - стр. 81
Глава 27.	Захват завода в Херсоне.	- - - - - стр. 84
Глава 28.	Кампания против беспредела ментов 2009.	- - - - - стр. 92

Глава 29.	«Пиратское стрит-пати» на анархо-Первомае 2009.	-	-	-	-	-	стр. 96
Глава 30.	Массовые задержания на санкционированной акции.	-	-	-	-	-	стр. 100
Глава 31.	После Первомая.	-	-	-	-	-	стр. 104
Глава 32.	Конец сквота «Пи́ла».	-	-	-	-	-	стр. 106
Глава 33.	Сквот «Black Hole» («Чёрная дыра»)стр.	-	-	-	-	-	108
Глава 34.	Протесты против пыток в ОВД Сокольники.	-	-	-	-	-	стр. 109
Глава 35.	Акционирование в другом городе.	-	-	-	-	-	стр. 113
Глава 36.	Снова в Петрозаводск.	-	-	-	-	-	стр. 116
Глава 37.	Начало вписок у Марго.	-	-	-	-	-	стр. 121
Глава 38.	Новый «закон об охоте».	-	-	-	-	-	стр. 123
Глава 39.	День вегетарианца в Петрозаводске.стр.	-	-	-	-	-	127
Глава 40.	Предновогодние и новогодние приключения.	-	-	-	-	-	стр. 131
Глава 41.	Либертарный форум.	-	-	-	-	-	стр. 136
Глава 42.	Новая кампания против ментовского беспредела 2010.	-	-	-	-	-	стр. 139
Глава 43.	Первомай 2010.	-	-	-	-	-	стр. 143
Глава 44.	Борьба за чистоту.	-	-	-	-	-	стр. 145
Глава 45.	Предчувствия.	-	-	-	-	-	стр. 147
Глава 46.	Арест.	-	-	-	-	-	стр. 150
Глава 47.	СИЗО.	-	-	-	-	-	стр. 155
Глава 48.	Неожиданная встреча.	-	-	-	-	-	стр. 159
Глава 49.	Недружественные хаты.	-	-	-	-	-	стр. 163
Глава 50.	Новая профессия, новые уроки.	-	-	-	-	-	стр. 166
Глава 51.	Встреча с терпиллой.	-	-	-	-	-	стр. 170
Глава 52.	Начало давления.	-	-	-	-	-	стр. 173
Глава 53.	Давление продолжается.	-	-	-	-	-	стр. 176
Глава 54.	Празднование за решёткой.	-	-	-	-	-	стр. 179
Глава 55.	Переезд.	-	-	-	-	-	стр. 183
Глава 56.	Бродяга.	-	-	-	-	-	стр. 186
Глава 57.	Визит правозащитников.	-	-	-	-	-	стр. 190
Глава 58.	Неподчинение.	-	-	-	-	-	стр. 195
Глава 59.	Новые конфликты и провокация.	-	-	-	-	-	стр. 199

Глава 60.	Конец следствия.	-	-	-	стр. 201
Глава 61.	Бывшая пресс-хата.	-	-	-	стр. 205
Глава 62.	Развязка дела Трифана.	-	-	-	стр. 208
Глава 63.	Суд.	-	-	-	стр. 210
Глава 64.	Этапная хата.	-	-	-	стр. 216
Глава 65.	Рассказ пожилого о псевдо-историке.	-	-	-	стр. 220
Глава 66.	Подготовка к этапу.	-	-	-	стр. 222
Глава 67.	Отправка на этап.	-	-	-	стр. 226
Глава 68.	Первая пересылка.	-	-	-	стр. 230
Глава 69.	Вторая пересылка.	-	-	-	стр. 235
Глава 70.	Лагерный карантин.	-	-	-	стр. 240
Глава 71.	Распределение в отряд.	-	-	-	стр. 246
Глава 72.	Первый вызов в штаб.	-	-	-	стр. 255
Глава 73.	Длительное свидание.	-	-	-	стр. 258
Глава 74.	Пришла зима.	-	-	-	стр. 262
Глава 75.	В ожидании обыска.	-	-	-	стр. 265
Глава 76.	Второй Новый год в неволе.	-	-	-	стр. 270
Глава 77.	Освобождение.	-	-	-	стр. 273

Фрай Шрифтштеллер. Живущие протестом.

Компьютерная вёрстка и дизайн обложки: Аристарх Лихой.

Художники: Artact Qc, Яша Рахметов.

Все фото и изображения, используемые в тексте, предоставлены автором.

Некоммерческий полиграфический проект «Lixoy-Star».

2013 г.

Выпуск №9.

Версия электронная.

Копирование и размножение приветствуется.

Ваши отзывы и предложения присылайте на электронный адрес:

lixoy-star@riseup.net